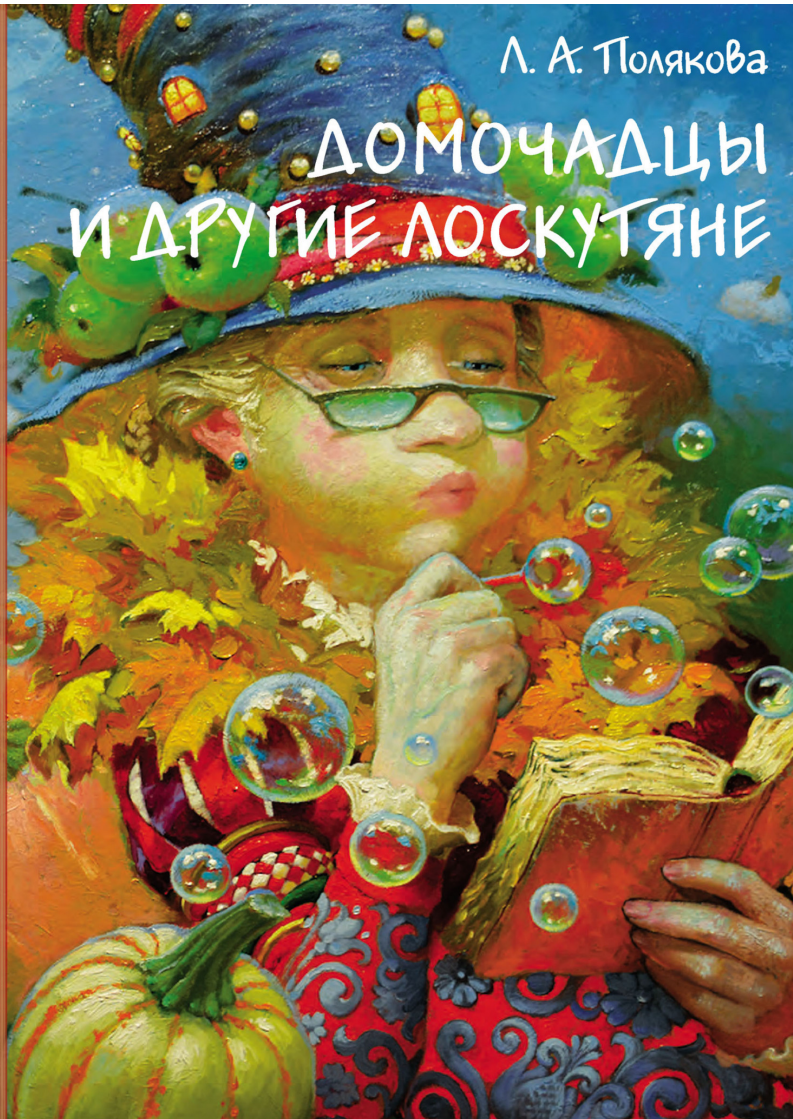

Л. А. Полякова

ДОМОЧАДЦЫ И ДРУГИЕ ЛОСКУТЯНЕ

Лидия Александровна Полякова

Домочадцы и другие лоскутяне

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65941821

Домочадцы и другие лоскутяне: Сказочный роман / Л.А. Полякова:

Пробел-2000; Москва; 2021

ISBN 978-5-98604-788-1

Аннотация

Автор предлагает читателю пятьдесят две истории, объединённые единой сюжетной линией и персонажами. Герои сказочного романа живут доброй жизнью в домах, согретых любовью, занимаются интересной работой, с радостью принимают гостей. Они доверчивы и открыты каждому. Неожиданно им приходится противостоять изощрённым врагам, возжелавшим подчинить мир своей абсолютной власти. Беда подкрадывается и настигает отовсюду, враги могущественны и коварны. Кажется, что спасения нет. Но дружба, любовь и братство помогают героям романа одержать убедительные победы на суше и в морской стихии.

Если вы читаете детям увлекательные истории, не утратили интереса к необыкновенным приключениям, и сказочные герои находят отклик в вашей душе, то эта книга для вас. Написана прекрасным литературным языком, читается с неослабевающим интересом, предназначена для семейного чтения.

Содержание

Книга первая	5
История первая	5
История вторая	11
История третья	19
История четвертая	31
История пятая	49
История шестая	80
История седьмая	108
Истории восьмая и девятая	132
История десятая	160
История одиннадцатая	182
История двенадцатая	197
История тринадцатая	213
История четырнадцатая	230
История пятнадцатая	245
Конец ознакомительного фрагмента.	250

Лидия Полякова
Домочадцы и
другие лоскутяне.
Сказочный роман

*Автор сердечно благодарит художника Виктора
Низовцева за любезно предоставленную картину
для оформления обложки*

© Полякова Л.А., 2021

© «Пробел-2000», 2021

Книга первая

Дрейфующий остров

«Лоскутное одеяло»

История первая

Дедушка Бертик выглянул в окно. Окно, конечно, очень условное понятие. Всегда это выход, портал во внешний мир. А в нём сегодня полыхало такое многоцветье, что хотелось поскорее разбудить домашних и показать, какую праздничную осень протягивает им всеми своими ладошками клён у дома.

Дедушка Бертик потеревил пальцами заборную бородку на своём круглом лице, что делал обычно в минуты раздумий. С чего начать сегодняшний день, который уже разбросал за порогом все свои сокровища – иди, собирай, обустрой своё собственное настроение и своих близких!

Романтичный папа Дедушки Бертика, исполненный высоких идеалов, назвал его в честь князя Лакриды Альберта Великолепного Века, правление которого было блистательным, но, увы, недолгим. В его кабинете министров были собраны самые громкие поэты, искусные танцовщики с мускулистыми длинными ногами и артисты цирка в прекрасной

физической форме. В Лакриде поэтому все от мала до велика страстно танцевали, задушевно пели, а некоторые даже любили читать – не многие, впрочем, так как чтение требовало усилий и отвлекало от танцевания и приятных бесед. У лакридян самым неприличным считалось словосочетание «здравый смысл», посему все приверженцы этого понятия безжалостно изгонялись – главное ведь, чтобы общение оставалось незаземлённым!

А потом, когда было съедено и выпито всё, что осталось от отца Альберта Великолепного Века, страна как-то быстро перестала существовать, и только немногие ценители высокого стиля в истории сейчас помнили Лакриду и её утончённого князя. Впрочем, на Острове, как и на Материке, с незапамятных времён появлялись и исчезали различные государства. И даже сейчас на нём располагалось несколько замечательных сказочных королевств и княжеств. Оттого и назывался наш дрейфующий остров Лоскутным Одеялом.

Итак, папа Дедушки Бертика назвал его Альбертом, Бертом, Бертиком... Дедушка Бертик достал из старого, часто вздыхающего шкафа любимый жилет и с удовольствием надел его – всё-таки, что ни говори, а лето кончилось! Жилет сложился из двух цветов – с зелёной суконной спинкой, совсем такой, какой бывает поверхность у бильярдных столов, и с передом цвета тусклого золота – этот цвет обычно навевал на дедушку меланхолические настроения... Обычно, но не сегодня! Сегодня в окно Дома заглянула молодая осень!

Первым делом надо было взглянуть, каким Дом стал к утру. Дело в том, что Дом, в котором жил Дедушка Бертик и другие обитатели, каждую ночь неузнаваемо изменялся. Мало того – ещё и каждый домочадец всегда жил в собственном обособленном жилище, хотя со стороны казалось, что все они обитают под одним кровом. А вот и нет! И чтобы навестить, скажем, Бабушку Лину, или Гошу Хулигана, или поэта и художника Симу, Дедушке Бертику, да и любому жителю или гостю Дома полагалось пройти всегда разную, иногда довольно долгую, но единственно возможную дорогу...

Сегодня Дом был Глиняным Горшочком, в котором... Ну, во-первых, перешёптывались, пошлёпывали друг друга и приветственно кивали прохожим кленовые листья – и ни один из них не повторял цветом своего платья одежду другого... А во-вторых, Дедушке Бертику хотелось рассмотреть всё, что выглядывало из Горшочка, но он решил сделать это чуть позже, когда станет решать, какие работы предстоят ему сегодня. А сейчас пришло время будить сонное царство – ведь каждая потерянная минутка укатывалась прочь неиспользованной золотой монеткой, и вернуть её было уже нельзя...

Кошечка Олли открыла один глаз. Ветку за окном её сегодняшнего жилища украшал собой нахальный дрозд. Откуда он прилетал, Олли не знала, да это и не было ей интересно, главное, что он прилетал всегда: где бы она ни просыпалась, её сон завершался шорохом птичьих крыльев и

громкой незатейливой песенкой всего из четырёх нот. Иногда на заре из-за этого Кошечка Олли чувствовала, что вот-вот взлетит – но это происходило лишь в то мгновение полусна-полуяви, когда у её изголовья рассыпались зёрна птичьей бессонницы. Дрозд чуть склонил голову набок, почистил клюв о черешок побледневшего листа и громко прокричал: «Проснись скорей!»

Второй глаз Олли просыпаться не хотел. Ей ещё снился город, в котором она однажды побывала на гастролях с Арлекином Мигелем. Там на раскалённой солнцем площади, обтекаемый потоками бесцельно бродящих людей, лежал тигр. Любой прохожий мог тут же получить от быстрого уличного художника свой портрет на фоне огромного хищника. Это поразило Кошечку Олли – сама она, как и все её сородичи, не каждому разрешала приближаться к себе... Она подошла к тигру и потёрлась щекой о его щёку, но тигр не ответил на её приветствие. Открытые глаза его спали чужим, навязанным сном, но даже в этом сне ему снилась непроходимая свобода джунглей...

Вспомнив о джунглях, Олли проснулась окончательно. Она распутала клубок, в который на ночь свернула свои лапы и хвост, и прыгнула на пол. Птица вспорхнула, прихватив с собой волокна Оллиных сновидений. Олли хорошенько потянулась вся, от усов до коготка на мизинчике задней левой лапы. Сегодня она ощущала себя серебристо-голубой. Однако правое ухо было рыжим с белым пятнышком в центре –

это была память о тигре из сна... Кошечка Олли подумала о том, какие истории о рыжем ушке будет сегодня сочинять для своих друзей и скользнула в приоткрытую дверь...

В Дом Олли пришла за Мигелем. Он жил здесь, но Кошечка частенько не могла его найти – Арлекин и сам терял себя в пестроте своих костюмов и масок, которые всегда определяли где, а главное каким Мигель должен быть сейчас.

Накануне Арлекин Мигель ушёл в маске хоккеиста, и до настоящего времени не вернулся – возможно, уехал на какой-то хоккейный турнир. Об этом Олли вспомнила, подойдя к Дедушке Бертику и позволив ему погладить себя по выгнутой спине... Ей очень захотелось сразу же подняться наверх, где между ветвей клёна красовался новенький старый скворечник, но она решила сделать это попозже, когда после завтрака все начнут обсуждать планы на день – тогда её не сразу хватятся...

Дедушка Бертик, между тем, достал из кармана жилетки тонкую дудочку. Сказать по правде, самым любимым его музыкальным инструментом была труба. Её объёмное, окрашенное звучание всегда заставляло его сердце биться чаще. Но использовать трубу для пробуждения сонного Дома было совершенно невозможно – просыпаться надо неспешно и абсолютно незаметно для себя. Для этого подходила именно дудочка. Бертик поднёс её к губам, и в окна полилась добрая утренняя мелодия омлета, оладышек и сладкого какао.

В Доме слышались неясные звуки – его обитатели

проснулись. Дедушка знал, что музыка завтрака не разбудит только Симу – каждую ночь тот перебирал буквы и краски, вглядывался и уходил в невидимые пространства, и к утру появлялись либо новые стихи, либо пахнущие свежей краской картины. Либо спасённые люди. Сима не совпадал по времени с другими домочадцами, но неизменно всё и всегда о них знал. Или чувствовал. Или предугадывал.

Но все остальные уже были готовы войти, вбежать, впрыгнуть в новый день.

История вторая

Русалка Люси чуть шевельнула плечом, невесомая волна сползла, открыв её спину розовому утру... Люси задремала на поверхности, когда солнце полностью выплыло из морской глубины, и сон её был недолгим.

Этой ночью Русалка возвращалась к Дрейфующему острову. Неделию назад её пригласила погостить знакомая Морская Сирена Лорелея, и Люси приняла её приглашение. Независимость независимостью, но иногда очень приятно провести несколько дней с близким по духу существом! Близкие по духу звали сирену Лорой, или Ларой, а поскольку русалки и сирены состоят в тесном родстве, то Люси тоже звала её Ларой. Жилищем Лорелеи служил замечательный грот с белым песчаным дном – почти у всех сирен и русалок дома были именно такими. Люси по достоинству оценила убранство покоев Лары, хотя дом, в котором сама Русалка жила теперь, обставлен ничуть не хуже. Вдоль стен расставлены замечательные сундуки с кованными металлическими накладками в углах и тяжёлыми резными замками, располагающие к покою кресла отделяли уютные уголки для уединённой беседы. Всё это Сирена приобрела в каютах бесплатных подводных выставочных центров. Ещё гроту сирены придавали красоту зеркала разных размеров, изрядное количество столовых приборов, почти совершенно сухие

ковры – впрочем, выбор любой мебели, утвари и украшений для дома в их среде был неограниченный... Серые готические своды грота Лорелея – вот умница! – убрала красными и золотистыми шнурами и кистями, сплетёнными из водорослей, которые росли только в кипящих потоках Чёрного Буруна... Люси с уважением взглянула на Лару, и плавничок на её левом бедре восхищённо всплеснул: сама она забираться в чёрные стремнины не осмеливалась...

Они поужинали замечательно – Сирена Лорелея была такой же хозяйственной, как и Русалка Люси. Помимо креветок, устриц, гребешков и мидий, она подала к ужину испанскую ветчину и греческие маслины, ананасы кусочками и половинки абрикосов – пёстрые железные банки с консервированными продуктами достигали дна моря неповреждёнными, их просто надо было собрать, пока донные течения не спрячут под толстым слоем тяжёлого песка...

Только подруги расположились в шезлонгах для приятной беседы, как издалека до них донеслось горестное мычание. Лара и Люси напряглись – кто-то был в беде и просил о помощи! Хвост Сирены дрогнул, она оттолкнулась от шезлонга и сделала Русалке знак рукой – «Следуй за мной!» Два гибких веретена, две золотистых стрелы ввернулись в толщу воды и пронзили расстояние.

В нескольких милях от грота Лорелеи находились пастбища, на которых паслись морские коровы. Они всегда передвигались у самого дна очень осторожно, медленно очи-

пывая растительность, иногда просто зарываясь своими добрыми мордами в песок в поисках сочных корешков. Более безобидных и беспомощных животных трудно было найти в морских глубинах. Сейчас на пёстром, с шевелящейся поверхностью, лугу случилась большая беда – робкая корова Му-Му в поисках молодой розовой поросли особенно вкусной травки, попала в крепкую сеть, которую расставили те, кто искали вкусного коровьего мяса.

Лорелея была в ярости – морские коровы находились на грани исчезновения! Она очень оберегала стадо, которое поселилось на сытных и покойных низинах в нескольких минутах заплыва от её дома. И всё равно нашёлся тот, кто выследил этих бесхитростных миролюбивых гигантов! Сирена начала пилить сеть, в которую угодила непуганая корова. Она почти не поддавалась усилиям Лары, а между тем времени терять было нельзя – Сирена не знала, когда поставили эту ловушку, возможно, охотники на наивных животных уже возвращаются, чтобы выбрать сети... «Посмотри, что наверху», – отрывисто бросила она Люси. Люси кивнула, шевельнула хвостом, и через мгновение оказалась на поверхности. Она намеренно всплыла чуть поодаль от того места, где колыбался над водой яркий флажок буйка, показывающий браконьерам место установки невода. Была опасность, что, увидев русалку, рыбаки попытаются изловить её сетями, находящимися в лодке. Здесь Люси полагалась на собственные скорость и ловкость. Куда хуже, если по ней откроют огонь

– тогда, чтобы защититься, ей придётся запеть. Но именно этого она и не хотела – песню она оставляла на самый безнадежный случай...

Наверху никого не было. Только чайка, то ли медитирующая на водной ряби, то ли дремлющая в бесконечной колыбели, обернулась и расправила крыло, приветствуя появление Люси. Неподальёку почти без движения лежала связка нескольких пустых деревянных сосудов. Кто и зачем связал их и бросил в море? На сей раз этот мусор её очень обрадовал. Она знала, что морские коровы дышат воздухом, поэтому они обязательно через небольшие промежутки времени выныривают на поверхность, делают глубокий вдох, а потом снова опускаются на пастбище. Му-Му находилась в ловушке уже довольно давно. Возможно, кислород в её лёгких на исходе, и она вот-вот может захлебнуться водой... Люси рывком подтянула к себе связку кувшинов, опорожнила их, чтобы они полностью заполнились воздухом, перевернула вниз горлышками, обхватила в охапку и стремительно нырнула. На поверхности моря рассыпался брызгами маленький фонтан, оставленный её сильным хвостом.

Находка Люси оказалась как нельзя более кстати – Му-Му уже теряла сознание. Воздух из узкогорлых сосудов позволил ей отдышаться. Корова благодарно взглянула на Люси, но потом заплакала ещё горше.

Лара сильно устала – сеть плохо поддавалась её ножу. Но всё же результат был: с большим трудом, не сразу, она пе-

репилила несколько чрезвычайно прочных бечёвок, и заплаканная, донельзя перепуганная корова освободилась от пут. Му-Му уткнулась мордой в ладони Сирены, и дрожала, и рыдала, и всхлипывала, и облизывала руки спасительницы. Только теперь Люси поразились – и когда только успела Лара прихватить с собой остро заточенный нож? И как у неё хватило сил перерезать бечеву, сплетённую из сверхпрочных волокон? Плавничок на её правом бедре выгнулся недоуменным вопросительным знаком. Вместе с Ларой она осмотрела грязно-белую шкуру Му-Му – конечно, много порезов, и есть весьма глубокие, но это можно залечить. У каждой сирены и русалки на такой случай хранились в аптечках замечательные мази собственного изготовления.

Приложив много стараний, подруги зацепили конец сети за скальную плиту, удачно пролегающую в этом месте – пусть завтра тот, кто хотел выловить морскую корову, попробует выловить свою изрезанную сеть! Обрато они добрались втроём, и гораздо медленнее – корова не сразу перестала плакать и спотыкаться...

Прогуливаясь вдаль от поросшего зелёню крошечного островка, где был надёжно укрыт от посторонних взглядов дом Морской Сирены, они увидели стоящий на якоре пиратский корабль. Что это корабль пиратов, стало ясно, когда они рассмотрели его экипаж – пёстро и нелепо одетый. Надо ли описывать пиратов – они одинаковы во все времена! Лара и Люси подплыли совсем близко, так что могли ру-

ками ощупать шершавые борта судна. Из разговоров матросов они поняли, что завтра по траверсу их корабля должно пройти торговое судно с очень дорогим, баснословно дорогим грузом на борту. Он станет их лёгкой и такой вожаденной добычей. Русалка и Сирена переглянулись. Они знали то, что ещё не было известно пиратам – к ночи начнётся шторм, и какой! Ураганный!!! Несколько недель море концентрировало свои силы именно здесь – выбор точки высвобождения своего гнева оно оставляло за собой. Сначала нарастало некое глубинное возмущение, словно море вымеряло глубину в том районе, где что-то должно было произойти. А затем случался водяной взрыв, и долгие взрывные волны вздымались с самого дна к небесам, и соединялись, и нарастали, и умножали друг друга... С наступлением такого шторма все корабли, которым повезёт, стремились укрыться – в бухте ли, у берегов ли острова. Где-нибудь, лишь бы не находиться в это время в открытом море! Люси и Лара погрузились в воду. Набрав охапки длиннющих водорослей, они долго и старательно обматывали ими винты и якоря корабля. Этого им показалось недостаточно, и они намертво переплели связки вековых водорослей с теми, что своими корнями уходили в толщу морского дна. Теперь корабль был надёжно обездвижен! Подруги знали точно – через несколько часов море заставит каждого из пиратов пересмотреть всю свою жизнь! Они станут давать обеты навсегда распрощаться с гнусным ремеслом и заняться землепашеством, если им

посчастливится выбраться на сушу живыми... Ну что ж, Сирена и Русалка дали им шанс раскаяться в своих злодеяниях, теперь уже только Провидение могло решить – принять или нет их клятвенные заверения...

Некоторые говорят, что русалками рождаются. Другие – что русалками умирают. И те, и другие глубоко заблуждаются. Русалками становятся! Как, например, стала Люси.

Прежде она жила на земле. Это была очень важная жизнь – маленький домик, который она обустроивала со всем прилежанием, крошечный палисадник у входа... Люси сама, надев передник в лиловую с белым клетку и лиловые же перчатки, выкрасила крылечко и перила у входа в вишнёвый цвет, и дом сразу стал улыбчивым, приглашающим войти в старинную, с изящно выгнутыми филёнками, дверь... И колокольчик над входом, серебряный колокольчик с переливчатым звоном капли она повесила, встав на смешной ступенчатый табурет – на этом табурете, удобно поставив ноги на его нижнюю ступеньку, она любила сидеть в своём садике из трёх розовых кустов. Да, весь её сад, весь её мир состоял из трёх розовых кустов, которые тогда ещё не русалка Люси растила всем своим сердцем. Люси знала наперечёт все листочки и колючие веточки каждого куста, считала бутоны и любовалась тугими разворотами их лепестков к наступающему полнолетию. Она разговаривала с ними, учила, какими должны расти все благодетельные растения из семейства розоцветных, рассказывала даже о сорных растениях,

которые могли вырасти только за оградой её сада. Розы были внимательны к Люси и наполняли её дом своим ароматом. Она всегда различала тонкую мелодию каждого куста в общем звучании запахов улицы. А колокольчик над дверью оповещал мир о наступлении весны при всяком появлении Люси на пороге дома.

Всё изменилось в один день – увидев, как она пьёт в саду чай с вареньем, сидя на ступенчатом табурете, и несколько лепестков розы запуталось в её волосах, арендодатель пан Кузей вдруг решил резко увеличить плату за это трёхрозное счастье Люси. Может быть, он счёл такое счастье чрезмерным для сумм, что получал от неё, кто знает? Но теперь он назначил такую цену, которую Люси платить никак не могла, и тогда, выломав с корнем один из её розовых кустов – самый молодой и долгожданный – хозяин указал ей на дверь... Потом – спустя какое-то время – он одумался: этот домик с зелёной крышей и вишнёвой дверью, с двумя розами у входа, не принял больше никого в свои оклеенные жёлтыми обоями комнаты. И пан Кузей послал сказать Люси, что она может вернуться, он не будет поднимать арендную плату. Но Люси не вернулась. Принеся в жертву один из розовых кустов, она избавилась от всех земных условностей и связей и стала Русалкой...

История третья

Первой на крыльцо Дома выскочила Говорящая собака Чау. Прыжком соскочила на траву, отчётливо ощутила взаимную упругость зелёных ростков и собственных лап, и радостно залаяла: это было приветствие новому дню и всему, что он несёт с собой... И сразу же внутри дома раздалось дробное шлёпанье босых и обутых ног, звуки открывающихся дверей, и домочадцы один за другим вышли в доброе утро.

Строго говоря, никакой она не была собакой – только собачкой, и никак не иначе. Собачкой неопределённой породы, возможно – фокстерьер, скорее белой, хотя коричневые пятна всё-таки отметили её спинку. Небольшая весёлая собачка. Но однажды на улице возле булочной, когда она, не помня себя от восторга, бежала за кувыркающей под ветром на асфальте скомканной бумажкой, ей встретилась степенная, с достоинством несущая весь свой облик, обильношерстяная и сосредоточенная на своём внутреннем мире собака чау-чау, ведущая за собой на поводке пожилую даму в накрахмаленной кружевной шляпке. Дама выглядела не более, чем фрейлиной этого царственного животного. Она была сопровождающим лицом, эскортом королевского выхода... А центром вселенной, несомненно, являлась чау...

Собачка была поражена великолепием увиденного. Она

забыла про бумажный комок, никем не замеченным улетевший за угол дома, и застыла на месте, провожая взглядом невозмутимую особу, несомненно, высочайших кровей. Сама она степенно вышагивать просто не умела – её всегда переподняли разнообразные дела и идеи, почему и передвигаться ей надо было только бегом.

Чау оказалось архетипом собаки, мечтой, идеалом, и с этого момента наша собачка поняла – в сердце своём она не что иное, как Говорящая собака Чау. Правда, она чувствовала это не очень скромным – вот так, запросто, назвать себя знаковым именем. Но уже не могла ничего с собой поделать. Очарование ослепительной собаки Чау было сокрушительным! Так она и стала отныне называть себя, так же её стали называть и друзья.

С вечера Чау не решила, чем займётся сегодня – у неё всегда было много неотложных дел: навестить, проверить, увидеть, разнюхать – словом, узнать всё, что случается в округе. И это не говоря уже о том, что почти каждый день Домочадцы собирались вместе и выполняли какие-то общие очень важные дела, и Чау работала вместе со всеми. Она могла по выражению лица любого из жителей Дома прочесть все его радости и печали, и если находила печаль, то не оставляла друга без помощи – как-никак, она была просто замечательной собачкой, и дружила так, как мало кто из людей умел...

Одной из её сокровенных обязанностей была песня Полной Луне. Она даже не знала почему, но в каждое полно-

луние выходила в палисадник и приветствовала Луну новой песней, сочинённой специально для этого выхода, и серебряный лик Луны от смущения становился иногда золотистым, а иногда розовым... В прошлое восхождение Полной Луны Чау называла её серебряной монеткой – одной из тех, что нанизываются на нити тысячелетий в мониста, украшающие пространства вселенной... Откуда к ней приходили такие сравнения, Чау не знала – не иначе, наслушалась стихов Симы, или наставлений бабушки Лины, а может, и метких определений Хулигана Гоши...

Когда однажды её старинная подруга (довольно вздорная, если быть честной!) Ворона устроила сцену по поводу того, что собачка играла в палисаднике с сойкой, с которой у вороны дружба разладилась, Чау очень огорчилась. Собака жалела эту ворчливую ворону, которую мало кто любил из-за скверного характера. (Она выпрашивала у всех особого внимания к себе и кусочков сыра, которыми ни с кем – и с Чау тоже! – не делилась.) Но сойка Собаку очень заинтересовала – хотя бы потому, что с ней замечательно общались некоторые друзья Чау, и юркая птица могла рассказать много интересного о тех местах, где прежде Чау не бывала... Однако Ворона так демонстративно уселась на бельевую верёвку, отвернулась и нахохлилась, и даже не взяла сыр, который добрая Чаушка специально для неё положила на видном месте, что собачка почувствовала себя неловко – собственная деликатность всегда причиняла ей же самой мас-

су неудобств... Подумав, она решила: глупую Ворону знает уже довольно давно, и даже иногда они вместе гоняются за солнечными зайчиками, а красивая Сойка пока совсем чужая... И, чтобы не огорчать старую знакомицу, собачка не стала больше ходить в палисадник, когда туда прилетала Сойка... Поняв, что Чау не обделит её своим вниманием, счастливая Ворона снова стала спускаться на траву при виде Собаки, рассказывать ей о своих заботах, выклёвывать вкуснейшие кусочки из собачьей миски и усаживаться на отдых рядом, перебирая клювом её бело-коричневую шерстку...

Подумав о подругах, Собака вспомнила, что давно не навещала знакомую белку Дусю – они так здорово играли вдвоём: белка прыгала с дерева на дерево и бросала в Чау шишки, а собачка бегала за ней под деревьями и звонко лаяла... Когда они наигрывались вдоволь, Дуся спускалась вниз и приносила угощение для своей гостьи – горстку сушёных ягод, или свежий гриб, а иногда даже орешек – но хорошо воспитанная Чау всегда вежливо отказывалась, уверяя: она только что от стола и совершенно сыта. И тогда белка, застенчиво отворачиваясь, съедала принесённое сама... Вспомнив это развлечение, Чау лёгкой рысцой отправилась в гости к Дусе. Над кудрявым кустом вспорхнула пёстрая птичка, которая немного полетала рядом с Собакой. Просто так, чтобы сделать приятное незнакомке, в хорошем расположении духа направляющейся в лес. Они перекинулись парой слов – и день, и лес, и мир обнимали случайных спутниц с одина-

ковой взаимной любовью. В солнечной дорожке, пробивавшейся сквозь ветки, неожиданно появилась красная капля-ка в коричневом дрожащем ореоле. Птичка и Чау уставились на неё со всем вниманием.

– Смотри! Божья коровка! – пискнула птичка. – Наверное, к деткам своим торопится, которые на небе...

– А ты их видела когда-нибудь? – спросила Собака.

– Кого? Деток? Нет, – огорчённо ответила её мимолётная подружка. – А они ведь на небе конфетки кушают!

– Маленькие детки конфетами не питаются! Они едят божьекоровье молочко, – уверенно сказала Чау, – и сейчас эта коровка как раз и несёт им на завтрак своего молока!

Попутчицы проводили божью коровку уважительными взглядами, и тут Чау вспомнила, что направлялась к белке Дусе. Прощально махнув хвостом птичке, она поспешила дальше.

Она бежала по знакомой дорожке и восхищалась сменяющимися пейзажами, хотя ей был давно известен каждый камешек, каждый куст, красующийся у обочины. Она столько раз обежала весь замечательный мир, в котором жила! Поднималась в горы, прогуливалась по неистово ароматным лугам, плескалась в прозрачных озёрах и речках с плавным течением. При взгляде с горного плато, лежащее внизу пространство складывалось из зелёных холмов, жёлтых полей, синевы водоёмов, пестроты ярких крыш посёлков и городов. Всё это многоцветье соединялось лентами белых дорог

и стежками еле приметных тропинок. Ей было совершенно ясно, почему прекрасный остров, на котором она жила, медленно перемещающийся в морской бесконечности, назывался Лоскутным Одеялом. Собачка обожала эту землю, и лучший из всех домов на свете – Глиняный Дом, в котором складывалась вся её жизнь.

Дорога к лесу пролегла вдоль ухоженного поля – Чау всегда с удовольствием отмечала это про себя... Неожиданно у обочины она увидела человека, сидящего на траве, обхватив руками колени и уткнув в них голову.

Его поза выражала такое горе, что Чау просто не смогла пройти мимо. Она остановилась, нерешительно пару раз махнула хвостом, переступила с лапы на лапу, медленно подошла к мужчине и присела рядом. Тихонько твякнула, чтобы привлечь его внимание. Мужчина обернулся, но собака не увидела в его глазах желания поговорить. Тогда она набралась смелости и тихо спросила: «Чем я могу вам помочь?» – так сейчас спрашивают те, кто по долгу службы обязан отвечать на вопросы... Он нисколько не удивился. Коротко ответил: «Корову у меня увели. Хорошая была корова». Уши собачки встали «домиком» – это означало крайнюю степень внимания.

Дом и земля крестьянина Анселя находились в нескольких километрах от того места, где сейчас его застала Собака. На своём участке он выращивал кукурузу, пшеницу, лук, хмель – всего понемногу, чтобы хватило на жизнь самому,

на прокорм корове, да немного можно было продать на базаре... В этом году урожай выдался знатный, Ансель уже прикинул в уме, что по весне сможет купить лошадь и ещё одну корову, и тогда жизнь станет гораздо интереснее... Потому что, укрепив хозяйство, будущей осенью можно будет подумать и о женитьбе. Теперь важно было побыстрее убрать своё щедрое поле под зиму.

Сложив собранную с утра кукурузу в бурт, он отправился домой, чтобы прикатить тачку и понемногу перевезти эту красоту в сарай на подворье. Корова паслась на траве по окраине поля, изредка вскидывая голову и оглядываясь на хозяина. Ансель помахал ей рукой – сейчас вернусь! Когда возвратился, убранной кукурузы не было, но главное – исчезла Кора, его добрая коровка... Ансель заметался – он заметил множество следов вокруг того места, где были свалены спелые початки, ещё наложенные друг на друга отпечатки мужской обуви и круглых коровьих копыт по направлению к дороге, пошёл по ним, но вскоре они исчезли. Очевидно, лиходеи свернули в лес, чтобы оборвать следы и переждать погоню... И где теперь искать Кору, Ансель не знал...

– Дай мне понюхать что-нибудь коровино! – сказала Чау, и ей самой стало смешно: обычно коровы пахнут так ярко, что труднее потерять их запах, чем его искать... Но в руках у крестьянина была верёвка, которой он иногда привязывал Кору, чтобы она не забредала в пшеницу. Собака начала внимательно и глубоко нюхать эту верёвку. Целая стайка ассо-

циаций проплыла перед её носом. Молоко... Рыжий коровий бок... Короткий серповидный рог... Крепкая рука Анселя... Это было явно лишним – запах хозяина отвлекал. Но он же подтверждал его отношение к Коре. Собака понюхала ещё немного, запоминая симфонию запахов Кору, и всё её тело наполнилось нетерпением – была принята задача: искать! Отстранённый до этого своей бедой, Ансель внимательно посмотрел на Чау и встал. А она уже не видела ничего вокруг – сбежав к дороге, низко пригнув голову, заметалась, казалось бы, хаотично, а потом резко бросилась к лесу... Еле слышная в море запахов жизни нотка Кору звала собачку за собой. Ансель бросился за ней. Чау уже слышала запах коровы совершенно отчётливо, и азарт охотника заставлял её бежать со всех ног... Внезапно среди вековых деревьев открылась поляна, где возле сваленной горкой кукурузы сидели четверо лихих людей. Рядом к дереву была привязана Кора, Чау сразу узнала запах, по которому пришла сюда.

– Это моя корова. И кукуруза тоже моя. – сказал Ансель. – Отдайте по-хорошему, и идите своей дорогой!

Вместо ответа злодеи бросились на него. Завязалась драка, но силы были не равны. Остаться в стороне Чау не могла, ведь она была Собакой, и её дружба всегда оказывалась больше и сильнее её самой. Она бросилась на помощь Анселя и вцепилась в штанину одного из бандитов, пытаясь оттащить его в сторону. Но он, развернувшись, дал ей такого пинка, что собачка, громко завизжав от боли, взлетела в воз-

дух и неловко упала на подвёрнутые лапы.

– Беги, Чау, беги, – выкрикнул Ансель. Собака с трудом встала. Ноги её сводило от боли, сильно болел бок, в который с размаху вонзился кованый нос грубого мужского сапога. Слезы скатились из глаз, она, пошатываясь, сделала пару неуверенных шагов назад к крестьянину, потом развернулась и опрометью бросилась вон. Силы её оставили в нескольких метрах, она поняла, что не добежит.

– Жабль! Жабль! Ко мне! На помощь! – громко крикнула Чау Через несколько секунд над горизонтом показалось несколько быстрорастущих точек, и над ней возникли сразу четыре дириЖабля-амфибии. Они опустились на траву рядом с ней.

– Скорее в Глиняный Дом! Везите сюда всех, кто может! Здесь беда, срочно нужна помощь!

Один из Жаблей остался возле неё. Трое скрылись из виду. И буквально через две-три минуты все домочадцы на Жаблях оказались рядом с хромающей Чау... Ещё мгновение – и они вышли на поляну, где лежал уже связанный по рукам и ногам Ансель, а над ним стояли злодеи. Увидев такое неожиданное подкрепление для Анселя, разбойники смешались.

Дедушка Бертик с кремниевым ружьём, которое висело на стене Дома лет двести, и до сих пор ещё ни разу не выстрелило, занял позицию в центре. Его бородака топорщилась сосредоточенно и сердито. От обычного добродушия не оста-

лось и следа. Рядом с ним со скалкой в руке встала Бабушка Лина – неужели кто-нибудь мог подумать, что она оставит беззащитным кого-то из своих домочадцев? Хулиган Гоша оттеснил её немного назад, прикрыв собой, он держал за ножку перевернутый табурет. Сима стоял спокойно и собрано, и от него исходила такая уверенность и сила, что никто из разбойников не рискнул бы вступить с ним в схватку. Миша медленно снял очки и повесил их на еловую лапу. Справа стояли девушки, но тот, кто подумал бы, что здесь легко прорвётся, глубоко ошибался. Инна, которая не боится ничего, и Гранечка Ванечкина, всегда готовая принять стрелу, летящую в друга, схватились за руки, и разорвать это сцепление вряд ли кто сумел бы. Одной только отвагой своей они остановили бы по крайней мере двоих. А над поляной зависли Жабли. Они не умели драться, зато смотрели и видели, что иногда для злодеев бывает страшнее всего.

Но самое ужасное для лихоимцев определилось слева. Беззвучным броском между деревьями возникла Олли, с жёлтой в чёрных крапинах шерстью, на высоких неутомимых ногах. Маленькая голова её уже была втянута в плечи, плотно прижаты уши, длинный хвост нервно подрагивал, и конец его отрывисто бил по земле. Она собралась для нового прыжка.

– Который ударил тебя, Чау? – прошипела Гепард Олли, показав рафинированные клыки такой безупречной формы, что даже собака побледнела: это стало видно сквозь её сто-

ящую дыбом шерсть. Трое злодеев, одновременно, немедля ни секунды, указали на четвёртого...

– Беги, – коротко рыкнула ему Олли, и хвост её сильно стегнул траву... Злодеи в ужасе бросились наутёк, но огромная кошка, сжавшись до предела, внезапно оттолкнулась от земли, одним прыжком догнала того, кто нанёс удар собачке, и молниеносным ударом жилистой лапы подсекла его.

– Стой! – вдруг закричал Ансель. – Не делай этого! Надо дать ему шанс – ведь он ещё может вернуться к нормальной жизни!

Олли протяжно зарычала, передёрнулась, стряхивая с себя ярость, и медленно отступила. Злодей поднялся на ватных ногах и с усилием побрёл прочь... Собака подошла к всё ещё гепарду Олли и лизнула её в нос... Олли заурчала и понемногу стала становиться Кошечкой...

В этот миг над поляной раздалось истошное карканье, и на голову разбойника чёрной перчаткой провидения обрушилась Ворона. Она не успела за Жаблями – возраст, знаете ли! – но сейчас настало время её битвы, и за ней с криками летела стая сородичей. Они с боевым кличем падали на головы и спины злодеев, наносили им сильнейшие удары мощными клювами, резко взмывали вверх и снова нападали... И только отогнав проходимцев на значительное расстояние, воронья стая вернулась на поляну и чинно расселась на ветвях. Подруга Собаки спустилась на траву, медленно подошла к Чау и заглянула ей в глаза:

– В следующий раз, когда соберёшься в гости, я полечу с тобой и провожу тебя – и не вздумай возражать! – сказала она.

Потом осмотрела собачку, перебрала клювом шерстинки у неё на спине, и удовлетворённо отметила:

– Больше никогда эти разбойники не вернуться в наши края – а уж ворон они будут бояться до конца жизни!

На поляне раздался такой оглушительный смех, что сидящие на ветвях вороны снова начали тревожно каркать. Но это был радостный смех обитателей Дома, которых от всех невзгод защищала крепкая дружба.

История четвертая

Морская Сирена Лорелея очень любила возвращаться домой на закате. Солнце погружалось в воду позади невысокой скалы, в основании которой находились ступени в грот. Скала густо поросла серебристым кустарником и небольшими деревьями, которые, Бог весть, как оказались здесь, откуда, в какую сторону не смотри – берега не увидишь. Когда солнце зависало за «замком» Лорелеи, вся растительность на скале начинала пылать в его лучах, как огромный костёр, и Лара издали всегда любовалась этим бездымным пожаром, взвивавшимся среди бескрайней воды...

Два дня Море билось на своём извечном ложе, и не знало покоя – как будто стремилось изменить границы своего предлежания к небу. Все обитатели его на это время либо укрылись в своих домах, либо заблаговременно ушли как можно дальше от взбунтовавшихся нагромождений воды. Люси и Лара переждали шторм в уюте сирениного грота.

Ночью второго дня море затихло, и звёзды опять нашли свои отражения в чёрном зеркале... Этой же ночью Русалка Люси возвратилась к себе, и Морская Сирена Лорелея, проведив её до половины пути, стала восстанавливать привычный распорядок. Для начала она решила немного погулять перед сном – почему-то все говорят, что это полезно.

Море установило для тех, кто связан с ним, свои стро-

гие правила. Русалкам и сиренам по статусу полагалось сопровождение, ночью – безоговорочно. Море благоволило к тем, кто осознанно перешёл жить в его владения. Поэтому от восхода луны до восхода солнца рядом с ними неотступно находились светящиеся рыбки-фонарики, а чуть поодаль скользили острые тени большого сопровождения. Это бывали либо акулы, либо дельфины. Сегодня часть дельфиньей стаи отправилась провожать Русалку, а остальные плыли на некотором отдалении от Лары. Иногда она мечтала улизнуть от всевидящего взора Владыки морских обитателей и погулять в ночи совсем одна, но благоразумие всегда брало верх: своеволие могло рассердить Море, а Сирене совсем не хотелось стать изгнанницей. Добравшись до пастбища морских коров, Лорелея остановилась. Она нашла тот самый донный выступ скалы, за который они с Люси накрепко зацепили найденную сеть. Лара присела на эту плиту и осмотрелась. Даже обрывков сети не осталось. Сирена задумалась. Хорошо, если рыбаки успели выбрать эту сеть до наступления шторма. Ещё лучше, если они вообще не выходили в тот день в море... И очень жаль, если они оказались на этом месте в тот момент, когда море рванулось ввысь... Лара не держала зла на рыбаков, которые пытались выловить её корову, хотя, освобождая Му-Му от сети, она была вне себя от ярости. В конце концов, они зарабатывали себе на жизнь...

Вздыхнув отчего-то, Сирена медленно двинулась дальше. Через некоторое время она приплыла туда, где они с ру-

салкой обездвигили пиратский корабль. Корабля не было и в помине. Когда фонарщики осветили дно, она разглядела только один якорь, намертво вросший в дно, якорную цепь, лежащую грудой возле него, истерзанное металлическое горло клюза с щепами борта исчезнувшего корабля. Лорелея склонила голову и немного постояла возле этого страшного памятника... Потом ещё раз вздохнула горько и медленно поплыла к своему гроту. Рыбаки зарабатывают на жизнь – и рискуют жизнью. Пираты тоже используют Море для заработка – и обогащаются, убивая... Как-то неправильно всё складывается. Но Море не прощает фамильярности, и никому ещё не удавалось панибратски похлопать его по плечу...

Лара подумала о тех делах, что ей предстояло сделать днём. Она довольно давно не пополняла свои запасы жемчуга, наверное, пришло время принести в грот пару горстей свежих жемчужин, что она заметила прошлой осенью.

И русалки, и сирены ходят за жемчугом, как на земле ходят за грибами или ягодами – по сезону. И что в этом удивительного? Как раз наступил сезон сбора урожая – молодой жемчуг поспел, и надо было собрать его – не трогая, впрочем, зёрен, что должны расти и вызревать дальше: у этих жемчужин совсем другое предназначение.

Мелкие созревшие жемчужинки шли на изготовление лечебных мазей и притирок, которыми сирены (да и русалки тоже) лечились сами, и врачевали всех своих знакомых. Конечно, к растёртым в порошок жемчужинам добавлялись вы-

сушеные водоросли, в которых было много йода, толчёные корешки морских трав, богатые неземными витаминами, и измельчённые волосы и чешуйки самой целительницы, которые придавали мази особую живительную силу... Вот эта жемчужная мазь в аптечке Сирены сейчас подходила к концу. Жемчужинами средней величины Лорелея украшала своё жилище – нанизывала их на тонкие нити водорослей из Саргассова моря, и они служили пологом для её кровати или занавесками, отделяющими комнаты её апартаментов. Более крупными, с терновую ягоду, она убирала свои волосы, плела из травы, усыпанной перламутровыми брызгами, пояса и браслеты... Но были ещё жемчуга такой величины, которая и не снилась земным людям – с грецкий орех, и даже с яблоко размером. Эти жемчужины она приносила домой редко – просто, как баловство, как диковины, ведь в повседневной жизни они не были ей нужны. Хотя некоторые – грушевидной формы, например, и необычных цветов – использовала, как флаконы для различных нужд: солонки, чернильницы, стаканчики. Несколько чашек для чая тоже сделаны из цельных жемчужин. Но для сирены это всего лишь предметы обихода, как и перламутровые блюда, изготовленные из створок огромных моллюсков... Конечно, Лорелея знала, что жемчуг – это дорогое удовольствие там, на земле. Но, изменив среду обитания, она изменила и систему ценностей. Здесь жемчуг был так же естественен, как и морская вода, и Лара могла запросто заполнить им все свои сундуки, и со-

бирать его до бесконечности – но зачем?

За этими размышлениями она и не заметила, как добралась до дома. Наступил тот самый неуловимый момент равенства, когда уходящая ночь и наступающий день замерли, ожидая рассвета, и всё вокруг стало серым.

Сирена отпустила рыбок-фонарщиков и дельфинов, немного покачалась на поверхности воды и... В этот момент она увидела нечто большое, бесформенное, неживое, движущееся под воздействием лёгкой волны прямо на неё... Лёгкий толчок хвоста, и Лорелея отпрыгнула на безопасное расстояние... Отсюда она внимательно осмотрела свою находку. На двух обломках корпуса лодки лицом вниз без малейшего движения лежал человек. Лара тихонько подплыла поближе. Откуда он взялся в открытом море, так близко у её дома? Вдруг она увидела, как человек шевельнул кистью руки – он был жив! Думать было некогда. Она ухватилась руками за мокрые доски и начала толкать этот ненадёжный плот к гроту.

С большим трудом перетащив бесчувственное тело на каменные ступени своего дома, Сирена уселась рядом, чтобы немного отдышаться. И в этот момент мужчина открыл глаза. Некоторое время он смотрел прямо вверх, ощупывая взглядом каменный, уступами стремящийся вверх, выбеленный солью и ветрами свод. Потом взгляд его спустился по украшенным кораллами и жемчугом тяжёлым портьерам к ступеням, на которых он лежал. Здесь силы оставили его, и

он закрыл глаза. Её он так и не увидел, хотя она сидела возле него...

Лара поднялась в грот и стала готовить крепкое питьё – она знала, что именно оно понадобится этому человеку, когда он придёт в себя.

Уже солнце стояло довольно высоко, когда он очнулся и попытался сесть. Но тут дала знать о себе израненная рука – он застонал от боли. Лара спустилась к нему и протянула напиток. Не говоря ни слова, он осушил чашу, не отрываясь. Чуть утолив жажду, он поблагодарил Сирену.

– Спасибо! Скажи, как я очутился здесь?

– Море тебя сюда принесло, – ответила она. – Но сейчас ты лучше помолчи и дай себе отдых, у нас будет ещё время поговорить!

– Как скажешь, – ответил человек.

– А теперь дай-ка мне посмотреть твою руку! – сказала Лара.

Рука, к счастью, оказалась не сломанной, но вывихнутой, вся в ранах и ссадинах. Впрочем, ранами и ссадинами была покрыта и его спина в лохмотьях рубахи, и босые ноги. Сирена посмотрела свою аптечку – так и есть, жемчужной мази оставалось немного, всего полбаночки. «Завтра точно надо идти за жемчугом, – подумала она, – этой ему хватит только на сегодня». И в этот момент она поняла, что уже некоторое время слышит какой-то посторонний звук, доносящийся снаружи – как будто кто-то коротко и несильно стучит

в стену. Оставив баночку возле неожиданного гостя, Лорелея выплыла из грота. Так и есть – в выступающий мыс скалы с каждой волной бился деревянный обломок каких-то скрещенных балок, а к ним ремнями был привязан человек – тоже живой, и без сознания... Ремни она перерезала моментально, и, подхватив скользнувшего в воду мужчину, дотянула его до входа в грот и бережно уложила на песчаный пол... Ей понадобилось много усилий, чтобы привести его в чувства, она напоила и его, он тоже немного пришёл в себя. Она объяснила и ему, что он сейчас в безопасности. А потом принялась обрабатывать раны прибившихся к её порогу гостей. На один раз лекарства хватило обоим, и, наложив тугую повязку одному на руку, другому – на повреждённую ногу, она оставила их отдыхать и набираться сил.

Они проспали почти сутки. Сирены и русалки нечасто пишут друг другу письма. Обычно они передают друг другу устные сообщения с курьерской дельфиньей службой. Но иногда бывает нужно ускорить доставку, или сообщить что-то по секрету, или передать сообщение туда, куда дельфины добраться не могут, и тогда они пользуются срочной чаячьей почтой. На такой случай у каждой уважающей себя сирены, или русалки, что почти одно и то же, всегда есть запас высушенных крупных листьев формата А4 морского растения арагиз. Лара аккуратно отделила половинку листа, обмакнула длинную рыбку косточку в чернила, которыми с ней поделилась соседская Каракатица, и написала записку следую-

щего содержания: «Завтракайте! Чай в термосе. Скоро вернусь. Л.» Сервировав на столе завтрак, она положила записку на видном месте, закрепила на поясе мешочек для жемчуга и отправилась в путь.

Невысокая скальная гряда на дне в двух часах пути от её дома была покрыта густой фиолетовой растительностью, а в ней давным-давно поселилась бесчисленная колония раковин-жемчужниц, о которой не знал никто, кроме Сирены. В каменной расщелине над жемчужным полем жила её знакомая Мурена, Мура. Она бдительно охраняла этот заповедник специально для Лорелеи, которую обожала. Только Лара приносила Мурене гостинчики и всегда чесала ей шейку там, где у всех ушастых находится «за ушком»... Мурена же в ответ на ласку полностью выплывала из своего убежища и гладилась о руки и хвост Сирены совсем, как домашняя кошка. Раза два в год Лара навевывалась на эту фиолетовую поляну за жемчугом. Гораздо чаще – только для того, чтобы навестить одинокую и немолодую Мурену. Сегодня она принесла Муре несколько кусочков консервированной ветчины – деликатес редкий, Мурена уже и вкус ветчинный забывать стала! Осторожно взяв ломтики нежного мяса из рук Сирены, хищница потёрлась о её запястье и поплыла рядом с ней. Жемчужницы отдавали Лорелее свои сокровища охотно – она не причиняла им никакого вреда, и, освободившись от вызревшей жемчужины, раковины тут же принимались создавать новое перламутровое чудо... За несколь-

ко минут она наполнила мешочек у пояса молодыми жемчужинками, осмотрела те раковины, которые вырастили редкие по величине и красоте плоды, и, поцеловав Муру, тронулась обратно.

Когда она вернулась, её гости уже проснулись и позавтракали. Они были готовы засыпать Сирену вопросами, но она сразу сказала им, что для разговоров время ещё будет, а сейчас ей надо приготовить свежую мазь и обработать их раны. Она высыпала в каменную ступу принесённые жемчужины и стала дробить их каменным же пестиком. Постепенно добавляла в ступку все необходимые для мази ингредиенты и тщательно перемешивала. Оба внимательно наблюдали за её работой. Неожиданно мужчина с повреждённой ногой спросил:

– Откуда у тебя столько жемчуга?

– Насобирала, – коротко ответила она.

Наконец, мазь была готова. Лорелея внимательно осмотрела своих неожиданных пациентов и поменяла им повязки. Найденный вторым был в худшем состоянии – его нога сильно пострадала, пришлось наложить шину и насильно уложить мужчину на лежанку.

– Я Морская Сирена Лорелея, – представилась она, наконец. – Нашла вас вчера в море в бессознательном состоянии. Это мой дом. Я вылечу вас, а потом мы подумаем, как вам возвратиться на землю.

– Меня зовут Максимилиан, – сказал тот, которого она

нашла первым. – Я вышел в море, чтобы выбрать сеть – поставил накануне на морскую корову. Видел, что надвигается шторм, но надеялся вернуться домой до того, как он разразится. Да не успел...

– Тебе так была нужна эта корова, что ты даже шторма не испугался? – спросила Сирена.

– Когда ставил сеть, то надеялся выловить корову – я приметил стадо неделю назад. Их мало осталось. Подумал, что если отловлю нескольких и помещу в огороженной части лагуны, то они смогут спокойно жить и размножаться. А потом выпущу их всех на волю... Когда увидел назревающий шторм, подумал, что попавшая в сеть корова может погибнуть, если я не освобожу её, либо не увезу в спокойное местечко. Вот и вышел в море – чтобы не дать ей погибнуть... И погиб бы сам, если бы не ты...

Лорелея улыбнулась. Он всё же не за коровым мясом охотился, как подумали они с Люси. Надеялся переместить морских коров в более спокойное место! Какое счастье, что остался жив! Поэтому Море привело его к ней!

– Да, наша встреча была неожиданной... Я даже испугалась, когда наткнулась на тебя. Ну, всё теперь хорошо! Как только затянутся твои раны, помогу тебе вернуться. А ты кто, и как оказался в море? – обернулась она ко второму.

– Я моряк. Наш корабль стоял на якоре, когда сорвался шторм. Почему-то винты не сработали, и якоря поднять нам не удалось. Корабль разбило в щепы... Я успел пристегнуть-

ся ремнями к корабельным балкам, потом волной их выломало из корпуса, а потом меня начало болтать и переворачивать в воде, и сколько часов или дней это продолжалось я не помню – наверное, я несколько раз терял сознание или засыпал... А очнулся уже здесь, у тебя...

Ясно, пират. – подумала Лорелея. – Но называет себя моряком. Не хочет сознаться в своём грязном ремесле. Ну, что ж, Море дало ему шанс. Посмотрим, как он им воспользуется. А я постараюсь ему помочь, если будет надо, – решила она про себя. А вслух спросила:

– Как тебя зовут?

– Эль Треко, – коротко ответил он.

– Ну вот, мы и познакомились, – сказала Лара, – а теперь отдохайте и набирайтесь сил. Они вам понадобятся...

Максимиллиан благодарно улыбнулся ей в ответ. Эль Треко кивнул головой.

Неделя пролетела, как один день. Сирена жила своей обычной жизнью – ежедневно осматривала свою территорию, опекала коровье стадо, помогала заболевшим морским животным – если находила таковых, подкармливала чаек... А дома её ждали двое выздоравливающих мужчин, и их она тоже лечила, кормила, оберегала. Они подружились, и вечерами вели долгие беседы.

– Твоего острова нет на морских картах, я бывал в этих водах не один раз, но никогда его не замечал, – сказал как-то Эль Треко.

– Да, это же не остров, небольшая скала. Раза три в неделю вот там – она указала рукой – проходят большие корабли, и ни разу ни один мой дом не заметил – и хорошо, иначе мне пришлось бы защищаться... Обычно они проходят днём, и я их хорошо вижу.

– Защищаться – значит, запеть? Это правда, что тот, кто услышит пение морской сирены, погибнет?

– Да, – коротко ответила она.

– Послушай, Лара, – сказал Максимилиан, – я уже достаточно хорошо себя чувствую, пора бы мне вернуться, но как это сделать? Берега отсюда не видно. Смогу ли я добраться до земли вплавь?

– Нет, человеку такое расстояние проплыть не под силу. Думаю, что ты возьмёшь меня за плечо, ляжешь грудью на связанные доски, и я спокойно доставлю тебя к твоему посёлку. Ещё и пару дельфинов позову на подмогу. А ты что об этом скажешь, Эль Треко?

– Нога у меня не окрепла. Разреши ещё немного остаться в твоём гроте. Когда нога позволит мне нормально ходить, я тоже возвращусь в свои края!

– Раз ты ещё не выздоровел, о возвращении не может быть речи. Оставайся! – сказала Сирена.

Наутро она протрубила в большую раковину особым сигналом, и через несколько минут у ступеней грота появились двое дельфинов. Она объяснила им, что ей нужно сопровождение, и они остались ждать. Максимилиан тем временем

крепко связал несколько досок, попрощался с Эль Треко и спустился в воду. Необычная группа двинулась в открытое море... Любопытная чайка летела над ними – не каждый раз ей доводилось видеть такую картину. Прошло немало времени, прежде чем они подплыли к берегу так близко, что Максимилиан смог встать на морское дно.

– Дальше я не поплыву с тобой. Не надо, чтобы меня видели чужие люди. Вот, возьми – она протянула ему мешочек, наполненный отборным жемчугом.

– Нет! Ты что? Не надо! Зачем? – Максимилиан отвёл её руку.

– Мало ли какие у тебя будут нужды! Ты же знаешь, для меня он не имеет никакой ценности, а тебе может очень пригодиться.

– Я бы хотел сохранить твою дружбу – это единственное ценно, ведь ты спасла мне жизнь, а значит, я твой должник!

– Я буду приплывать к тебе – иногда. Ведь ты не сможешь найти мой дом. А я буду посылать тебе сообщения с чайечьей почтой – видишь, эта чайка уже запомнила тебя, она же доведёт тебя до самого дома, и запомнит адрес... А жемчуг возьми, не обижай меня, пусть это будет началом твоего благополучия.

– А если я захочу что-то передать тебе?

– Тогда возьми вот этот свисток и свистни в него – чайка прилетит и возьмёт твоё письмо... Лара протянула ему свисток, сделанный из крупной жемчужины. Она сама сделала

его, как в детстве делала свистки из абрикосовых косточек: для этого надо было долго тереть ребром косточки об мокрую каменную ступеньку дома, где она жила маленькой девочкой...

Следующая неделя была спокойной и размеренной. Эль Треко выздоравливал медленно. Хотя внешних повреждений на ноге уже не было, ходить он ещё не мог. Зато все вечера напролёт они проводили в разговорах. Его многое интересовало из жизни Сирены, но больше всего он расспрашивал её о жемчужных полянах – как это возможно: собирать жемчуг, словно урожай! По его просьбе Лара показала ему содержимое своих сундуков, а там были не только уникальные по величине и красоте жемчужины, но и старинные золотые монеты и украшения, чаши и массивные уборы, которые она находила во время своих прогулок в местах, где лежали полузанесённые песком остовы давно затонувших кораблей. Один разговор запомнился ей надолго.

– Представляешь, какая могла бы быть у меня замечательная жизнь! – Он просто размышлял вслух – Ты насобираешь жемчуг, я куплю землю у моря и большой дом, специально для тебя прикажу построить стеклянный павильон с бассейном и выходом в море... И больше никаких проблем!

– Но сирены не живут в бассейнах! – рассмеялась она. – Я не аквариумная рыбка! И сколько же тебе надо жемчуга для счастья? Ведь чтобы жить в роскоши, как этого хочешь ты, нужны постоянно пополняющиеся запасы жемчуга!

– Да, пожалуй, мне для этого нужна ручная сирена... А ты ведь не из таких?

– Нет! Таких сирен не существует в принципе. Мы дружим на равных, но не приручаемся и не служим никому...

Прошло ещё несколько дней, и Лорелея, вернувшись с корзиной, полной консервированных деликатесов, которые долго собирала в кухонном отсеке одного из бесплатных торговых подводных центров, не увидела Эль Треко в гроте. Она поставила корзину на пол и огляделась. Где же он? Снова спустилась в воду, обплыла вокруг своей скалы, и неожиданно увидела его, быстро спускающегося с вершины ко входу в грот. Когда она поднялась по ступеням в свой дом, он лежал на своём обычном месте.

– Ты сегодня задержалась, – приветствовал её Эль Треко.

– Уплыла дальше обычного. Ходила за продуктами, – ответила она, – а как ты провёл день?

– Как может провести день прикованный к постели человек? Смотрел на море, спал, думал о том, о сём...

– А ты не пробовал встать? – спросила она.

– Пробовал. Не смог. Нога болит нещадно...

– Что делать? Придётся ждать выздоровления, – спокойно сказала Лара.

Прошёл ещё день, другой. Но в гроте Лары поселилась неправда, а это было для неё невыносимо. Она с трудом сдерживала себя, чтобы не сказать мужчине, что видела его на вершине скалы. Но останавливало её только то, что это был

его шанс, и он должен был его использовать. В этом она не хотела ему помешать.

И ещё несколько обманных дней прошло. Лорелея ушла проведать стадо своих ламантинов, там вчера появились четыре новых телёнка, чему она была очень рада. Осмотрев коровок, Сирена увидела на боку одной глубокую царапину – корова старалась отщипнуть молодую веточку кустарника с очень острыми шипами, вот и поранилась. Лара позвала её к своему гроту, нужно обработать царапину жемчужной мазью, а баночку с лекарством она сегодня позабыла взять с собой. Ещё пара медлительных белянок увязалась с ними – у ламантинов сильно развито стадное чувство, а ещё они очень любопытны. День был тёплый, но пасмурный, не торопясь, сирена с коровами тронулась к дому.

Вынырнув из воды, когда её скала была уже в зоне видимости, Лорелея залюбовалась заревом, пылающим над водой. И в следующую секунду поняла, что это не лучи закатного солнца бьются в серебристой зелени – ведь солнце скрыто за облаками! Это пожар, и её остров охвачен огнём! Сирена нырнула, и поплыла к дому так быстро, как только могла. Ведь в гроте находился Эль Треко, и надо было спасти его от огня. Она взлетела по ступеням и остановилась в недоумении. В покоях всё было вверх дном. Кресла и столы опрокинуты. Исчезли сундуки с золотом и жемчугом, серебряная посуда, подсвечники... Следы волочения сундуков вели из комнат к ступеням... Лорелея выглянула за порог.

На вершину скалы взбегала протоптанная тропинка – было видно, что по ней поднимались часто. У начала тропинки лежал коробок с несколькими оставшимися целыми спичками. А на значительном удалении от острова Лорелеи виднелась лодка, плывущая к стоящему на рейде большому кораблю. Зрение Сирены позволило ей отчётливо разглядеть среди гребцов сидящего на сундуке Эль Треко... И тогда вся картина происшедшего сложилась перед её внутренним взором. Пират давно готовился к побегу с её острова. Именно – к побегу. Он высчитал время, когда корабли проходят мимо этой неприметной скалы. Перетащил всё, что ему казалось ценным в доме Лорелеи, ко входу. Забрал всё, что смог – и солонки, и чернильницу – на полу осталась фиолетовая лужа от выплеснутых чернил, и чашки, снял даже портьеры и gobелены со стен – ведь они были расшиты жемчугом! И, увидев корабль, поджёг растительность на вершине скалы – подал морякам сигнал бедствия! И моряки по закону морского братства пришли к нему на помощь...

Лорелея почувствовала, как у неё в горле расправляет свои смертоносные крылья Песня сирены, и двумя руками зажала себе рот... Он всего лишь использовал свой шанс, как его мог использовать только пират – обокрал приютивший его дом! И это возымеет свои последствия – ей не надо вмешиваться. Да и в лодке вместе с Эль Треко были люди, которые пришли на помощь к терпящему бедствие! Они приплыли на сигнал тревоги, который он подал, запалив пламе-

нем кустарник и деревья на её скале...

Снова оглядев свой разорённый дом, Лорелея нашла в себе силы улыбнуться: вот и настало время заняться ремонтом, иначе она долго ещё собиралась бы... И в этот момент услышала звук весельных гребков. Обернувшись, увидела лодку Максимилиана, мощно гребущего к её гроту.

– Лара, как ты, что случилось? Я вдруг увидел дым посреди моря и понял, что горит твой остров! – закричал он издали, увидев её.

– Да нормально всё, не волнуйся, ответила сирена. И в этот момент небо, с утра затянутое облаками, разразилось проливным дождём. Через несколько минут пламя на скале погасло...

Вечером они сидели в шезлонгах и пили горячий чай.

– Не переживай, я понемногу перевезу сюда земли, насыплю её на тех местах, где выгорели твои деревья. И саженцев привезу. Снова зеленью всё порастёт...

– Ой, я забыла тебе сказать – у коровок в стаде появились четыре новых телёнка!

– Правда? Вот здорово!

История пятая

Сима проснулся, когда солнце давно прошло точку зенита... Занавеска на окне трепетала сигнальным флажком, посылая в мир сообщение отбоя тревоги. Он полежал немного, перебирая в памяти ночные впечатления. Встал босиком на прохладный пол и порадовался тому, что доски не уходят из-под ног. Прошёл по просторному коридору, приоткрыв по ходу двери в комнату Миши и Хулигана Гоши, убедился, что оба ещё крепко спят. Говорящая Собака Чау, чуть подняв голову с тёплой лапы, сонно взглянула на него и шевельнула хвостом. Дома! Все дома, наконец, отсыпаются, хотя Дедушка Бертик давно сыграл уже и мелодию обеда. И Ди Ноель, конечно, спит в своей кровати! Крепко же ему досталось этой ночью!

Вообще-то его звали Симоном, но мама нашла такое милое маленькое имя – Сима. Он вырос в приюте, потому что... потому что?... Симон не знал этого. Просто, с определённого возраста осознал себя там. Рядом всегда были дети, которым надо было выживать и взрослеть в обстановке стерильного равнодушия. Может быть, поэтому приютским не знакома любовь. Они готовы в минуту принять за неё любую иллюзию. Но он-то помнил, что такое тёплый дом и любовь людей, живущих семьёй. Сима уже забыл, как выглядели его родители, но конечно, узнал бы их сразу – если бы только

увидел...

Взрослея, научился в каждый день входить, как большой корабль входит в узкий канал – еле вмещаюсь в русла своих желаний... Понимать, что ограничения – на расстоянии вытянутой руки, и проходить сквозь них, как нить проходит сквозь игольное ушко – сохраняя всё, чем полна жизнь и память... Иногда он отчётливо ощущал – кто-то ведёт его за собой, стараясь уберечь от ушибов. Кто это был? Интуиция? Душа? Невидимый друг, который думает о нём? Или судьба?

Сколько он помнил себя, всегда знал: в каждую минуту кто-то далеко или близко просит о помощи. Это было нелёгкое знание, потому что мало кому мог помочь сам ещё беспомощный мальчишка...

Однажды, когда весь приют был погружён в глубокий сон, Сима услышал всхлипывания. Мальчик поднял голову и огляделся. В спальне было тихо. С соседних кроватей доносилось еле слышное ровное дыхание. Всклип повторился. Он шёл откуда-то извне. Кто-то плакал за стенами приюта.

Парнишка выбрался через окно, мягко спрыгнул на траву. С удивлением отметил про себя движущиеся чёрные тени деревьев на чёрной земле – раньше он их никогда не замечал. Вдоль хорошо знакомой, рябой от серых проплешин в облупившейся розовой штукатурке стены стояли погашенные фонари. Дворник зажигал их в сумерках, расставлял на строго отведённых местах и гасил, когда приют засыпал: масло надо было расходовать экономно. Сима зажёл фонарь и побе-

жал на поиск плачущего. В бегущей световой дорожке у него под ногами вырастали ненастоящие, словно вылепленные из пластилина, лоскуты газонной травы, серые плиты дорожек с бурыми и жёлтыми заплатами опавших листьев. Плач слышался со стороны побережья. Он перелез через забор и решительно направился к морю.

Море было беспокойно, каменистый берег осыпали осколки разбивающихся о земную твердь тугих волн цвета бутылочного стекла... Чей-то тихий плач звучал где-то рядом. Мальчишка поскользнулся на мокром уступе и шлёпнулся на большой скользкий валун.

Прямо на него смотрела заплаканная маленькая девочка, почему-то сидящая по пояс в воде.

– Давай руку, – сказал он, – я тебя вытащу! Что ты делаешь здесь одна ночью?

– Не надо меня вытаскивать. Я немного заблудилась. Мне надо посидеть здесь до утра, а одной страшно...

– А где ты живёшь? Зачем сидеть здесь, в воде, всю ночь? Я могу проводить тебя домой! Тебя, наверное, все ищут, беспокоятся...

– Я в море живу, – ответила девочка. Просто, нельзя мне по ночам одной гулять. А я вышла одна. А теперь не хочу одна возвращаться. Мне надо утра здесь дожидаться, а потом отправиться домой.

– А почему ты тогда вышла на прогулку ночью одна?

– Музыка услышала. Красивую такую. Выглянула из гро-

та, а совсем недалеко лодка плывёт. С фонариками разноцветными. И в лодке музыка играет, и люди поют. Тоже красивые! И мне так захотелось всё это поближе рассмотреть! И музыку немного ещё послушать. Вот я и поплыла к лодке. Думала, она близко, и я совсем чуть-чуть поплаваю рядом, посмотрю на них и послушаю... А лодка оказалась далеко, да и мне так понравилось рассматривать фонарики... И дамы там были такие нарядные! Я загляделась, подплыла совсем близко... И вдруг кто-то меня заметил – наверное, я попала в свет фонаря... Там такой крик поднялся! Я бросилась бежать со всех сил. А потом заблудилась... Выплыла сюда. Хорошо, что ты пришёл! Сможешь посидеть здесь, со мной, до утра – а то мне что-то боязно?..

– Не бойся! Я посижу!

Разве мог он оставить в беде того, кто просит о помощи?

Они разговаривали до тех пор, пока не рассвело. Масло в фонаре давно закончилось. Когда море стало совсем синим и вобрало в себя расплавленное солнце, морская девочка сказала:

– Ну, всё! Я пошла домой!

– Пока! – ответил Сима, – приплывай в гости!

Девочка разжала мокрый кулачок. На ладошке лежала огромная наполовину стёртая жемчужина. «Это свисток. – сказала она. – Я сама его сделала, как из абрикосовой косточки делала раньше. Возьми себе. Когда посвистишь в него, я услышу, даже если буду очень далеко. Я буду знать, что ты

меня позвал. И приплыву сюда».

– Спасибо! Какой красивый – я такого никогда раньше не видел!

Она улыбнулась, махнула рукой и сразу ушла под воду... Сколько Сима ни вглядывался, больше её светлая головка так и не появилась на поверхности моря... Он взял фонарь и медленно пошёл к приюту.

Часом ранее дворник, пришедший мести двор и убирать опавшие на газоны листья, заметил пропажу фонаря. Обойдя покрытые потрескавшейся каменной плиткой дорожки, он убедился в том, что фонарь исчез бесследно, и немедленно отправился докладывать о происшествии коменданту. Разбуженный так недопустимо рано, комендант пришёл в ужас. Вокруг царила утренняя свежесть, и он очень боялся простудиться. Его фланелевый коричневый халат был недостаточно тёплым для улицы, а тут ещё такое странное событие! Это неслыханно – до сих пор фонари в приюте всегда стояли там, где их поставит дворник! Вдвоём они принялись обсуждать случившееся и строить предположения – что бы это могло означать. И в эту минуту Сима уселся верхом на заборе. В руках у него был искомый фонарь. А из дверей приюта в сад выбежал взволнованный надзиратель в сером вицмундире, наглухо застёгнутом на три ряда медных пуговиц – он торопился отрапортовать коменданту, что одного из воспитанников нет в спальне, вообще нет в корпусе! В то время, как все остальные приютские дети ещё крепко спят в

своих постелях! Комендант собственноручно стащил мальчишку с забора. Дворник принялся осматривать фонарь и обнаружил, что всё масло в нём выгорело, а значит, фонарём пользовались несколько часов! Втроем они устроили Симону допрос, но всё, сказанное про плачущую девочку в море, вызвало у них возмущение. Воспитанник допустил недопустимое: нарушил режим заведения, без разрешения взял приютский фонарь, перерасходовал фонарное масло! Беседы по ночам с плачущими морскими девочками программой и уставом приюта не предусмотрены! Оставить это без наказания невозможно. Немедленно была написана докладная высокому начальству, и в тот же день мальчика перевели в другой приют с ещё более строгими правилами пребывания... Но и в другом приюте с ним случилось нечто подобное.

Осенней ночью, зябкой, с морозцем, неожиданно ударившим после косо­го и холодного проливного дождя, он услышал просьбу о помощи – в беду попал какой-то мужчина. Накинув непромокаемый плащ, Сима тихо выскользнул за дверь приюта. Хорошо смазанный замок открылся легко и бесшумно. На его счастье, дежурный надзиратель крепко спал в кресле и не услышал звон колокольчика над открываемой дверью. Дорогу Симон знал точно – как будто не раз уже ходил по ней, хотя этот маршрут был для него совершенно новым. В свете луны она была совсем белой, стеклянной. Он шёл по льду и падал, вставал и скользил, еле удержи-

вая равновесие. Бежать было невозможно – коньков у него не было... Зато сейчас у него уже был собственный фонарь, небольшая лопата и прочная верёвка, которые он с большим трудом прятал от надзирателей и дворника под крыльцом приюта.

Часа через два этой изнурительной ходьбы, он увидел на обочине опрокинутую повозку, придавившую возницу и его лошадь. Лошадь обессилела и лежала без движения, а её хозяин, увидев свет фонаря, стал громко звать на помощь. Сима скатился с дороги и подобрался к повозке. Мужчина был крепко прижат к земле, и не мог сам выбраться. Он лежал так уже несколько часов и изрядно замёрз. Симон успокоил его, скинул плащ, свернул его и подложил под голову лежащему. Поднять повозку одному было ему не под силу. Тогда он стал рыть схваченную морозцем землю под лежащим человеком. Когда была вырыта небольшая канавка, Сима ухватил его под руки и потихоньку вытащил из западни...

– Вот спасибо тебе, парень! Не знаю, как и благодарить! Если бы не ты – сколько ещё я здесь провалялся, – мужчина хлопал себя по плечам и топал ногами, чтобы согреться. – Повезло мне! А вот лошадке моей, кажется, не очень!

Вдвоём они осмотрели лошадь. Её нога была придавлена колесом. Лошадь взглянула на них, в её глазах была боль и беспомощность. Мужчина подпёр плечом повозку и начал с натугой её поднимать. Сима встал с ним рядом и тоже упёрся обеими руками в борт. С огромным напряжением сил им

удалось поставить тарантас на колёса. Скользя по льду толкая друг друга, они бросились к лошади и стали поднимать её... Одна нога животного была сильно повреждена, и кобылка с трудом сделала несколько неуверенных шагов.

– Да, лошадка своё, видимо, отбегала, – сказал мужчина. – Наверное, придётся её усыпить, не буду же я её кормить даром...

– Она столько лет работала на вас, а вам жалко для неё корма? Вы сказали, что не знаете, как отблагодарить меня... Пожалуйста, не убивайте лошадь, пусть она хромает, но живёт! Прошу вас, пожалуйста! Завтра я напишу письмо знакомому фермеру – у него ходят на воле несколько старых лошадей. Возможно, он возьмёт к себе и эту, вашу...

– Что ж, будь по-твоему! Пусть живёт, а ты всё же узнай, может, кто и заберёт её... Слушай, я даже не спросил – куда ты шёл, что в такой час оказался на этой дороге?

– Долго объяснять, – сказал Сима, – так получилось, мы здесь встретились... Уже светает, сейчас начнётся движение, думаю, вам обязательно помогут добраться до дома, а мне надо бежать обратно, меня сейчас начнут искать... Скажите, как вас найти, если кто-то захочет забрать вашу лошадь?

Запомнив имя мужчины и название его деревушки, Сима попрощался и отправился обратно. Что-то подсказывало ему: он снова опоздал в приют...

Несколько приютов он сменил, пока, наконец, не дорос до самостоятельной жизни. И ещё он начал писать стихи. Соб-

ственно, первое стихотворение он написал после встречи с девочкой из моря. Он очень много думал о ней и о необычной её жизни... «две родины, а ласточка одна» – как-то прозвучало у него... где прозвучало, он не мог сказать – то ли в мыслях, то ли в душе, то ли в кровотоке... Та встреча определила многое – Сима стал спасателем и поэтом.

Однажды в детстве, совсем почти засыпая, погружаясь в тёплую невесомость сна, почувствовал, как кто-то плачет в одиночестве! Вдруг оказалось, что он мог улавливать сигналы бедствия. И это побудило его к действиям. Потому что слушать молча – значило бы подслушивать. А этого мальчишка не допускал в принципе. Значит, на каждый горестный сигнал Сима отправлялся в путь. Он внимательно слушал те сообщения, которые посылала ему ночь. В полифонии ночной тишины одни мелодии звучали громче других... Но выбор, импульс к действию приходил, когда Симон ощущал странный толчок в сердце. Со временем обратил внимание на то, что две темы были всегда – то громче, то тише, пересекаясь со всеми остальными, то еле слышно, словно уходили навсегда, иногда совсем рядом. Особенно в полнолуние. Он всегда слышал их, помнил, но знал, что время пойти по следам этой музыки ещё не пришло. Обе эти мелодии были странным образом связаны между собой, хотя были совершенно независимы друг от друга... Иногда он думал, что одна из них звучит совсем близко, чуть ли не у него за стеной. Но, как правило, в полнолуние Чау пела свои пес-

ни Луне, это стирало звучащую тишину ночи, и Сима обычно укладывался спать, зная, что ничего больше сегодня не услышит – Собака не даст сосредоточиться...

В Доме, который каждую ночь становился другим, Симу было хорошо – он и сам становился немного другим после каждого своего ночного похода. Мебели в его комнате стояло немного: крепкая кровать с жёстким матрацем, очень просторная, потому что он любил спать, разбросав руки и ноги, большой полупустой шкаф, в котором совсем немного места занимала его одежда, зато имелось много тарелок и вилок-ложек – он в любое время был готов накормить и приютить тех, у кого не было крова. Несколько матрацев и одеял лежали в сундуке на тот случай, если кто-то останется ночевать... У двери стоял большой коричневый рюкзак грубой кожи, в котором было сложено всё, что могло понадобиться ему в походе, фонарь и большая фляга с водой, которые он закреплял на поясе, и замшевый мешочек оливкового цвета с небольшим запасом еды. Рядом лежало несколько связок прочных верёвок и бечевы. Но главная ценность Симы хранилась в самой глубине верхней полки шкафа – голубая в золотых бабочках жестяная коробочка из-под не им съеденных леденцов.

Коробочку он берёт пуще зеницы ока. В ней находились свисток из наполовину стёртой жемчужины и маленький, с почтовую марку размером, обрывок чего-то, что он так и не смог определить. Похоже, на нём был изображён розовый

детский башмачок с застёжкой на пуговицу. Впрочем, этот неровный клочок то ли кожи, то ли ткани, то ли бумаги давно стал таким затёртым и выцветшим, что мало кто разглядел бы на нём хоть что-нибудь. Но Симон помнил каждый штрих, каждый изгиб контура на рисунке, потому что хранил и разглядывал его, сколько помнил себя. Он точно знал – это из его жизни, из его детства. И ещё с детства он хранил в памяти странный стишок. Что означали слова этого стишка, ему было неизвестно, и он часто повторял его, как детскую считалочку – домочадцы все слышали его от Симы, и каждый мог подхватить, если Симон начинал бормотать эти строчки в момент работы или размышлений:

*Разрушив замок, мост и страсть,
Освободят от гнёта —
Утратят гибельную власть
Жемчужные тенёта.
Когда погаснут фонари,
Откроют тайну братья,
И после утренней зари
Сестра наденет платье.*

Совместное изучение смысла стишка не привело ни к чему – кажется, его просто не было. Особенно смешными казались строчки про сестру, которая наденет платье, когда совсем рассветёт... И только Бабушка Лина говорила: «Если мы не находим смысла в словах, это не значит, что его нет».

– может быть, мы просто ещё не доросли до понимания...» Она говорила так, обращаясь к Тыкве, умевшей глубокомысленно слушать и выразительно молчать в ответ, отчего все считали её замечательным собеседником.

Дедушка Бертик называл Симона поэтом, но стихи были только видимыми оттисками его бессонниц, его ночных поисков и находок. Потому что работа спасателя всегда полна риска и поэзии высокого накала – а Сима был хорошим спасателем.

Там, где он жил, находилось таинственное место, где существовали все места земного шара, и он был готов в любую минуту отправиться на помощь в самую далёкую даль...

Сегодня ночью он уловил полустёртый прерывистый сигнал... Он долго настраивался на его истончающееся звучание и, наконец, с трудом разобрал – «нет света», «не вижу», «не выбраться»... Каждая клеточка его вобрала звуковые волны этого сообщения, и Сима всем своим существом ощутил дрожание горного склона. Он принял направление тревожного импульса. Очень быстро оделся в дорогу, взял приготовленное у двери снаряжение. Почти бесшумно вышел на лестницу, чтобы не потревожить покой Дома. Но с лестницы чуть не скатился, споткнувшись: на крыльце сидел Миша – отчего-то ему сегодня совсем не хотелось спать.

– Я с тобой! – сразу же сказал он Симе. Тот кивнул в ответ.
– Обувь надень удобную для дороги!

Рядом уже крутилась Чау, повизгивая от нетерпения. Её

не надо было приглашать, слух собаки в сто крат острее, чем у человека, и она сразу услышала приготовления Симона в дорогу. Иногда, Впрочем, не очень часто, ей удавалось отправиться с ним. На крыльцо, застёгиваясь на ходу, вышел заспанный Хулиган Гоша – его комната сегодня была ближе всех к входной двери, и спал он обострённо чутко – привычка такая у него была...

– Я с вами! – безапелляционно заявил он, и накинул капюшон куртки.

– Всё объясню по дороге, – сказал Сима. – Времени в обрез, надо спешить! – и негромко позвал: Жабль, Жабль!

Через мгновение три Жабля возникли над крыльцом. На одного уселись все Домочадцы, и Симон обозначил ему направление. Два других Жабля тронулись за ними вслед – мало ли, какая помощь может скоро понадобиться.

Склон высокой горы накопил напряжение. Ледниковая шапка на вершине уже несколько недель понемногу таяла, и талые воды, заполнив все впадины ледника, стали сползать вниз. Огромная масса обломков хребта, глыб, камней разного размера и каменной крошки начала шевелиться – пока медленно, незаметно глазу, и только нарастающий шорох отражал начало этого движения.

Ди Ноель и Вареник, старые друзья, картографы и вояки, работали над составлением карты местности. Шутка сказать – случись здесь какие боевые действия, а вот как раз подробной карты этого склона и нет! Разве можно вести войну

вслепую! Нет, они были профессионалами, а не дилетантами. Посему надо было каждый кусочек земли обозначить на подробной схеме. Они размеряли угол наклона, описывали каждую складочку рельефа и зарисовывали тропинки, протоптанные горными козами... Сегодня они работали на входе в узкое ущелье.

Ди Ноель, не просто картограф, а генерал-картограф (да простят меня другие сказочные генералы), всю свою жизнь служил в силах обороны Острова. Не просто служил – почти возглавлял их. Он носил типичную для генералов причёску – выбеленные возрастом длинные, почти до пояса, волосы, которые перед началом учений или боевых действий адъютант заплетал ему в четыре толстых косы. Окончание каждой косы украшалось семью металлическими наконечниками – в честь семи блестящих побед, одержанных Ди Ноелем в сражениях. Мундир в любой ситуации всегда был отглажен почти до блеска, а обувь начищена так, что в носках сапог – или сандалий, по сезону – он мог увидеть своё отражение... Ноель любил форму и гордился ею – на Острове те, кто носил форменную одежду, считались защитниками островитян. Конечно, при нём всегда были все виды оружия, которые только можно носить на себе. Но главное – Ди Ноель отличался аналитическим складом ума и генеральским самообладанием ещё в бытность свою самым старшим лейтенантом, и это помогало ему выигрывать во всех случаях...

Для начала понадобились точные карты острова – вот по-

чему картограф Вареник и генерал-картограф Ди Ноель уже несколько дней работали в горах. Они разбили палатку на небольшом плато, откуда открывался панорамный вид на горный массив и низинные равнины. У подножия горы лежал живописный городок. Яркие крыши его домов плыли среди волнующегося моря осенних ухоженных садов. А между стоянкой картографов и этим уютным городом сверкало чистойшей синевой окружённое горными лугами озеро. Ди Ноель, тонко чувствующий красоту, отметил про себя этот безмятежный пейзаж, но не стал отвлекать Вареника на такие сентиментальные переживания. Оторвавшись от поэтических размышлений, генерал развернул карту, на которой было нанесено это самое озеро, и с удивлением отметил, что береговая линия водоёма сильно изменилась – у кромки воды появились нагромождения огромных валунов, некоторые даже заползли в прибрежные камыши. Брови Ди Ноеля вопросительно изогнулись.

Утром Ноель заметил белое плотное облако над ледяной шапкой вершины. Странное облако. Как будто над вершиной сгустилось некие испарения. А из-за невысокого отрога на голубоватый бок ледника струилось странное свечение, источник которого был невиден и потому необъясним.

– Ледник тает? – сказал он Варенику.

– Осень наступила. Какое здесь таяние может быть? – ответил Вареник.

С Вареником Ноель дружил с самого детства: их отцы тру-

дились бок о бок на своих наделах, и дома их стояли по соседству. Можно сказать, что вся жизнь прошла перед глазами друг друга. Только Вареник со временем стал просто картографом, а Ди Ноель – генералом-картографом.

Подняв голову от таблицы, в которую записывались измерения, Ноель бросил взгляд на ближайший каменный массив, и заметил резкое чёрное движение – как будто что-то молниеносно скрылось в скальной трещине. Пригляделся внимательнее. Нет, показалось от длительного напряжения взгляда. Наверху тишина и полное спокойствие. Может, дикий козёл прыгнул с валуна на валун в поисках вкусного стебля, пробившегося между камнями.

– Есть же счастливики – они могут себе позволить бродить по горам для своего удовольствия! – проворчал Ди Ноель. – А тут времени присесть нет! И в самом деле – труды были кропотливыми, они работали четвёртый день, почти не отдыхая – осень, всё же, погода того и гляди испортится, надо поторапливаться. На закате, когда они почти закончили работу, намеченную на сегодня, Ди Ноель наклонился, чтобы положить свеженький чертёж в папку, а когда поднял голову, Вареник на его глазах рухнул в пустоту, внезапно образовавшуюся под ногами. Ноель бросился к открывшейся расселине – друг лежал метрах в пятнадцати внизу, в узкой, совершенно отвесной щели.

– Как ты? – срывающимся от волнения голосом крикнул он Варенику. – Держись, я сейчас тебя вытащу!

– Нормально! – откликнулся тот, – не торопись, делай всё аккуратно! Я сейчас тут осмотрюсь, может, сам выберусь! Голова у него кружилась – он прилично разбил её при падении. С трудом поднялся на ноги и начал вглядываться. Подняться самому не получится – даже крошечных выступов не было в каменной стене перед ним. Вдруг в глазах у него потемнело, и он снова осел на дно каменного мешка. Вареник потерял сознание. У генерала не осталось выбора – Ди Ноель решительно начал спуск. Верёвочную лестницу закрепил надёжно – она должна была выдержать вес двоих взрослых мужчин. Когда он был на расстоянии метра от основания щели, лестница скользнула вниз – что-то произошло с креплением наверху. Осмотрев лестницу, генерал понял, что именно. Ниже крепления верёвки были аккуратно перерезаны... Они оба оказались в западне... К этому времени сумерки сгустились... Ноель достал нож из-за голенища сапога, и попытался высечь ступеньку в каменном полотне. Бесполезно! Даже царапина не отразилась на безжизненной поверхности. Но ладонью он почувствовал какую-то почти неуловимую вибрацию камня и совершенно необъяснимую влажность. «Странное ощущение, – подумал он, – гору как будто знобит. И камни испариной покрылись. С чего бы это? Кто же это метнулся и скрылся там, за уступом? И кто перерезал верёвки?».

Ноель забинтовал голову Вареника, дал ему вина из фляги, что была закреплена у пояса, и, усадив друга поудобнее,

стал думать – что делать дальше. Даже утром их никто не хватится, потому что они ушли в горы на неделю. Но и когда начнут искать – как смогут найти эту узкую щель? Положение их было незавидным, если не сказать – безнадежным. «Нет света, – подумал Ди Ноель, – ничего не вижу... Похоже, нам не выбраться». Вдруг он понял, что вибрацию ощущает всем телом – несильно, но непрерывно. «Вот отчего образовалась эта щель – что-то происходит с горой, какое-то смещение!»

Прошло сколько-то времени, Ноель стал отчётливо слышать странный гул, внутренняя дрожь горы усилилась. Генерал-картограф был мудрым – он понял, что в горах происходят губельные для него и Вареника изменения. Положение их было безвыходным... Как вдруг он увидел свет и странные колеблющиеся тени наверху. Затем кто-то негромко сказал: «Я никого не вижу. А ты, Гоша?» И другой голос, совершенно ни на что не похожий, произнёс: «Они здесь, внизу, я слышу их запах».

– Мы здесь! Эй, кто там! Мы здесь! Помогите! – крикнул Ноель.

– Тише! Не кричите! Начинается камнепад! Сейчас мы вас вытащим! – ответили ему.

Сима, Миша, Хулиган Гоша и Чау спешились.

– Камнепад начнётся с минуты на минуту, – тихо сказал Сима. – Миш, мы с тобой остаёмся здесь. Гоша, ты с Чаушкой спуститесь в низину. Там маленький посёлок, фермеры

живут. Их надо срочно вывезти. Этим каменным потоком будет заполнено озеро. А его воды хлынут вниз и могут затопить Молочные Реки. Поторопитесь! Вызывайте ещё Жаблей на подмогу – они должны поднять всех, кто живёт в посёлке, в воздух!

Один из Жаблей моментально исчез – вызывать поддержку. Горы нарушали покрытие жаблевой связи, поэтому ему пришлось искать место, откуда депо жаблей могло принять его вызов и сигнал жабль-навигатора. Гоша подхватил собачку на руки, и на втором Жабле они отправились в посёлок.

Сима зажёл фонарь и при его свете осмотрел трещину, в которой находились картографы. Он знал, что времени у них нет – каменные шорохи, накладываясь друг на друга, уже сливались в гул, который обозначал движение. Движение каменных масс. И сочащаяся под ногами вода. Поток мог обрушиться в любое мгновение. Сима закрепил некое подобие люльки под брюхом Жабля, сел в неё сам, и начал понемногу отпускать стропы. Вскоре он оказался на дне расселины. Вдвоём с Ди Ноелем они уложили в люльку Вареника, и Жабль, поднявшись, моментально вытащил их на поверхность.

– Возвращаемся, – Сима дал команду Жаблю. Жабль качнулся в знак того, что принял команду.

– Нет! – воскликнул Ди Ноель, – Наверх! Мы должны понять, что там происходит. Камни не просто так поползли! Что-то происходит с ледником!

Жабль мгновенно начал движение к вершине горы. При полёте к леднику друзья увидели, что с него сползают тяжёлые потоки воды. Прямо на глазах у поражённых домочадцев крыло ледника разорвало несколько глубоких трещин. Скрежет и грохот покрыли все звуки вокруг. Обломившийся ледяной гребень начал губительное движение вниз, дробясь и разделяясь на несущие гибель глыбы. А перед ним покати-лась неукротимая волна камней, обломков горных уступов и складок...

– Все вниз! – скомандовал Ди Ноель. – Сейчас надо постараться успеть направить льды и камни в сторону. Надо обрушить ближайшую гряду, тогда она перекроет дорогу потоку! Иначе льды заполнят озеро, и сметут посёлок молочнорекцев! – Ди Ноель уже кричал, так как гул от движущихся камней заглушал их голоса, – Сюда надо заложить самый мощный заряд. И ещё три вот там – генерал указал кивком головы. – Фитили делайте подлиннее, чтобы мы сами смогли отойти на безопасное расстояние! Говоря это, он уже закладывал порох в вырытую штыком ямку. В этом генерал-картограф был весь – профессионал! Миша и Сима отчаянно старались углубить пороховые закладки, чтобы взрывы в указанных Ди Ноелем местах обрушили ребро горы, делящее склон на неравные части, в узкое горло ущелья. Тогда будет перекрыто сползание ледника, и горное озеро останется нетронутым.

– Поджигай, – взмахнул рукой Ноель, и сам запалил бли-

жайший фитиль.

Умница Жабль с Вареником на спине тут же подхватил генерала, сделал бросок сначала за Мишей, следом – за Симой и резко взмыл ввысь. В этот момент первые камни начали обстрел того места, где лоскутяне только что находились.

– Уходим! – крикнул генерал-картограф, и Жабль начал движение к посёлку.

В низине, с трёх сторон окружённой горами, лежал небольшой посёлок Молочные Реки. Назывался он так, потому что его жители исстари занимались производством замечательных молочных продуктов – творога, масла, сыров и сметаны, которые они готовили из вкусного молока своих коров. Сыры и сметана из этого посёлка славились на всём Острове, и моментально раскупались островитянами. В Молочных Реках очень заботились о коровках, пасли их на лучших пастбищах в лугах предгорья и в низине, и в каждой семье холили и ласкали этих больших добродушных животных, приносящих достаток. На заднем дворе у всех стояли добротные и просторные стойла для скота, птичники, хозяйственные постройки, в которых хранился весь необходимый для работ на земле инвентарь и корма, заготовленные на зиму. В отдельных кладовых хранилось готовое масло и дозревали сыры. Дома в нём были поставлены ещё прадедами нынешних его жителей. Они строились по единому плану из серого камня, вырубленного в горах, и были крыты празднично-яркой коричневой черепицей. Перед каждым домом

был разбит пышный палисадник, и стояли скамейки и столы, выкрашенные весёлыми красками. Старые деревья у невысоких заборов давали густую тёплую тень. Ребятишки летом играли на чистых улицах, либо гурьбой уходили на речку. А взрослые, окончив дневные труды, пили чай в палисадниках и пели песни, и над посёлком витали запахи сдобных пирогов и протяжные мелодии. А по праздникам они устраивали танцы на площади в центре посёлка. Зимой, когда коровы возвращались с пастбищ в чистые и тёплые стойла, жители Молочных Рек вечерами ходили в гости. Мужчины сообщали новости, а женщины вместе пряли, ткали, шили и вышивали – и непременно пели, потому что работа с добрыми друзьями всегда в радость! А их знаменитые сыры созревали в мире и добре.

Так и поживали молочнорекцы. Дни отдавали трудам и заботам. А вечера посвящали близким или мечтам... К слову сказать, так жили все лоскутяне. Ну, или почти все...

Позади каждого молочнорекского дома, как и во всех подворьях Лоскутного Королевства, стояли три полностью оснащённые мощные корабельные мачты. Обычно яркие паруса были свёрнуты. Но по решению Совета Королей изменить курс Острова, все лоскутяне распускали паруса. Тяжёлые полотнища наполнялись ветром, и пёстрая регата увлекла Остров в нужном направлении.

...Гоша и Чау спешили у первого дома на окраине посёлка. Когда надо было сделать что-то быстро, аккуратно и

внимательно, не было никого, кто справился бы лучше Хулигана Гоши.

– Ну, Чаушка, буди всех, – он слегка потрепал собачку по загривку. Чау чуть припала на передние лапы и громко залаяла:

– Братцы, на посёлок идёт беда! Скорее поднимайте хозяев! Ответом ей был слитный лай, одновременно раздавшийся во всех дворах. Деревенские собаки лаяли, не прекращая. Через пару минут на крыльце каждого дома появились встревоженные мужчины. Гоша и Чау побежали по дворам.

– Скорее на улицу, надо уходить от наводнения, торопитесь, торопите соседей!

В домах загорелся свет, в окнах стали видны мечущиеся внутри комнат силуэты. Потом на улицу стали выбегать наспех одетые люди, многие с детьми на руках. Хулиган Гоша успокаивал их, как мог:

– У нас достаточно Жаблей, чтобы сейчас всех вас поднять в воздух и увезти отсюда. Времени только в обрез. Поэтому сначала сажаем на Жаблей женщин и детишек. Потом уже на посадку пойдут мужчины! Не волнуйтесь, никто не потеряется, всех перевезём в определённое безопасное место! Проходите скорей!

Началась спешная посадка.

...Жабль с картографами «на борту» поднялся повыше, потому что ледовый поток уже начал вливаться в горло ущелья. В этот момент Сима крикнул: «Вниз!». Жабль на мгно-

вание завис, затем пошёл на снижение. В бегущем свете фонаря чуть ниже по склону жался к чахлому серому кусту козлёнок. Должно быть, испуганный грохотом, он отбился от семьи, и теперь стоял открытой мишенью для летящих камней. Никто не успел остановить Симона – он спрыгнул с Жабля и бросился к козлёнку. Камни и куски льда сыпались со всех сторон, били его по ногам, по плечам, по спине. Вареник застонал от ужаса. Миша побелел. На их глазах Сима заслонил козлёнка от смертоносной лавины, и в эту же минуту шквал обрушился на него. В несколько мгновений Симона полностью засыпало...

...Над Молочными Реками зависла стая Жаблей. Почти все уже были подняты на безопасную высоту, Гоша, Чау и несколько мужчин спешно обходили дома – вдруг кто-то не смог выбраться, или так крепко спал, что не услышал сигнала тревоги. В одном доме обнаружили развалившегося на тёплой печи заспанного рыжего кота, который принял всё происходящее за помеху своим сладким сном. Гоша бережно взял его на руки. Теперь всё – можно и самим садиться. Нарастающий гул от идущей горной беды уже не позволял терять ни минуты времени на размышления...

...Увидев, что лёд и камни заживо погребли Симона, Миша бросился было вниз, но мощный рывок Ди Ноеля за кафтан удержал его на месте.

– Сидеть! Мальчишка! – рявкнул он, и в голосе его была слышна генеральская сила. – Вареник, остаёшься за старше-

го! Я спускаюсь, вы боитесь. Примерно через минуту начнутся взрывы пороха. Если до этого времени я не поднимусь с Симоном – уходите немедленно! Это приказ, понятно? – Говоря это, он обвязывал себя верёвкой. Ещё одну, свёрнутую, укрепил на поясе и резким толчком спрыгнул вниз. Тренированные мышцы солдата помогли ему удержать равновесие при прыжке. Грохот наполнял ущелье. Казалось, в мире кроме этого неживого и убивающего звука больше ничего не существовало. Ноэль начал руками разгребать образовавшийся над Симоном холмик. Через несколько секунд рабочие перчатки из грубой кожи превратились в лохмотья. В следующие – в лохмотья превратилась кожа на его пальцах. Он отбрасывал куски льда и кричал «Симон!» – но сам не слышал своего голоса. Время для него как будто остановилось, в жизни больше не было ничего, кроме резкой боли в пальцах и одуряющего грохота... Тридцать пять секунд... Сердце его разрывалось – ведь он, хотя и был закалённым воёйкой, всё же так нелепо погибать не хотел! Тридцать девять! Вдруг из-под отброшенного камня появилась ладонь. Ноэль схватил руку Симы, тот вцепился в его запястье. Мгновенно генерал обмотал свою и его руки верёвкой, отбросил ещё пару камней. Сорок семь секунд! «Держись!» – беззвучно крикнул он Симону и дал знак Варенику и Мише. Они вдвоём стали вытягивать Ноэля и Симу из каменного мешка. Жабль помогал им, как мог... Пятьдесят шесть секунд – генерал и спасатель оказались на Жабле, и все увидели, что

левой рукой Симон держит у груди дрожащего козлёнка.

«Вперёд!» – снова беззвучно закричал Ноель, и Жабль взмыл вверх, а затем взял направление к основанию горы...

И в эту секунду начали взрываться установленные ими пороховые заряды... Взрывов слышно не было из-за скрежета крошащихся языков льда. Просто, в ночи вдруг один за другим раскрылись девять ослепительных золотисто-розовых цветков. Нельзя было понять, что происходит вокруг: огненные вспышки от взрывов оказывались в мешках густой пыли, и в их недолгом свете были видны движущиеся драконьи хребты, заполнившие вход в ущелье. А дальше снова воцарилась темнота. Вдруг грохот, убивающий всё живое, зазвучал по-другому – в горах повис рёв смертельно раненого чудовища... Он ещё длился, умножаемый совершенно обездумевшим эхом, но сила его ослабевала. Рёв затухал... Потом стал отчётливо слышаться стук от падения мелких камней – каменный град, затем шум дождя из песка и ледяной крошки. И тут наступила тишина! Такая, что от неё больно стало ушам! Сима, Миша, Вареник и Ноель заговорили одновременно, но слух их отказывался понимать звуки человеческой речи...

– Как ты правильно рассчитал места заложения зарядов! – кричал Вареник Ноелю

– Из-за этого козла ты всех заставил волноваться, – кричал Ноель Симону.

– Как хорошо, что деревня не пострадала, – кричал Симон

Ноелю.

– Какое счастье, что с тобой ничего не случилось, – кричал Миша Симе.

...Жители Молочных Рек сидели на Жаблях. Напряжение и печаль читалась на их лицах, но никто не плакал – это были труженики, и они знали, что вместе смогут преодолеть всё. Их тучные стада вместе с пастухами находились на дальнем пастбище, и коровам ничто не угрожало, а значит, всё у знаменитого посёлка сложится хорошо, и новые сыры созреют в положенное время. А дома, если понадобится, они отстроят заново – все вместе! Гоша поднял руку, чтобы дать знак Жаблям трогаться в путь, но в это время Чау сказала ему: «Грохот стал другим – он затихает!»

Ах, это правда – слух у собак во сто крат сильнее человеческого! Несколько минут тяжёлого ожидания показалось сельчанам бесконечными. Но вот и они услышали – этот гул, наполнявший ночь, стал слабее! Затем он стал напоминать тяжёлый выдох засыпающего зверя – и эхо отозвалось несколькими выдохами, а потом одно только эхо пробежало между вершинами и стенами ущелья и спряталось где-то... Стало тихо.

«У них всё получилось, – сказал Гоша Чаушке. – Они смогли остановить лавину!» А потом он закричал во весь голос:

– Они смогли остановить лавину! На всех жаблях сразу раздались радостные восклицания, жабли снизились, все

спешили и окружили Гошу и Чау Гоша стал рассказывать о том, что Симон и Миша остались в горах, чтобы остановить ледник – не дать завалить озеро и разрушить Молочные Реки... Вот тут женщины стали плакать.

И в этот момент над посёлком завис Жабль, на котором сидели Сима, Миша, Ди Ноель и Вареник. Они спустились на траву, и все увидели жмущегося к ногам Симона козлёнка.

Гоша отвернулся и стал вытирать глаза белоснежным платком, который был при нём всегда – такая была у него привычка. Молочнорекцы бросились к вновь прибывшим с объятьями и поцелуями и окружили их плотным восклицательным кольцом...

Ди Ноель по своей военной натуре одновременно видел всё, что происходит вокруг.

От него не укрылось, что Миша тихонько погладил Жабля по запылённому брюшку. Он почувствовал угрызения совести, подошёл к скромняге Жаблю и звучно чмокнул его в щёку. «Славная боевая лошадка!» – пробормотал генерал командным голосом. Жабль засмутился и из серо-зеленого стал пунцовым. Вареник достал из кармана походных штанов сухарик, и на ладони протянул его Жаблю. Тот никогда не ел сухарей, но из деликатности взял угощение губами и заложил за щёку, намереваясь выплюнуть при первом удобном случае...

Они вернулись в Дом утром. Все события прошедшей но-

чи были кратко рассказаны домочадцам. А дальше и спасатели, и спасённые направились в комнату Симы, всегда готовую принять вернувшихся домой с непростого пути.

– Ну, козлёнок попал в хорошее общество, – смеялся Сима, продолжая разговор.

– Совершенно не представляю, каким образом разрушилась эта ледовая шапка! Я определённо видел какое-то постороннее движение над той площадкой, где мы с Вареником вели измерения. Что это могло быть? Теперь мы не узнаем – там всё сейчас стало другим... И кто же перерезал нашу верёвочную лестницу? А вызову-ка я Жабля и слетаю глянуть на этот ледник! Надо осмотреть свежий фронт картографических работ, и чем скорее – тем лучше! Нет, ну как вспомню – вдруг посреди этого камнепада Симон бросается вытаскивать козлёнка! Мои волосы сами собой в косы заплетаются!

– Да я сегодня только козлёнка и спас, – сказал Сима. Всех остальных спасал ты, генерал, – и Вареника, и меня... А если честно, что бы я сегодня без вас сделал? Но вообще, все мы Чау жизнями обязаны! Ведь без неё пришлось бы долго искать ту расселину, в которую упали Ноель и Вареник – и ледник накрыл бы и нас, и озеро... А теперь спать! Нужно отдохнуть после ночных приключений! – с этими словами он опустил на кровать и уснул прежде, чем голова коснулась подушки.

Ди Ноель на цыпочках вышел из комнаты, жестом позвав с собой остальных домочадцев. Затем спустился во двор и

кликнул Жабля. Вернулся через несколько часов. Рабочая тетрадь его была испещрена новыми заметками. Он собрал мужчин и сообщил странную новость.

– Поднявшись над ледником и облетев его, я увидел неожиданную приладу: за массивным отрогом были разложены несколько больших металлических листов. Отполированные до зеркального блеска, они располагались таким образом, что отражали усиленные солнечные лучи в определённую точку. Именно это и вызвало резкое таяние и обрушение ледника. А за ним последовал сход лавины. Так что вчерашняя беда была неслучайна. Кто-то подготовил её. Вот почему на берег озера напоззли огромные валуны. И скальный грунт стал мокрым и вязким... Я забрал железяки оттуда, чтобы не случилось чего подобного ещё раз...

– Вот оно что! – протянул Миша. – На Острове затаился враг! Сигнал для всех нас – быть внимательными. Хорошо, что Сима вчера ночью принял твой сигнал! Но для чего кому-то понадобилось стереть с карты Лоскутянии горное озеро и Молочные Реки? Как нам это узнать?

– Узнаем, дай срок. – протянул Гоша. – Только женщинам пока этого говорить не надо. Для чего беспокоить их раньше времени? И, кстати, Ноель, что это за словечко такое – «прилада»? Откуда оно у тебя?

– Это, брат, я привёз из дивной страны Сайбирии, когда был там на учёбе. Богатое слово, и очень оно мне понравилось. Устройство или приспособление означает, вот как.

– И мне по душе пришлось. Яркое, выразительное!

– Значит так! Не отвлекаемся! – подвёл итог дедушка Бертик. – Не будем пока никого извещать о находке генерала. Однако всем нам надо повнимательнее стать. Приглядываться, задумываться, запоминать всё необычное, что заметим. А там видно будет.

– Но мы-то с Вареником столько дней составляли карту этого ущелья! – сказал Ди Ноель. – И теперь она недействительна!

История шестая

Бабушка Лина с утра стала отбирать срезанные в огороде тыквы на зимнее хранение. Полки кладовой уже тщательно протёрты, вдоль стен и в углах разложены и развешаны связки чеснока, лука, перца и укропа – для зимних обедов, и чтобы отпугивать вредителей. Тыковки подобрались одна лучше другой – большие и маленькие, крутобокие, всех цветов тыквенного спектра – от золотисто-серого через солнечно-оранжевый к тёмно-зелёному. Укладка тыквы на хранение процесс ответственный и очень важный – ведь вложенный в них труд домочадцев, щедрость земли и тепло летнего солнца надо сберечь до следующего сезона сбора урожая.

Бабушка отменно готовила тыкву – в её Книге домашних премудростей были записаны рецепты, доставшиеся ещё от прабабушек, и она могла угодить самому взыскательному гурману. Домочадцы съедали её обеды с отменным аппетитом и удовольствием. Бабушка Лина знала предпочтения каждого. Хулиган Гоша, например, очень любил тыкву, и мог есть её хоть каждый день! Но здесь, пожалуй, надо дать некоторые разъяснения.

Хулиган Гоша на самом деле был исключительно воспитанный человек, и с детства радовал своих родителей и всю многочисленную родню примерным поведением. Ему так хотелось быть предводителем окрестных мальчишек в их рис-

кованных забавах, получать тройки и даже двойки на уроках – но вместо этого он был круглым отличником, ходил в аккуратной одежде и даже красиво писал в тетрадах и на доске! Ну, никак не получалось у него писать коряво и не понимать, как решать сложные задачи и примеры! Однажды его бабушка, открыв коробочку с успокоительными пилюлями, которые она принимала на ночь, нашла в ней шоколадную конфету Позвав внука, она спросила у него – как это надо понимать, и он честно сказал, что хотел сделать ей вкусно. «Хулиган!» – с улыбкой сказала бабушка, и это стало его шутивным домашним прозвищем. Сейчас он был профессором текстильных наук и умел создавать высокохудожественные ткани в самой разной технике. Но близкие друзья с любовью могли назвать его Хулиган Гоша, и это очень веселило и их, и самого Гошу.

Между тем, все тыквы, как тыквы, спокойно укладывались на полки, и вдруг одна категорически воспротивилась этому.

– Что значит «не хочу»? В кладовой уютно – темно, прохладно, сухо. Пахнет пряностями. Что тебе ещё надо? Лежи себе и дремли в ожидании следующего превращения... Как все тыквы лежат...

– Ая хочу мемуары писать, мне есть, что сказать островитянам! Я даже псевдоним себе придумала – Ликёр из Тыквы, очень романтичный, правда? А семечки – это мои мысли, мои дети, они меня переполняют, я хочу высказаться, а

не лежать на полке в темноте и ожидании...

– Дорогая, но как же ты будешь писать? Ты ведь даже пера держать не умеешь! – Бабушка Лина всплеснула руками.

– А что, все, кто сейчас пишет, умеют это делать? А ведь пишут же! Некоторые даже полагают, что пишут стихи! Так что, не переубеждай меня, я твёрдо решила – буду писать... Что-нибудь такое... романтическое из жизни тыкв... глубокие переживания тыквы, взгляд тыквы на вечность... на мораль и нравственность... авантюрный тыквенный роман... хорошо, что мои мысли разбежаться не могут, сидят на своих местах! Ну, творческие планы сразу не перечислишь, хотя, думаю, всё, что я создам, будет интересно каждому...

– Так ты решительно не пойдёшь в кладовую? И где же ты будешь жить? – Бабушка поняла, что эта тыква не даст остальным спокойно уснуть в кладовке до лучших времён, и решила устроить её в другом месте, например, на чердаке Дома.

– В твоей комнате, рядом с тобой – ты только подумай, как тебе будет интересно наше общение!

– Послушай, Тыква! – попыталась возразить Бабушка Лина, но тыква прервала её:

– Ты должна звать меня Ликёр из Тыквы!

– Ликёр? Ликёр я... Ликёр из... Тьфу! Нет! Это не имя! Это что-то из магазинного ассортимента! Я буду звать тебя... буду звать... А! Лукерья буду тебя звать, – твёрдо сказала Бабушка Лина. Тыква поняла, что это окончательное ре-

шение, и по-другому не случится. Она умолкла, но отметила про себя, что такую фамильярность будет позволять одной Бабушке, и никому больше.

– Но только ты поставишь у себя в комнате для меня круглый пуф и постелешь коврик! – сказала она после раздумья, приняв в качестве компромисса «Лукерью» вместо «Ликёра»... Впрочем, теперь ей надо было придумать для себя новый творческий псевдоним, потому что «Лукерья из тыквы» звучит по меньшей мере странно... Тыква глубоко задумалась.

Часа в три пополудни у Дома остановился экипаж. Четыре сильных гнедых лошади были впряжены в крытую повозку, обтянутую кожей, окрашенной в оливковый цвет и оббитой медными гвоздиками. С запяток соскочил одетый подорожному служка и открыл дверцу. По складным деревянным ступеням на дорогу спустился худошавый мужчина выразительной внешности – с густыми чёрными бровями, глубоко посаженными тёмными глазами, тонким с выраженной горбинкой носом и небольшой чёрной бородкой, одетый строго, по-деловому. Опираясь на трость, он вошёл в калитку и позвонил в колокольчик над дверью. Открывшей ему Бабушке Лине мужчина сказал, что приехал к уважаемому Гоше и хотел бы с ним поговорить. Бабушка указала ему на сегодняшнюю дверь в комнаты Гоши.

Войдя на разрешающий возглас хозяина, он поклонился и представился.

– Меня зовут Тантемир, я торговец. Моё имя известно в домах очень состоятельных людей – я поставляю им предметы роскоши, в этом я знаю толк и занимаюсь много лет.

– Очень приятно, – сказал вежливый Хулиган Гоша, – чем обязан вашему визиту?

– В одном из богатейших домов в моём краю готовятся к свадьбе. Очень пышной свадьбе, вы понимаете. И невеста потребовала изготовить для одного из её парадных туалетов особую ткань. Она дала небольшой образец. Но такого материала даже я нигде не смог отыскать. И тогда мне указали на вас, как на единственного специалиста, который может создать нужную ткань. Поэтому я и прибыл к вам – с почтительнейшею просьбой спасти эту свадьбу: без такого туалета невеста отказывается заключить брак с моим клиентом! Цена работы – любая, какую вы сочтёте нужным потребовать. Срок – неделя.

Всё, что вам потребуется для работы, я готов предоставить.

– Ничего себе невеста, – сказал Гоша, – замуж она иначе не пойдёт... А кто направил вас ко мне? – Ему было любопытно, куда дошла слава о его профессиональном мастерстве, всё же он давно уже не садился за ткацкий станок – профессор, как-никак, следовательно, теоретик. А ткацкий станок для него теперь – что холст для маститого художника: основа для создания шедевра, не меньше.

– Я и не упомяну, кто именно, – ответил торговец, – глав-

ное – ваша известность! А для меня найти эту ткань – вопрос престижа. Так что я готов понести любые расходы, в любом случае они окупятся! Вот, посмотрите образец – что вы мне об этом скажете. – Он раскрыл плоскую шкатулку ароматного сандалового дерева и вынул из неё небольшой, сантиметров тридцать в длину и ширину, лоскут. Гоша с интересом взял её в руки и водрузил на нос очки. Ткань была необычной – мягкой и лёгкой, как шёлк, и объёмной и покрытой выпуклым сложным золотым рисунком, словно парча. А цвет – какой же редкий цвет был у неё! Специалисты называют его «сливовый» – слегка напоминает мякоть сливы, но в основе своей всё же блёкло-розовый... Было очевидно, что соткал её мастер высокого класса, Гоша даже не мог вспомнить, когда в последний раз видел такую талантливую работу.

– Я не уверен, что смогу сделать точно такую же, – сказал он, после долгих размышлений Тантемиру – Мне надо детально исследовать этот отрезок, провести анализ красителей, разобраться со способом плетения, построить специальный ткацкий станок. Для этого нужно время. А вы торопите! Нет, боюсь, я вам помочь не смогу.

Лицо торговца на мгновение взорвала ярость, но он тут же овладел собой.

– У меня нет выбора! Мне назвали вас, как единственного специалиста, который может изготовить нужную ткань. Я готов подождать. Может, согласитесь – я могу создать для вас все условия в моём доме и перевезти вас туда на время

работы. Подумайте – у вас не будет никаких забот: обслуживать будет прислуга, еда – любая, какую захотите, отдельное помещение для работы, все необходимые материалы будут предоставлены в кратчайшие сроки... И оплата – на ваших условиях, цена любая, сколь угодно высокая! Соглашайтесь, прошу вас!

– Это исключено, – коротко ответил Гоша, – я ещё не знаю, смогу ли вообще сделать подобную ткань, это мне станет ясно дней через шесть-восемь, не раньше. Да и работать всегда лучше на привычном месте, заранее трудно сказать, какой именно инструмент может неожиданно понадобиться... Так что, ни о каком переезде не может быть и речи. Мне просто самому интересно попробовать, уж очень высокого качества этот образец... Хочется к такому уровню поднять. Значит, если вы оставите мне этот лоскут (он говорил «лоскут», так говорят специалисты), через неделю я скажу вам – смогу ли я сделать подобное.

– Я вернусь через неделю. Надеюсь, у вас получится. – Тантемир церемонно раскланялся, сняв свой фиолетовый замшевый берет с маленькой розеткой из перьев сокола. Поклонившись в ответ, Гоша проводил его до повозки и торопливо вернулся в свою комнату. Ткань показалась ему чрезвычайно интересной. Проходя по коридору, он услышал, как Лукерья говорит Бабушке Лине: «...потому что уметь читать, это не просто знать буквы. Надо ещё иметь воображение, чтобы из них сложить слова!» Укрепив яркий светиль-

ник над столом, он разложил кусок ткани на столешнице и, взяв мощную лупу, склонился над отрезом.

...Гала обычно – когда позволяла погода – работала на своём большом балконе, увитом цветущими лианами, и птицы прилетали к ней в гости, рассказывали обо всём, что повидали, и ночевали в гнёздах, свитых у её окон. Она умела наполнить красотой и уютом любое жилище, одеть с ног до головы каждого человека – она была Дизайнером уютов и красот – так называлась её специальность и образ жизни... Она умела делать своими руками почти всё, что наполняет быт – ткать ткани, ковры и гобелены, шить, вязать и вышивать, делать мебель, расписывать посуду, выращивать цветы, она даже умела делать чеканку по металлу, а уж про разного рода украшения, статуэтки и панно из камней, дерева и ракушек, что и говорить! Она просто не могла сидеть без дела, и всё, чем бы ни занималась, доводила до совершенства. Неудивительно, что слава о её мастерстве распространилась далеко. Галу приглашали обставить новый дом, украсить помещения для праздника, а сотканые ею ковры и ткани ценились дорого и вывозились далеко за пределы городка, в котором она жила. Однажды, когда она заканчивала расписывать светильник белыми и красными маками, в дверь её дома постучали. Взглянув с балкона, она увидела стоящую у ворот запряжённую четвёркой лошадей крытую повозку, обшитую невыделанной кожей. На крыльце дома стоял незнакомый горбоносый мужчина. Гала спустилась

и отворила дверь. Две огромных сторожевых собаки, следовавшие за ней неотступно, сели возле её ног.

– Добрый день, уважаемая, – сказал гость. – Я приехал пригласить вас убрать к свадьбе несколько больших помещений, а заодно подготовить праздничные уборы для жениха и невесты.

Гала немного помедлила с ответом.

– В какие сроки вам это надо? У меня много заказов, и я не всегда бываю свободной.

– Дата праздника ещё не выбрана окончательно, поэтому у нас с вами достаточно времени, чтобы подготовиться. Возможно, мы сможем согласовать дату так, чтобы вы могли всё успеть. Может быть, поедете со мной, чтобы посмотреть предстоящие вам работы? Дорога туда и обратно займёт полдня.

– Хорошо! Я сейчас выйду, – сказала Гала, взяла с собой перо, бумагу и чернильницу-непроливайку накинула синюю дорожную накидку, надела синие с серебряными тонкой работы пряжками туфли для улицы, выпустила собак во двор и села в повозку. За окном побежал золотой осенний пейзаж – стоял тёплый сентябрь.

В дороге мужчина, назвавшийся Тантемиром, рассказал ей, что женится его близкий друг, очень влиятельный вельможа, на прекрасной принцессе из соседнего княжества. И надо подготовить праздничное убранство нескольких залов и покоев в замке этого вельможи по имени Дон Кардамон.

Окружённый рвом замок стоял на вершине холма. Стук лошадиных копыт гулко отозвался на каменном мосту. Галу неприятно поразило, что, когда повозка въехала во внутренний двор, мост надо рвом поднялся. Впрочем, возможно, таков был замковый распорядок. Из парадных дверей к ним вышел мажордом. Тантемир сказал ему показать Гале парадные залы и покои Дона Кардамона и Принцессы, которые надо подготовить к торжествам. Осмотрев помещения и обсудив с мажордомом и Тантемиром пожелания Дона Кардамона, Гала стала делать предварительные расчёты работ. Большой ковёр под креслами с гербами Дона, где должны были воссесть жених и невеста, надо было заменить – местами его узор был протёрт до проплешин. Кое-где на стенах облупилась штукатурка, в этих местах надо было укрепить картины или венки из живых цветов.

Она, как профессиональный дизайнер, сразу заметила потёртости на обивке мебели, облезшую на подсвечниках позолоту и то, что золотые вставки на фамильных гербах почти везде были заменены на медь. С этим она умела справляться и знала, что нужно сделать, чтобы никто не заметил признаков обветшания и пошатнувшегося благополучия... Однако, ей надо было не только украсить дворец, но и подготовить парадные костюмы жениха и невесты, а для этого надо было снять с них мерки. Первым к ней спустился Дон Кардамон.

Перед Галой предстал статный мужчина в коричневом с золотом платье. Пронзительные карие глаза его смотрели

надменно и неприветливо. Он позволил снять с него мерки и, не глядя на неё, изложил свои пожелания по фасону и тканям одежды. Гала отнеслась к его манере общения с пониманием – для неё он был одним из тех заказчиков, о которых она забывала, когда завершала работу. Затем Дон Кардамон приказал мажордому проводить Галу в гостевые покои, где до свадьбы располагалась принцесса.

Принцесса была настоящей – хрупкой, с тонкими чертами бледного лица. Её серые глаза смотрели кротко и прямо в глаза Галы. Она двигалась, как будто шла в танце, а речь её была похожа на пение флейты. Мажордом стоял возле двери и тоже отмечал у себя на листочках все замечания Галы. Принцесса, в отличие от своего жениха, смотрела на Галу весьма внимательно, заглянула в её бумаги, на которых мастерица делала свои записи, долго советовалась с ней в выборе фасонов и тканей платьев. Гала сказала, что может привезти ей на выбор много замечательных материй, и принцесса этому очень обрадовалась. Они условились, что специально для этого за Галой через три дня снова пришлют экипаж.

У себя на балконе Гала стала детально продумывать предстоящую работу. Она делала эскизы праздничного убранства парадного зала и представляла себе принцессу, спускающуюся к гостям по широкой дубовой лестнице, устланной красно-золотыми коврами... Она перебирала ткани и думала о том, какими должны быть платья невесты в каждый из дней торжества... Почему-то ей не давала покоя хрупкость девуш-

ки и печальный флейтовый голос... Её не покидало странное ощущение, что она не услышала что-то, сказанное принцессой. Или не увидела. Но что? Вдруг она вспомнила: глаза на лице принцессы жили самостоятельной жизнью. Принцесса улыбалась, рассматривала записи Галы, обсуждала туалеты – а в глазах её били крыльями серые птицы беды. В условленный день, приехав в замок Дона Кардамона с эскизами и образцами тканей, Гала вошла в парадный зал. Лакей сказал, что господин уехал на охоту и вернётся через два дня, а мажордом находится в винных подвалах и сейчас поднимется к ней. Поскучав немного на массивной скамье с огромными подушками в потёртых парчовых чехлах, она решила пока внимательнее осмотреть примыкающие к залу коридоры – как-никак, из них к гостям будут выходить танцовщики и демонстраторы праздничных подарков, а затем в сопровождении подружек, к лестнице проследует прекрасная невеста. Эти выходы ей тоже надо было декорировать. Поднявшись по ступеням, Гала вошла в тёмный коридор. «Добавить светильников – вот здесь, здесь и здесь» – отметила она про себя и приготовилась вписать это в свои заметки. В этот момент самая дальняя дверь приоткрылась, и из неё выглянула принцесса. Увидев Галу, принцесса сделала ей призывный знак рукой. Гала поспешила на зов. Принцесса была ещё бледнее, чем при первой встрече. Не отвечая на поклон Галы, она торопливо заговорила:

– Я видела в окно, что вы приехали, но даже не надеялась,

что смогу поговорить с вами наедине! Помогите мне! Меня удерживают здесь насильно и готовят свадьбу против моей воли! У меня нет возможности никого попросить о помощи, я постоянно нахожусь под наблюдением слуг Дона Кардамона. Сейчас вас хватятся, если вам удастся уйти отсюда, пошлите мне спасение!

– Всё сделаю, не волнуйтесь, – ответила мастерица, – когда вернусь домой, подниму на ноги всех! Но почему вы соглашаетесь на этот брак и не сопротивляетесь?

– Они сказали мне, что это бесполезно! Я смогу только после заключения брака показаться перед посторонними, а тогда никакие мои слова не будут приниматься во внимание – Дон станет по закону властителем моего княжества... И если я даже попытаюсь после свадьбы заявить протест, он скорее убьёт меня, чем расстанется с властью. Пока он готовит пышное свадебное торжество, у меня есть надежда на спасение. Он не может жениться на мне тайно – я Алина, наследная принцесса княжества Кантилена, и тайный брак никто не признает. Но у него совсем нет денег, поэтому подготовка к свадьбе так затянулась. Сейчас понемногу деньги из казны Кантилены ему пересылает Дон Квадрильон – его старший брат. После смерти моих родителей он интригами добился места Наиглавнейшего Министра Кантилены. Сначала он попытался склонить меня к замужеству с ним. Но после моего резкого отказа помог Дону Кардамону похитить меня во время прогулки, и теперь они решили женить на мне

младшего из них. В Кантилене все думают, что я нахожусь в гостях у Дона Кардамона, поэтому никто не волнуется...

– Я сейчас же отправлюсь домой, – только и успела ответить Гала, как раздался короткий стук в дверь и на пороге появился мажордом.

– Очень жаль, что вы не дождались меня внизу, – сказал он Гале с поклоном, – и мне пришлось искать вас... Я вижу, вы уже поговорили с принцессой. Теперь давайте спустимся в зал и займёмся нашими делами. С этими словами он указал Гале на выход.

– Ну, что ж, принцесса, вы скажете мне, какие именно ткани вас заинтересовали, и тогда мы обсудим фасоны платьев... Гала поклонилась и вышла, сопровождаемая мажордомом.

Вдвоём они проследовали по коридору в зал. Гала указала ему места для дополнительных светильников, а потом, раскрыв свой сундук, достала новые парадные портьеры и материал для обивки мебели в трёх дворцовых залах. Наконец, пришло время возвращения, Гала закрыла свои папки, надела дорожную накидку и направилась к выходу. Неожиданно мажордом сказал ей:

– Такая неприятность – сломалось колесо у экипажа. Починка займёт некоторое время, так что сегодня мы никак не сможем отправить вас домой. Придётся на ночь задержаться у нас! Я уже распорядился, вам приготовлена комната в другом крыле замка. Давайте я провожу вас. Ужин подадут

туда же...

Гала поняла, что мажордом решил задержать её в замке до возвращения хозяина, потому что застал её за разговором с принцессой наедине. Надо было срочно придумать, как же позвать кого-нибудь на помощь – ведь теперь и Гала находилась в ловушке! Чтобы успокоиться и глубоко обдумать положение, она достала из сундука небольшой ткацкий станок. Он был разборным, и на нём она обычно делала образцы тканей. Работа позволяла ей сосредоточиться. К утру она всё-таки нашла выход!

После завтрака мажордом сказал, что принцесса приглашает её на прогулку по террасе замка. Гала торопливо написала записку, положила её в карман накидки и спустилась вниз. Она склонилась в поклоне перед принцессой, но принцесса ласково приветствовала её и подозвала к себе. Они стали медленно прогуливаться вдоль галереи. Солнце согрело каменный пол, короткие тени ограждения ложились к ногам женщин. Тонкие паутинки в солнечном потоке пролетали перед ними и повисали на ветках цветущих кустарников, высаженных у основания террасы. Слуги следовали за ними неотступно, но Гала всё же уловила момент, когда они с принцессой перебирали цветы в вазоне, и передала в руки принцессы туго свёрнутый секрет. Они говорили о погоде, обсуждали последние течения придворной моды, читали друг другу комические куплеты, словом прекрасно проводили это сентябрьское утро. Но в глазах принцессы били кры-

льями серые птицы нетерпения. К обеду принцесса поднялась в свои покои, а Гала продолжила работу по украшению парадных залов замка. Однако после обеда мажордом сказал ей, что поломка экипажа оказалась неожиданно серьёзной, и сегодня её снова не смогут отправить домой! Гала очень огорчилась, но ничего другого, как дожидаться завтрашнего дня, ей не оставалось. Она была спокойна за свой дом – соседи, с которыми она очень дружила, знали, она может из-за непогоды или из-за дальности расстояния к ночи не вернуться с вызова. Поэтому каждый вечер они заглядывали к ней, и, если видели, что её нет, кормили собак, впускали их в дом и закрывали калитку на засов. Но теперь и Галу охватило нетерпение – сейчас она может только ждать!

Вечером принцесса пригласила Галу отужинать с ней. Но за трапезой они не могли перекинуться по секрету даже парой слов – прислуга не сводила с них глаз ни на мгновение.

На следующий день во дворе замка раздались звуки охотничьих рогов, топот коней и громкие мужские голоса – вернулся с охоты Дон Кардамон со свитой. Гала из окна видела, как мажордом встречает его у парадного входа. Через несколько часов её вызвали в кабинет Дона. На массивной мраморной столешнице был разложен редкий по красоте кусок материала – то ли шёлка, то ли парчи сливового цвета с золотыми цветами и пчёлами. Гала невольно залюбовалась – это была, бесспорно, работа большого мастера!

Глядя мимо неё, Дон спросил:

– Вы можете соткать такую ткань?

– Нет, это работа старого мастера. Мне такую повторить не по силам, – сказала Гала после долгого и тщательного изучения отреза. Да у меня и инструментов необходимых нет... Очень красива, очень. Достояна королевы!

– Перестаньте болтать и отвечайте на вопросы! – оборвал её вельможа. – Знаете ли вы кого-нибудь, кто может такую ткань сделать? Я заплачу любую цену! Таково желание принцессы – она хочет идти под венец в платье из этой ткани. В таком платье выходила замуж её мать и бабушка, и она хочет сделать это традицией семьи.

– Трудно сказать! Теперь таких мастеров не найти... Хотя... Хотя, я, кажется, знаю! На Лоскутном Одеяле в Глиняном Доме живёт профессор текстильных наук Гоша Строгий. Он преподавал мне текстильное искусство и мастерство. Если кто и может сделать подобную ткань, то только он. Другого мастера даже не ищите – это повторить не сможет кроме него никто. – Она замолчала.

– Можете идти! – Дон повернулся к ней спиной.

– Простите, Дон Кардамон, я бы хотела вернуться домой!

– Вы говорили с принцессой наедине, и теперь сможете вернуться только после свадьбы! – ответил он.

– Но у меня есть дела дома! Вы же не можете удерживать меня здесь!

– Могу! Могу и удержу! – отрезал он и вышел из кабинета.

Гала спускалась в отведённую ей комнату, и сердце её про-

сто вылетало из груди от волнения. Теперь всё зависело от Гоши – и она, и принцесса сыграли свои партии.

Следующие дни пролетели в работе. Гала оформляла второй зал, в котором должны были происходить свадебные трапезы. Пересчитывались столовые приборы, готовились парадные скатерти на четыре смены в день, чистились старинные светильники, очищались от пыли потолок и стены, восковой мастикой натирался паркет. С принцессой она виделась нечасто, и всегда в окружении очень внимательных слуг. В один из вечеров её снова вызвали в кабинет Дона.

Дон Кардамон сидел за столом, в кресле напротив располагалась принцесса, в руках у неё была ароматная сандаловая шкатулка.

– Мы получили согласие профессора Гоши Строгого на изготовление ткани по заказу принцессы! – сказал Гале Дон. – Но он говорит, что нужный для этой пряжи краситель есть только у вас, потому что сам он давно не занимается ткачеством. Посмотрите и скажите, есть ли у вас такая краска?

Принцесса открыла шкатулку и протянула мастерице замечательный кусочек ткани. Гала стала внимательно рассматривать его, вынула даже из кармана рабочего фартука увеличительное стекло и долго рассматривала плетение нитей, поворачивая лоскут в колеблющемся свете светильников в разные стороны.

– Я поняла, о каком красителе говорит профессор, – наконец ответила она. – Он действительно у меня есть, не знаю,

правда, хватит ли его на окраску большого количества пряжи. Но если этого будет недостаточно, я смогу изготовить ещё, все необходимые для этого составляющие тоже есть...

– Завтра утром вы поедете к себе домой и привезёте сюда краситель и всё необходимое для изготовления дополнительных красок, если они понадобятся. Вас будет сопровождать мой мажордом. Идите! – закончил разговор хозяин. Гала бросила взгляд на принцессу, но её глаза были опущены – серые птицы в них стали совершенно безжизненны...

Назавтра из замка Дона Кардамона выехал экипаж, в котором Гала ездила уже несколько раз. Сейчас в качестве надзирателя с ней отправили мажордома. Гала смотрела на пейзаж, лежащий за окном – в нём было столько покоя, но в её сердце мира не было. Никогда прежде она не была так зависима от лихих людей, никогда не чувствовала себя такой беспомощной и несвободной... Теперь ей нужно было рассчитывать каждый свой шаг, каждое движение...

Она отворила калитку и ступила на мощёную камнем дорожку к крыльцу. Розы под окном цвели пышным осенним цветением, и Гала остро ощутила тоску по дому. Она открыла дверь, и две огромных собаки бросились к ней, радостно встречая хозяйку.

Мажордом замер, но видя, что Гала вошла в дом, не смог остаться во дворе – хозяин строго приказал ему следовать за ней неотступно и не дать обменяться с кем-либо хоть словом. Гала придержала собак и впустила мажордома в комна-

ты. Затем подошла к шкафу со множеством ящиков и ящичков, в котором хранила различные химические реагенты и открыла самый верхний слева. В ящике, как она и предполагала, лежал заряженный мушкет. Она выхватила его и направила на мажордома. Он попятился было и потянулся за своим оружием, но сзади послышалось предостерегающее сдвоенное рычание, а из-за портьер с двух сторон двери появились Сима и Миша. В это же время из второй комнаты вышел Гоша. Рядом с ним шла небольшая белая с коричневыми пятнышками на спине собачка.

– Здравствуй, Гала! – вежливо сказал он, – Поторопимся в замок Дона Кардамона! Принцесса заждалась нас!

Сима подтолкнул к двери потерявшего дар речи мажордома, но Миша остановил его.

– Сначала пусть даст сюда свой мушкет, и я посмотрю, нет ли у него с собой чего-нибудь ещё интересного! И первой пусть выходит Гала. За ней Гоша и Чау потом этот, – он указал на трясущегося от страха мажордома, – а потом мы с тобой. И чтобы шёл, улыбаясь нам, понял? – это уже он адресовал мажордому.

Через несколько секунд все они сели в экипаж. Собаки Галы тоже впрыгнули в повозку, и мажордом по команде Миши велел вознице трогать. Дорога в замок показалась Гале томительно долгой, но всё же и она подошла к концу.

– Значит так, – сказал Сима серому от пережитого мажордому, – как только остановимся у дворца, тут же велишь воз-

нице срочно сменить лошадей, здесь же, у входа. Затем выходишь вместе с нами и идёшь рядом, молча, глядя на меня и улыбаясь! Один взгляд в сторону, один лишний жест, не говоря о словах, и это будет твой последний вздох. Тебе всё ясно?

– Ясно, – пролепетал тот.

– С возницей говори обычным тоном, не заикайся, – строго наставил его Симон.

Экипаж остановился у парадного входа, мажордом рывкнул вознице срочно сменить лошадей прямо здесь, и все они, вместе с собаками поднялись по ступеням. Миша с собаками и мажордомом остался внизу, а Гала с Симой бросились в покои принцессы.

Они вбежали к ней. Принцесса рванулась к Гале, и на лице её отразилась сложная гамма чувств – надежда, ожидание, испуг...

– Уходим, принцесса, ваше заключение в замке Дона Кардамона окончено, – сказала Гала, – доверьтесь моим друзьям, всё будет хорошо!

Симон подал принцессе руку, и они побежали по коридору к лестнице. У лестницы приняли чинный вид и спустились по ней по всем правилам этикета – медленно и грациозно, потому что здесь их могли увидеть слуги. Гала задержалась на мгновение – прежде, чем покинуть покои принцессы, она взяла со стола плоскую шкатулку ароматного сандалового дерева.

Лошадей, действительно поменяли почти моментально. Во всяком случае, когда все они спустились к карете, свежая четвёрка была готова к поездке. Возница уже занял своё место. Мажордом проследовал за ними на посадку, улыбаясь и почти теряя сознание от собственной трусости. Некоторое время они ехали молча. Принцесса приходила в себя, ещё почти не веря в освобождение. Через несколько километров, когда замок Дона скрылся за поворотом дороги, Миша велел остановиться, пинком вышиб мажордома из повозки, стащил вниз совершенно обалдевшего возницу и уселся на козлах. Лошади тронулись дальше.

– Пожалуйста, не останавливайтесь и езжайте как можно скорее, – воскликнула принцесса, – Дон Кардамон может выслать за нами погоню!

– Не волнуйтесь, принцесса! Когда Дону Кардамону станет известно, что птичка упорхнула – простите мне такую вольность! – он будет думать не о погоне. Все его мысли будут только о том, как унести ноги. Ведь то, что они с братом совершили, называется государственной изменой, насилием над правителем страны и лишением его – вас, принцесса! – свободы! Это такие серьёзные преступления! Поэтому вы можете быть совершенно спокойны. Мы готовы к бою, но победили их начисто военной хитростью! А это посложнее любого сражения будет, – сказал Симон. – И потом, нас ожидает подкрепление – посмотрите!

Принцесса и Гала выглянули в окно. В другое смотрели

Гоша и Сима. Из-за мелкошья показался конный отряд, возглавляемый Ди Ноелем. Рядом с ним скакал в полном вооружении Дедушка Бертик.

– Это нас встречают? – спросила принцесса.

– Это вас встречают! – улыбнулся ей в ответ Симон.

Через пару часов кавалькада пересекла границу Кантилены, и вскоре принцесса Алина Кантилена вступила под своды своего дворца. Встречали её торжественно и церемонно. Дворцовая стража выстроилась почётным караулом, министры и вся обслуга встали в две шеренги, над дворцом были подняты личные штандарты принцессы – прямоугольный чёрный с лазоревым и червлёным единорогом на малиновом поле и красно-золотой треугольный с зелёным щитом и короной. Также над дворцом взвился и особый сигнальный знак «Принцесса в своих покоях». Придворный оркестр играл гимн Кантилены. Пушки на дворцовой стене сделали семь залпов. Говорящая Собака Чау была вне себя от восторга – сколько шума и красоты, вот бы такое приключение да каждый день!

Первое, что сказала принцесса, выйдя из кареты: «Дона Квадрильона ко мне немедленно!». Вестовой бросился исполнять распоряжение. Но среди встречавших принцессу, Дона почему-то не было, и его начали искать во всех дворцовых помещениях.

Вооружённый отряд Ди Ноеля был принят с честью и тут же удобно расквартирован. А Гала, Чау, Гоша, Сима, Ми-

ша, Дедушка Бертик и Ди Ноель по приглашению принцессы проследовали за ней. Собакам Галы тоже было позволено идти за своей хозяйкой. Гостей проводили в личные покои принцессы, куда допускались очень немногие и только по распоряжению Алины. Когда все после обеда, наконец, расположились в малой гостиной, и даже для собак Галы у дверей поставили широкие дубовые скамьи, покрытые коврами, принцесса сказала:

– Благодарю всех, кто вызволял меня из плена. Благодарю всех, кто спас меня от неминуемой смерти, а моё княжество от узурпаторов. Теперь прошу вас объяснить мне, как же удалась вся эта операция, как она развивалась и осуществлялась?

– Позвольте начать мне, – сказала Гала. Когда я поняла, что оказалась в ловушке, я долго размышляла, как дать знать о вашей беде людям. Ночью я вдруг придумала – выткать сообщение о том, что с вами случилось на куске красивой ткани. Я написала мелкими стилизованными золотыми буквами на шёлковой парче сливового цвета: «Принцесса Кантилены находится в плену в замке Дона Кардамона, и я с ней. Помогите, нас скоро убьют. Гала дизайнер уютов и красот». Потом я написала вам записку, чтобы вы сказали Дону, что будете сочетаться браком только в платье из такой ткани. Сложив ткань и записку, я передала её вам. Ничего более сказать я не смогла – вы сами видели, под каким неусыпным наблюдением мы находились! Я знала, что Дон будет искать хороше-

го мастера, и указала ему на профессора Гошу Серьёзного. Дальше надо было надеяться только на исследовательский талант профессора.

– Я был в восторге от этой ткани! – продолжил историю Гоша, – и сразу понял, что это выткал уникальный мастер, равного которому нет. Но что-то в этой ткани меня волновало. Я не сразу понял – некоторые завитки рисунка напоминают буквы! Но вдруг услышал, как Лукерья – ну, это наша Тыква – говорит, что в чтении главное воображение, позволяющее составлять слова из букв. Я стал рассматривать розу и пчелу в лупу – и вдруг увидел твоё послание, Гала! Я бросился к Симе, потом к Мише, а потом мы бросились будить Ди Ноеля. Все вместе мы несколько раз перечитали вытканную надпись, и я убедился, что не сошёл с ума, и мне это не кажется – на ткани действительно просьба о спасении! Тогда мы стали думать, что нам делать. Стратегию и тактику этой операции придумал Ди Ноель – вот уж, голова так голова! Сначала мы все отправились к тебе домой. Чау объяснила твоим собакам, что случилось, и они пропустили нас в дом. Без неё у нас ничего не получилось бы. Мы осмотрели помещение и условились, где и кто будет прятаться. Потом приготовили для тебя заряженный мушкет. Потом я соткал точно такой же лоскут (Гоша говорил «лоскут» – так говорят профессионалы!), и написал на нём: «Скажи, что у тебя дома есть краска. В верхнем левом ящике шкафа для реактивов будет лежать мушкет. Ничего не бойся, мы будем рядом и

спасём вас». Ну, а после всего этого Ди Ноель съездил к своему другу и попросил его на определённый день пригласить к себе Дона Кардамона на охоту и хорошую мужскую пирушку. День мы рассчитали точно – ну, всё остальное вы уже знаете. С этими словами Гоша вынул из внутреннего кармана камзола бережно сложенный прямоугольник ткани сливового цвета – тот, что выткала Гала – и с поклоном передал его принцессе. А Гала протянула ей плоскую сандаловую шкатулку со вторым куском ткани, вытканым Гошей. С первого взгляда различить их было невозможно – да, Гала и Гоша были мастерами высокого класса!

– Ая же ничего этого не знала! Когда я сказала Кардамону, что пойду под венец только в платье из такой ткани, я думала, что её никто не сможет соткать, и свадьба будет отложена на неопределённое время. Представьте себе моё отчаяние, когда профессор сказал, что он сделает такую материю! Я решила, что моя жизнь кончена! А вы, оказывается, такую сложную комбинацию разыграли! Что сказать? Теперь княжество Кантилена навеки обязано вам, как спасителям своей государыни!

В это время в покои принцессы прибыл с докладом министр-заместитель. Он скорбно сообщил, что Наиглавнейшего Министра Дона Квадрильона нигде нет. Принцесса отпустила докладчика – сейчас у неё было совсем другое настроение. Отпустив и своих спасителей на отдых в отведённые им спальни, Алина Кантилена занялась неотложными

государственными делами. Наутро Домочадцев и Галу пригласили в Кабинет Министров.

В центре, за столом с отсвечивающими на солнце перламутровыми инкрустациями сидела принцесса. Возле неё, держа в руках кожаную папку с тиснёной надписью «УКАЗЫ ЕЁ КНЯЖЕСКОГО ВЫСОЧЕСТВА», стоял министр-заместитель. Принцесса кивнула ему, и министр начал оглашать указы Алины Кантилены:

1. О запрещении Донам Кардамону и Квадрильону под страхом смерти находиться на территории княжества Кантилена в связи с государственной изменой.

2. О возведении в рыцарское звание с присвоением титула «Дон» и дарованием дворянства за особые заслуги перед отечеством:

– Дона Гошу Строгого с назначением его Министром Культуры и Ремёсел Кантилены.

– Дона Симона с назначением его Генеральным Министром Спасения Кантилены с предоставлением свободного графика работы – по мере необходимости.

– Дона Мишу с назначением Министром внутренних дел Кантилены в свободное от основной работы время.

– Дона Ди Ноеля – с назначением Министром военных хитростей и обороны Кантилены в свободное от основной работы время.

– Дона Дедушку Бертика с награждением медалью «За верность и преданность».

– Дону Галу с назначением её Высочайшей Личной Подругой принцессы Кантилены.

– Дону Чау с назначением её Советником по связям с общественностью и жалованием ей кружевной розовой с золотом подвязки принцессы в качестве ошейника для ношения на больших торжествах.

3. О назначении пожизненного пенсионера собакам Высочайшей Личной Подруги принцессы Кантилены доны Галы за особые заслуги перед отечеством.

А после оглашения указов принцесса Алина пригласила благородных донов и доний на открытие мемориала в честь неожиданного спасения главы Кантилены из рук злодеев. Она подала руку новому Генеральному Министру Спасения Дону Симону и позволила ему вести себя в тронный зал. Серые птицы в её глазах парили в небе счастья. На стене тронного зала в драгоценных рамах под стеклом на вечное хранение были выставлены два куса шёлка сливового цвета с золотыми цветами и пчёлами.

История седьмая

В Глиняном Доме была особая кладовая, ключи от которой всегда находились только у Дедушки Бертика.

В ней в оригинальных футлярах, слегка потёртых на углах и возле замков, в специальных углублениях на бархате цвета красного вина хранились Фазы Луны. Каждый вечер в строго рассчитанное время Бертик отпирал эту кладовую, раскрывал соответствующий дню лунного календаря футляр, доставал Сегодняшнюю Луну, фланелевой тряпочкой бережно протирал её и выносил во двор. Кто-то из домочадцев всегда находился рядом. Во дворе заранее выстраивалась сложная конструкция из ящиков, столов и лестниц, на которую взбирался сам Дедушка и те, кому он в этот вечер доверял помочь ему закрепить на должном месте небосвода серп или неправильный овал тончайшего серебра. Ещё в футлярах хранились гвоздики, которыми хрупкая Фаза крепилась к небу. Правда там гвоздики выглядели звёздной пылью, рассыпанной в лунном свете... Сегодня в Доме были особенные гости, поэтому Дедушка Бертик пригласил именно их помочь ему укрепить в небесах ночное светило.

Для дорогих гостей он принарядился – надел жилет, который лежал в сундуке с прошлой осени: полосатый на спинке и в ярких розочках спереди. Ещё у жилета были пуговицы, которыми Дедушка тайно гордился – с большими зелёными

стёклышками в резной медной оправе, но эту гордость он старался никому не показывать – стеснялся. Такую красоту на праздник Сбора Тыков ему подарили две подружки-домочадицы – Аграфена и Инна. Они сами сшили жилет – то есть, Гранечка шила, а Инна осуществляла общее руководство и восхищалась результатами. Пуговицы выделила из своих запасов Бабушка Лина, которой тоже очень понравился подарок для Бертика. Итак, дорогие гости Лёлик и Йоля забрались на самый верх, а Ляля и Лёля придерживали конструкцию снизу: они были помладше, и побаивались взбираться так высоко...

Сегодня утром, после обильного завтрака, как только открылись близлежащие магазины, Бабушка Лина, Гранечка и Инна, собрав детей, отправились покупать им новые одёжки-обувки. Женщины в магазине, женщины, выбирающие обновки для шестерых детей – это тема для отдельного рассказа. По поводу каждой застёжки, каждого воротничка разворачивалось горячее обсуждение. Цвет, фасон, качество – всё изучалось досконально. Поэтому из магазинов Домочадицы, да и детишки, вернулись изрядно уставшими. На хозяйстве оставались Лукерья и Нина, потому что «война войной, а обед по расписанию»! Нина готовила быстро – ножи, тёрки, чашки и поварёшки так и мелькали в её руках. Казалось, кастрюли, чугуны и сковородки сами собой прыгают в печь, и сами разливают и раскладывают готовую еду по тарелкам. Лукерья источала миролюбие – уж очень скоро

работала Нина, а значительнее человека, хорошо выполняющего свою работу, Тыква ничего себе не представляла. Так что к обеду ребята щеголяли в тёплых и ярких платьях, и все домочадцы были вовремя накормлены. День пролетел незаметно, наполненный замечательными домашними делами и заботами...

Аграфена сидела на крыльце дома, внимательно наблюдая за процессом водружения Новой Луны. Двое младших ребятшек прильнули к ней – они так и держались за её юбки с самого утра...

...Копыта молодой кобылки Милушки ритмично отстукивали километры просёлочной дороги. Раза два в неделю Аграфена ездила в Молочные Реки за молоком для Домочадцев, и сегодня был как раз такой день.

Девушка правила Милушкой уверенно и добро, и поездка была в радость, как ей, так и лошадке. Кобылка шла легко, пританцовывая и помахивая длинным хвостом, играя мышцами, получая удовольствие от возможности пробежаться, а Гранечка любовалась знакомым до мелочей окрестным осенним пейзажем, подставляла лицо мягкому солнцу и тихонько мурлыкала какой-то незамысловатый мотив собственного сочинения. Её русые косы короной охватывали аккуратную головку, на щеках алел здоровый румянец. Синие глаза легко перебирали штрихи осенних дорожных примет. Сейчас повозка пройдёт небольшой изгиб дороги, и справа у обочины окажется похожий на спящего медведя валун, оглаженный

и отполированный ветрами, со скамейкой, неизвестно кем врытой рядом, чтобы пеший путник мог присесть и передохнуть. Таких остановок у дорог на Лоскутном Одеяле было немало, и очень часто скамьи устанавливались возле источников воды, чтобы любой мог утолить жажду...

Проехав ещё некоторое расстояние от каменного «медведя», Гранечка остановила лошадь. У обочины сидела девочка лет семи, совершенно одна. Аграфена спрыгнула на дорогу. Надо было спросить – не нужна ли ей какая-либо помощь, ведь не может же ребёнок один сидеть на дороге вдали от жилья просто так! Приблизившись, она увидела, что это девочка-нищенка, просящая подаяние. Такого на Острове никогда не водилось – все на нём работали и жили в достатке, а уж ребёнок-побирушка был и вовсе невозможным явлением. Девочка сидела на земле, сложив тоненькие руки на коленях. На ней было серое холщовое платье, явно с чужого плеча, потому что оно висело бесформенным балахоном, на плечах чёрная застиранная фланелевая накидка с большим капюшоном, а на ногах мужские стоптанные башмаки полноценного мужского же размера... Перед ней лежал маленький холщовый мешочек из тех, что крепятся на поясе, широко раскрытый, в котором тускло отсвечивали две мелких монеты – наверное, сегодня на этой дороге было малоллюдно, иначе лоскутяне подали бы ей гораздо больше. Гранечка вынула из кошелька монетку и положила её к двум, лежащим в мешочке. Потом она протянула девочке пряник и яблоко,

которые были у неё в корзине, стоящей в повозке на сидении. Однако малышка смотрела мимо неё, так что Аграфена подумала, было: побирушка незрячая. Она молча смотрела и не говорила ничего.

– Откуда ты, милая? – спросила девушка. – Где твои родители, почему они отпустили тебя одну?

– Мама больна, папы у меня нет, – ответила девочка странным неживым голосом.

– Возьми яблочко, пряник, скушай! Давай я пойду с тобой к вам домой и посмотрю, чем можно помочь!

– Мама больна, папы нет, к нам идти не надо, за мной придут, – девочка продолжала говорить механически, глядя куда-то в пространство. Все попытки Гранечки как-то разговаривать её ни к чему не привели. Яблоко и пряник она положила в тот же холщовый мешочек, погладила девочку по плечу, постояла немного возле, надеясь что-то для себя решить, но, поняв, что девочка не отвечает на все попытки сблизиться с ней, с сожалением вернулась в повозку и тронулась дальше. Поездка сразу стала тяжёлой – окружающие красоты больше не доставляли радости, грустные мысли о странной нищей девочке не давали покоя...

Примерно на расстоянии полукилометра на противоположной обочине она вдруг увидела двух девочек, лет пяти и шести, так же просящих милостыню! Остановив Милушку, Гранечка подошла к детям. Всё те же мрачные не по возрасту и размеру одеяния и обувь, такой же мешочек на земле,

тот же взгляд сквозь неё, и те же заученные слова про большую маму и папу, которого нет! Она и им протянула пряников и яблок, и точно так же дети не взяли их в руки... Боль пронзила сердце Гранечки, но она решительно не понимала, что же ей надо сейчас делать, как помочь девочкам, кроме того, чтобы подать им ещё пару монет... Лошадка резво бежала дальше, а возницу терзали размышления о том, что же происходит на Острове – такого здесь не было никогда! Но на этом потрясения не закончились – через некоторое время она увидела у дороги сначала двоих попрошайек – девочку лет восьми и совсем маленького, немногим более двух лет, мальчика, а поодаль ещё одного мальчика лет семи... Все попытки расспросить детей оказались безуспешными, ответы их были односложными, совершенно одинаковыми и выученными наизусть. Самый младший мальчик вообще повторял только два словечка:

«Папы нет...» Скорее всего, он ещё не умел хорошо говорить, и это было всё, что он знал. А кроме этого дети не сказали ей ни одного слова!

Гранечка купила в Молочных Реках два бидона молока, аккуратно закрепила их в повозке, напоила Милушку, привязала её возле коновязи и пошла навестить знакомую большую старушку, для которой привезла из Дома дрожжевых пирожков с мясом и капустой, так хорошо укутанных и упакованных, что доехали ещё горячими, и баночку молодого мёда. Она открыла калитку, взбежала по ступеням крыльца и

позвонила в колокольчик. Через некоторое время дверь открылась. «Здравствуйте, тётушка Марта, – поцеловала старушку Граня. – Я смотрю, вы уже встали с постели! Как хорошо!»

– Да, деточка, мне полегче, правда далеко я ещё не хожу, но уже выбираюсь посидеть в палисаднике, на воздухе, – ответила ей хозяйка. – Проходи, отдохни с дороги! Выпей со мной чайку!

Аграфена прошла на кухню, поставила на плиту чайник, разложила на небольшом блюде пирожки, поставила на поднос также банку с мёдом и отнесла всё в столовую. Она привычно хлопотала, но мысли её были заняты несчастными детьми, которых встретила по дороге в Молочные Реки. Потом они попили чаю с тётушкой Мартой, поговорили об общих знакомых, о приятной осенней погоде, и Граня засобиравалась домой. Марта передала с ней гостинец Бабушке Лине – хороший кусок сыра, до которого Лина была большая охотница. Милушка уже отдохнула, поэтому обратная дорога не была для неё тяжёлой.

День клонился к закату, окрестный пейзаж окрасился в более глубокие тона, чем это было в разгар дня, длинные тени косыми стрелами пронзали белую дорогу. Вообще-то девушка очень любила поездки с Милушкой, лошадка всегда шла ровно, и Аграфена радовалась катанию, как ребёнок. Но сегодня она никак не могла избавиться от горестных мыслей о нищих детях, которых встретила у дороги. Через некото-

рое время добралась до места, где утром видела девочку с двухлетним малышом – их уже не было, и вздохнула – где-то они сейчас? Впереди было место, где днём у родника сидели две маленькие нищенки – от него на глазах девушки отошла крытая повозка, но детей и здесь уже не было. Двигаясь неспешно за этой повозкой, она увидела, как та остановилась, и девочка, которая утром встретилась первой, забралась под брезентовое покрытие... Только тут Гранечка поняла, что идущая перед ней повозка собирала попрошаек, просидевших весь день у дороги, и эти дети не подаяние для больной мамы собирали, а так отработывали свой хлеб... Через некоторое время повозка с детьми съехала с дороги на неприметный въезд в лес...

Вечером, когда все дела были уже переделаны, она поделилась своими дневными впечатлениями с Бабушкой Линой и Лукерьей. Бабушка Лина вытерла глаза – набежали нежданные слёзы...

– Вот ведь, и откуда вдруг взялось такое на нашем острове? В жизни же не было подобного! Может быть, их родители только-только переехали и пока не обустроились? И то сказать – осудить легко, а мы же не знаем, что у них в семье приключилось... Спросить бы – может, помочь чем надо?

– Да дети ничего не говорят, кроме нескольких заученных фраз... И знаешь, такое впечатление, что они и не видят, и не осознают, что вокруг происходит. Хотя все зрячие, и выглядят здоровенькими... Как будто бодрствуют и видят сны.

– Если будешь искать ответы – найдёшь обязательно, иногда они лежат на поверхности, надо просто взглянуть по-другому, – заявила Лукерья.

– Я уж у них у всех спрашивала, но ни один ребёнок не ответил, – горестно вздохнула Гранечка. – И как им помочь – просто ума не приложу!

Прошло дня три, и Аграфена снова поехала в Молочные Реки – за маслом и творогом для домочадцев. На сей раз отправилась ближе к вечеру – её пригласили на день рождения к той самой старушке, которую она навещала в свой прошлый приезд в посёлок. И снова неподалёку от каменного «медведя» увидела ту самую девочку. Остановив Милушку, спустилась к побирушке.

– Здравствуй, маленькая, – сказала Граня, – как ты? Как твоя мама?

– Тётя, помогите мне! – неожиданно сказала девочка. – Меня украли, увезли, когда я шла в школу. Женщина в повозке сказала, что она наша новая учительница и едет как раз в школу, и может меня подвезти. Я села к ней, и она угостила меня вкусным компотом, а потом я оказалась в чужом доме вместе с другими детьми... Теперь нас поят этим компотом ночью, перед сном, и утром, и мы постоянно находимся в полусне, и делаем то, что она нам говорит... А сегодня утром я споткнулась, нечаянно пролила почти весь компот, но ничего ей не сказала. И она этого не заметила... И поэтому я сейчас смогла заговорить с вами! Пожалуйста, возьмите

меня с собой, заберите отсюда, я хочу домой!

– Конечно, идём скорее, и всех других детей сейчас заберём!

– Нет, они же пили компот! Они не пойдут с вами, теперь они только на её голос пойдут...

– Успокойся, милая, я тебя заберу, обещаю тебе, сегодня же заберу тебя! Но как тогда остальные дети? Их ведь тоже надо выручать... Надо потерпеть ещё немного – только сегодняшней ночью! Ты можешь убедить их не пить на ночь компот? Тогда я приду и заберу вас всех! Только ты скажи мне, где вы спите ночью?

– Эта женщина и ещё трое мужчин спят в доме, а нас укладывают в маленьком сарае во дворе...

– Тогда давай договоримся так: ты будешь вести себя как обычно. Вечером, когда вернётесь в тот дом, ты скажешь детям, чтобы они ни за что не пили компот. Пусть выльют его куда-нибудь. Скажи им, что ночью за вами придут друзья, чтобы дети лежали тихо, но постарались не спать. А я прослежу за вами, и ночью, когда эти злодеи уснут, проберусь к вам и выведу всех на свободу. А потом мы поедем на моей лошадке ко мне домой. Ты сможешь это сделать, не испугаешься? В любом случае, теперь я знаю, что с вами произошло, и вместе с моими друзьями, вызволю вас, будь уверена!

– Так вы не заберёте меня сейчас? – на глаза девочки навернулись слёзы. – Я не хочу возвращаться, я боюсь эту женщину! Заберите меня прямо сейчас!

– Она такая страшная?

– Да, её бояться даже Мохер, Кабашон и Канабис.

– А кто это?

– Это мужчины, которые помогали украсть нас и теперь охраняют. Я слышала, как Мохер говорил Кабашону, чтобы тот не расслаблялся от её ласкового обращения, она сладко говорит о любви, но наносит удар в самое сердце, а в ярости не пощадит и собственную мать...

– Не плачь, милая, поверь мне, сегодня ночью я заберу и тебя, и всех детей! Потерпи совсем немного, всего несколько часов, прошу тебя! Никого не бойся, я буду рядом! Ведь если я сейчас заберу тебя, она сразу перепрычет остальных, и мы никогда их не спасём, понимаешь! Тебе надо сосредоточиться и делать вид, что ты такая, как обычно, чтобы эти люди ничего не заподозрили. А потом потихоньку сказать деткам, что ночью за вами придут и отвезут всех по домам, только, чтобы никто не пил этого компота! Ты сможешь это сделать? Ты маленькая, тебе будет тяжело. Но я не вижу другого способа забрать от этих похитителей вас всех! Не испугаешься, не будешь плакать? Пожалуйста, помоги мне, чтобы я могла помочь вам! – она гладила девочку по голове, по плечам и утешала, как могла...

– Хорошо! – сквозь слёзы кивнула головой девочка и глубоко вздохнула...

С тяжёлым сердцем Аграфена тронула Милушку дальше. Вернуться сейчас в Дом не имеет смысла. Ди Ноель ещё по-

завчера ушёл в горы – делать новую карту ущелья. Вернуться должен к вечеру. Сима уже два дня в Кантилене, там понадобилась его помощь принцессе Алине. Да и Миша, кажется, тоже там – как-никак, министр... Так что, раньше вечера рассчитывать на помощь не приходится. Значит, надо ехать в Молочные Реки за маслом и творогом.

В посёлке Граня ненадолго заглянула к тётушке Марте, поздравила её с днём рождения и подарила носочки, которые связала сама – в полосочку двух цветов, кораллового и морской воды, с нарядными кисточками у щиколоток. Но Марта была очень взволнована, и настроение у неё было совсем не праздничное. Она рассказала Гранечке, что в Молочные Реки пришла ужасная весть. У её соседей, которые три месяца назад уехали продавать сыр и масло в Кисельные Берега, где у молочнорекцев есть кооперативная лавка, пропал сынок. Родители в отчаянии объехали весь остров, но нигде не нашли мальчика. У Грани заныло сердце – эта история снова напомнила ей о несчастных детях, находящихся в лапах злодеев. Посидев с Мартой совсем немного, попрощалась, наказала старушке надеяться на лучшее и тронулась в обратный путь.

Она думала о родителях, которые, наверное, уже впали в отчаяние, потеряв детей. Во сколько семей сейчас пришло горе – страшно представить... И для чего эти похитители выкрали детей? Неужели только для того, чтобы жить на горькие деньги, собираемые попрошайками? Уже стемнело, но

она легко нашла тот самый въезд, по которому детей увозили в глубь леса... Прямо у этого въезда привязала Милушку к дереву и пошла пешком по узкой дороге между деревьями.

Попетляв немного, дорога неожиданно вывела девушку на расчищенный участок, где стоял старый, но крепкий дом, рядом был разбит заросший бурьяном огород, а позади дома выглядывала стена сарая – скорее всего именно там и держали несчастных детей. Подойти к дому незаметно было практически невозможно, она смогла бы сделать это только в полной темноте. Граня решила хорошенько осмотреться, а потом ехать в Дом и звать на помощь друзей. Наконец совершенно стемнело. Перебегая от дерева к дереву, Аграфена подобралась к самому дому. Ей повезло – возле окна росла старая раскидистая верба, на которую она бесшумно взобралась. Перед глазами открылась большая комната с горящим очагом, в которой за простым непокрытым столом сидели четверо – трое мужчин и женщина. Хотя... Определить её женщиной было непросто – та была одета в мужское платье и носила мужскую стрижку. Они ужинали и о чём-то говорили. Граня хотела было слезть с дерева и пробраться в сарай, как вдруг женщина, закурив трубку, что-то сказала мужчине, сидящему у окна, и он обернулся и растворил оконные створки...

– ...а то душно совсем, – продолжала женщина. – Наконец, утром получим свои деньги и сможем заняться новым делом. В этот раз сложилась неплохая ситуация – за эту па-

рочку из дворца нам заплатили, завтра Хан Гуссей заплатит за них ещё раз. А в перспективе те, которых мы продали взамен этих, снова вернутся к нам – но уже за новую плату, и мы их продадим в третий раз, и снова Гуссею! Так что, у нас появится дополнительная прибыль!

– Можно было бы этих и не посылать на работу, – сказал один из мужчин.

– Ты неправ! Чем скорей они поймут, что отныне должны зарабатывать себе на жизнь, тем скорей смирятся со своей участью. Хан Гуссей продаст их в рабство, и хорошо, если они попадут в богатые дома. А ведь могут быть использованы для самых разных надобностей! Так что, пусть уж привыкают к новым обстоятельствам.

– Пожалуй! Да и нам расходов меньше – что они собрали, на то и поели... Хотя, от твоего компота они и едят-то как цыплята... Разбойники рассмеялись, согласно кивая головами.

– Давайте уже спать ложиться, ведь Гуссей пташка ранняя – может приехать ни свет, ни заря, лишь бы поскорее возвратиться на корабль, только там он чувствует себя в безопасности.

Аграфена поняла, что у неё времени в обрез – она просто не успеет доехать до Дома и вернуться сюда с друзьями – ведь неведомый ей Хан Гуссей может приехать на рассвете и увезти детей прежде, чем Домочадцы придут на помощь! Выхода у неё не было, Провидение возложило на неё обязан-

ность спасти детей, и она делает это... Дождавшись, пока в доме погаснет свеча и всё затихнет, Гранечка слезла с дерева и крадучись пробралась к сараю.

– Йолечка, ты не спишь? Это я, Аграфена, – вполголоса сказала она. – Я пришла за вами!

– Я не сплю! И дети тоже не спят, – шёпотом ответила ей Йоля. – Мы уходим?

Но прежде, чем Гранечка ответила девочке, дверь сарая распахнулась, и в дверном проёме с фонарём в руках предстала та самая женщина, что минут пятнадцать назад вместе со своими сообщниками обсуждала судьбу несчастных детей.

– Эт-то я удачно зашла, – зловеще протянула она. – В наш курятник, оказывается, ласка забралась? Ай-яй-яй! А мы и не знали! Только непрошенный гость рискует, очень рискует! Вдруг его плохо примут? Но ты не переживай! Ты нам тут в самый раз. За взрослую рабыню, да ещё такую складную и гладкую, нам заплатят гораздо больше, чем за десятерых ребятишек. Так что, ты сама свою судьбу определила, булочка медовенькая! – и она испустила такой пронзительный свист, что с ближайших деревьев начали осыпаться листья. Трое крепких мужчин выбежали из дома и в мгновение ока связали Граню по рукам и ногам. Девушка узнала их в неверном свете фонаря – это были разбойники, попытавшиеся украсть коровку Кору у фермера Апсея!

– Всем спать, – гаркнула женщина детям, – и они беззвуч-

но уронили головы на подушки. – А ты, сладкая моя, подумай сама: будешь кричать, мы завяжем тебе рот. Так что, лучше дожидайся утра молча! Я бы тебя себе оставила, уж очень ты мне приглянулась – ишь, глазищи какие синие, а сама пышная да белая – но не могу сейчас. Деньги очень нужны. Ну да ничего, куплю себе замок, стану дворянкой, с десятков таких, как ты заведу. Не пришло ещё время для этого, немного подождать мне надо... А ты поедешь с Ханом Гуссеем в его края – такая теперь у тебя судьба, значит! – она погладила Гранечку по щеке, пробормотав что-то неразборчивое, бросила цепкий взгляд на детей, а затем вместе с остальными злодеями заперла дверь сарая снаружи.

Бабушка Лина никак не могла уснуть – Гранечка не вернулась в Дом ночью, не предупредив об этом! Такого не бывало никогда! Лина вертелась с боку на бок, выпила немеряно капель пустырника, но сон к ней так и не шёл. Глубоко за полночь пошла искать комнату Дедушки Бертика. Комната оказалась совсем близко от её спальни. Постучалась.

– Бертик, а, Бертик! – тихо позвала она. – Проснись, мне кажется, у нас беда приключилась. Дверь сразу же открылась, как будто Дедушка ещё не ложился.

– Ты что ещё придумала? Какая беда?

– Аграфена домой не вернулась, а поехала за маслом и творогом. Я вот думаю – не случилось ли что? И Бабушка Лина рассказала ему, как несколько дней назад Гранечка встретила на дороге попрошаек, и очень хотела им помочь.

Дедушка Беритк подробно расспросил Бабушку об этой истории, о том, где именно встретились Гране эти детки. Потом, подумав, сказал:

– Пойду, парней подниму. Вместе обсудим.

Через несколько минут в комнате Дедушки Бертика заседал «военный совет». Генерал-картограф первым делом разложил на столе карту той части острова, где у дороги лежит «каменный медведь».

– Так! И что мы имеем в данном квадрате? – сказал он, наведя на карту полевой бинокль, – Поскольку дети сидели в этой части дороги, ночевать они должны поблизости – нет смысла привозить их сюда с другого конца острова. Вокруг лес. Вот «медведь». Так... А это что? А, это как раз небольшая дорога в глубину леса, а вот и старый дом егеря с хозяйственными постройками. Егерь с семьёй перебрался оттуда, потому что его дети подросли и пошли в школу. А дом сейчас пустует. Если и прятать побирušек – то только здесь, больше и нигде! Седлайте коней, парни, не иначе наша Аграфена туда и направилась – деток проведать. Только почему ночью, и почему не возвратилась? Если в том доме беда стряслась – поможем. Если беда с Граней – вызволим. – С этими словами он повесил бинокль себе на грудь и отправился надевать походные сапоги.

Начало светать, когда Ди Ноель, Дедушка Бертик, Сима, Гоша и Миша выехали на дорогу, ведущую к Молочным Рекам. Около часа понадобилось им, чтобы добраться до от-

ветвления дороги в чашу леса. Они остановились, чтобы осмотреться. И в это время прямо на них из лесу выехали три повозки. Каково же было удивление Домочадцев, когда они увидели, что в одну из них впряжена Милушка, и это та самая повозка, на которой Гранечка вчера уехала за молоком!

– Стой! – крикнул командным голосом Ди Ноель. Но от его крика обоз резко прибавил ходу. Маленький отряд генерала-картографа бросился в погоню. Вскоре Мише удалось обогнать первую из повозок и осадить своего коня поперёк дороги. Повозкам пришлось остановиться. Ди Ноель, оставив Симу возле последней повозки, а Дедушке Бертику и Гоше приказав встать по сторонам этого обоза, подошёл к вознице, правящему Милушкой.

– Каким образом эта повозка оказалась у тебя? – генеральским голосом спросил он.

– Я купил её, – подобострастно ответил ему явный чужеземец. На нём было запылённое дорожное платье и мягкие сапоги на толстой подошве. Рукой мужчина приветственно коснулся тёмно-коричневой чалмы.

– У кого и когда? – продолжил расспросы Ди Ноель.

– У молодой женщины с синими глазами. Она продавала лошадь вместе с повозкой, сказала, что ей деньги нужны. А мне цена подошла. Вот я и купил. – чужеземец выразительно жестикнул, и поза его выражала почтительную вежливость к Ди Ноелю.

– А ты кто такой, и как здесь оказался? – Ди Ноель не

оставлял вопросов.

– Я торговец, сюда приехал за коврами. Купил, теперь возвращаюсь на корабль. Пожалуйста, не задерживайте меня, я могу опоздать к отправлению! – он умоляюще приложил руку к груди.

– А почему не остановился сразу, как я окликнул, а бросился убежать?

– Так сам посуди: утро раннее, место пустынное, я купец, у меня товар. А вдруг лихие люди налетели? Вот и прибавил скорость. Да и любой на моём месте поступил бы так же. Могу я теперь ехать дальше? – речь его была уверенной и спокойной.

– Погоди, сейчас посмотрим. – С этими словами Ди Ноель откинул брезентовый верх повозки и увидел свёрнутые рулонами ковры разных размеров и расцветок. Больше ничего внутри не было. Он подъехал ко второй повозке, откинул её полог. В ней сидели дети, испуганно жавшиеся друг к другу, и странное существо неопределённого пола. У их ног стояла пара дорожных саквояжей. В третьей повозке сидели трое мужчин, в ней также был свален кое-какой дорожный скарб. Ди Ноель задумался. Аграфены не было. В конце концов, мало ли, почему ей понадобилось срочно продать повозку с Милушкой – когда нужна была помощь, она не останавливалась ни перед чем. Домочадцы знали, что однажды в дороге Граня случайно услышала разговор незнакомых ей попутчиц, как в отдалённом селе погибает мужчина, и ему нуж-

на кровь определённой группы. Той же группы, что была и у неё. И не раздумывая ни минуты, Гранечка сошла с дилижанса и пересела на другой, идущий в то село, нашла этого человека и дала ему свою кровь. Может быть, тем нищим детям срочно нужна была помощь, вот она и продала Милушку этому торговцу... Ди Ноель уже был готов разрешить купцу продолжать дорогу, как вдруг к нему приблизился Миша и тихо сказал:

– В повозке как раз шестеро детей – четыре девочки и два мальчика, один из них совсем маленький. Помнишь, Бабушка Лина рассказывала. Это те самые дети, которым на помощь отправилась Гранечка. И ещё! В повозке с Милушкой наши, домашние, горшки с маслом и творогом. Допустим, повозку и лошадь она продала. Но масло и творог тут при чём? Здесь что-то не то, Ди Ноель! Я чувствую! – И тут же Миша во весь голос закричал:

– Аграфена-а-а-а! Гранечка-а-а-а! Где ты?

В этот момент из второй повозки рванулась и бросилась прямо под ноги лошади Миши девочка в чёрной накидке с капюшоном:

– Она в ковре! Её закатали в ковёр! Спасите! – отчаянно закричала она.

– Бойцы, прицел на повозки! При первом движении стрелять! – скомандовал Ди Ноель.

– Миша, пусть этот купец выгружает ковры! Дети, спускайтесь сюда! Спускайтесь к этой девочке!

– Что такое! Это мои дети! – завопила женщина, сидящая в повозке с детьми. (Оказывается, это женщина, – отметил про себя Ноель). Но девчушка, выпрыгнувшая из повозки первой, кричала:

– Нет! Она не мама! Она украла нас всех и продала этому человеку! Он увозит нас в рабство! – Слезы градом катились по её щекам, девочка прижала к груди сцепленные руки и умоляюще переводила взгляд с Миши на генерала-картографа.

– ЧТО? – закричал Ди Ноель таким военным голосом, что присели все лошади в обозе. Женщина и мужчины, сидящие в третьей повозке, спрыгнув, бросились в лес. Торговец застыл, было, возле Милушки, но домочадцам было не до него. Почувствовав это, он мелкими шажками отступил назад, затем потихоньку ступил на обочину, и внезапно тоже бросился в придорожный кустарник... Гоша с Дедушкой Бертиком вынимали из повозки детей, а Миша с Симой и Ди Ноелем сбрасывали на дорогу ковры. В самом низу, на дне тележки, нашли особенно большой и тяжёлый ковёр. Они торопливо разворачивали рулон все вместе, он был необычно тяжёлым, и домочадцы на мгновение оцепенели, разложив его на земле. В нём лежала почти задохнувшаяся Гранечка со связанными руками и ногами. Сима брызгал ей в лицо водой из походной фляги, Ди Ноель хлопал её по щекам и растирал руки. Через пару минут она пришла в себя...

...После того, как молодой месяц тонким лезвием рассёк

сумерки, и на площадку перед Домом пролился серебряный свет, все уселись вокруг вечернего чая. Стол был покрыт замечательной белой скатертью, вышитой цветной гладью. Эту скатерть в ярких цветочных гирляндах и нарядных птичках домочадцы видели только по большим праздникам. Для такого случая Бабушка Лина достала особенно нарядные белые фарфоровые чашки, расписанные внутри розами и васильками. Под каждую чашку стелилась отдельная кружевная салфетка. Вечерами воздух уже становился прохладным, и потому горячий самовар сообщал компании сугубое тепло Глиняного Дома. Сегодня Лина напекла пышных ароматных ватрушек, а ещё на столе было несколько сортов недавно сваренного варенья, большие шоколадные конфеты с черносливом и абрикосами внутри, свежее масло и теплые от самовара бублики.

– Завтра утром я и Дедушка Бертик поедем развозить вас по домам, ребятишки! – сказал Ди Ноель. Дети оживились, заулыбались. – Ну, с адресами Ноли, Лёли, Ляли и Лёлика мы разобрались. Теперь расскажи-ка нам ты, малышка, откуда тебя забрали эти злодеи? Ты такая маленькая, с тобой объясниться будет гораздо труднее... Но мы постараемся – может быть, объявления в газеты дадим, что ли... Ворон подключим к сбору информации... А что с этим мальчиком делать – ума не приложу. – Ди Ноель указал подбородком на самого маленького из детей, сидящего на коленях у Гранечки. – Он ведь совсем не говорит ещё!

– Они были у этих воров раньше всех нас. Но как их зовут, мы не знаем, – погрузнев от воспоминаний, сказала Ноля. – Нам не разрешали называть друг друга по именам, они хотели, чтобы мы как можно скорее забыли всё о себе...

– Меня зовут ваше высочество принцесса Лантаны Стэйси, – неожиданно чётко ответила самая младшая из девочек. А это мой брат, его королевское высочество наследный принц Лантаны Зорин.

– Зорин, – повторил за ней малыш. Он действительно почти не умел говорить, и узнать – кто он и откуда было сложнее сложного.

Над столом повисло полное молчание, пение самовара стало сольным. Ребята наслаждались чаем с подзабытыми вкусностями. Домочадцы выразительно переглядывались – совсем дети обезумели в руках у этих злодеев. Забыли своих родителей, свои семьи! И что им только не навнушали эти работорговцы! Наверное, чтобы поднять цену на свой хрупкий товар... Сколько же теперь им надо ласки и внимания, чтобы они пришли в себя!

– Детки, время позднее, давайте-ка настраиваться на отдых, сегодня у всех нас был очень бурный день. – сказала после долгой паузы Бабушка Лина.

Дети нехотя стали подниматься из-за стола, забирая с собой надкушенные ватрушки и бублики, рассовывая по карманам конфеты. Но маленький Зорин поудобнее устроился на коленях Аграфены, закрыл глаза и блаженно вздохнул –

он наконец-то уснул безмятежным детским сном, как и должен засыпать каждый ребёнок...

Истории восьмая и девятая

Король Илия отправился на охоту, как отправляются все короли – с пёстрой и говорливой толпой придворных, сворой собак и походной кухней. Но в лесу он вдруг ощутил такое умиротворение, такой покой, что приказал свите не шуметь, спешиться и остаться на опушке, а сам углубился в чащу, немного прошёл по узкой белой тропинке, простегавшей траву. Остановился, огляделся и присел под деревом. Сквозь ветви, касающиеся друг друга с нежностью и настойчивостью, были протянуты тончайшие струны солнечных лучей. Казалось, вокруг льётся мелодия глубокой осени. Густой запах хвои и тускло золотеющей листвы увёл его в нелёгкие воспоминания. То, о чём он забывал в привычных стенах дворца, вырвалось из его сердца и заполнило душу...

...Король Лантаны Илия возвращался домой из военного похода после двухлетнего отсутствия. Два года тяжёлых сражений с сильными врагами, напавшими на земли его брата! Не прийти на помощь брату-королю было невозможно, государства их были сопредельными, и только объединив усилия, они смогли отразить нападение и уничтожить захватчиков. За это время большое горе постигло Короля – через полгода после рождения сына, внезапно умерла красавица-королева, оставив ему двоих детей: трёхлетнюю дочку и новорожденного малыша. Но битвы шли такие, что интересы

государства не позволили Илию прибыть даже на похороны жены, и его дети два года росли без родительской ласки. В памяти всплыли строчки из дорогих писем Королевы – таких бесхитростных и трогательных. «Представьте себе, Ваше величество, мой дорогой муж, у нашего сыночка точно такое же шоколадное пятнышко, напоминающее трилистник, на запястье, как и у дочки...» «Наша девочка, глядя на семейный портрет в библиотеке, указывает ручкой и говорит: «Это папа, это мама, это собачка Агата, это я»...

«Ваше величество, мой дорогой муж! – писала ему позже Королева – Не беспокойтесь обо мне и детках! За нами ухаживает моя сводная сестра графиня Матильда. Несколько лет назад она пережила страшное горе – разом потеряла при пожаре во дворце и мужа, и детей. Не в силах жить среди чужих опустевших стен, она вернулась в родовой замок своего отца, но теперь находится неотлучно при мне, во дворце Вашего величества, вникает во все заботы, и даже полностью сменила прислугу для принца и принцессы. Я не очень хорошо себя чувствую, поэтому попечение о наших детях сестра взяла на себя. Как жаль, что Матильда потеряла своих крошек, она была бы прекрасной матерью! Простите моё своеволие, Ваше величество, я, Ваша верная жена и королева, назначила своей сводной сестре некоторый пенсион...» Милая Королева! Её добрый нрав и врождённое благородство признавали все. Она так старалась утешить свою несчастную сестру! Потом пришла весть о смерти его дорогой Королевы,

и только долг мужчины и полководца не позволил Королю впасть в отчаяние. А затем он стал получать письма от сестрицы, с которой прежде не был знаком.

«Дорогой брат! – писала она Королю ровным почерком, – Я очень опасаясь за жизни Ваших с моей незабвенной сестрой детей сейчас, когда они лишены материнской любви и защиты отца. Поэтому я отдала их от всех придворных, и поручила воспитание и уход за наследниками моим доверенным и приближенным людям. Принц и принцесса чувствуют себя хорошо, занимаются по утверждённому регламентом воспитания королевских наследников программам с лучшими педагогами и воспитателями. Ваша дочь показывает прекрасные результаты в учёбе. Ваш сын удивительный ребёнок, он растёт богатырём и выглядит значительно старше своих ровесников. Я очень надеюсь, что по возвращении Вы будете рады успехам Ваших замечательных детей».

Волнение Короля возрастало по мере приближения к дворцу, так не терпелось ему обнять малышей, которые два года росли в тепле и достатке, но без родителей! Наконец, после пышной церемонии встречи с музыкой, пальбой из пушек, которой он слышал так много за два года, овациями, криками «Ура!», корзинами цветов, после доклада наместника и приветствий челяди, Король поспешил к детям, наблюдавшим за праздником с балкона в тронном зале.

В гостиной детских покоев дворца, на бархатных вишнёвых подушках кресел с высокими резными спинками под ко-

ролевскими гербами, в пышных парадных платьях из золотой парчи с золотыми же кружевами сидели его дочь и сын. Позади кресел у розовой в зеленоватых прожилках мраморной стены стояла сестра Королевы, которую король узнал по глубокому трауру. Но дети! С первого взгляда они показались ему совсем чужими, он даже испугался этого ощущения. Девочка очень изменилась за два года, хорошо подросла, её золотистые волосы сильно потемнели, и глазки из синих стали карими. Король вспомнил – ему говорили, что так у детей бывает. А сынок вырос просто богатырём – в свои два года выглядел на все пять, хорошо говорил, был смуглым и черноглазым.

– Ваши королевские высочества, детки! Приветствуйте вашего отца, его величество Короля Лантаны Илию, – сказала княгиня Матильда. Дети нерешительно встали с кресел, но Король сгрёб их в объятия и прижал к своей груди. Сквозь слёзы, заставшие его взор, он увидел, как свояченица вытирает глаза кружевным платком с чёрной каймой.

С этого дня Король отдавал принцу и принцессе каждую свободную минуту. Он старался сам будить их по утрам, ласково называя по имени, глядя по тёмным волосам и тёплым со сна щёчкам. Завтракал и обедал вместе с ними, обязательно желал им доброй ночи и благословлял на ночь. И всегда находил время для игр и прогулок. Княгиня Матильда бывала во дворце ежедневно. Она баловала племянников вкусностями, и сама готовила для них соки и любимые лимона-

ды, частенько обедала, а иногда и ужинала во дворце. Король удвоил её пенсией – он был бесконечно благодарен ей за заботу о Королеве и детях, и всем сердцем сочувствовал в её страшной потере. Но что-то внутри него ставило непреодолимую преграду между ним и графиней Матильдой – может быть, исходящее от неё напряжение, которое ощутимо пробивалось сквозь её карие глаза и приветливую улыбку...

...Миша бегло взглянул в окно. С тех пор, как в Доме поселились детишки, вырванные домочадцами из лап работоторговцев, в нём зазвучали детские смех и возгласы, быстрые и лёгкие шаги во все стороны сразу, бесчисленные вопросы, а иногда и мимолётные слёзы, появляющиеся, как летние дожди, ниоткуда, и моментально исчезающие, не оставляя следов... Малыши сами определили себе места в комнатках Аграфены, и не отходили от девушки ни на минуту, обрушив на неё всю свою невостробованную сиротскую любовь. Вот и сейчас Гранечка сгребала опавшие за ночь на газон листья, а рядом с ней на качелях взлетал от земли к небу сдвоенный колокольчик детской радости. Чау бегала взад-вперёд за качелями и радостно лаяла, а дети визжали от восторга. Граня обещала им после того, как приберёт газон, отправиться в лес покормить белочек и оленей – корзинка с гостинцами для лесного зверья и бутербродами для Стэйси и Зорина уже стояла на крыльце.

Неделю назад он и Сима вернулись из Кантилены, куда были приглашены принцессой Алиной. Дело, в которое она

их посвятила, было в высшей степени необычным и деликатным.

– Я хотела бы обсудить с вами, благородные доны, некоторые обстоятельства, касающиеся нашей семьи. Думаю, я не должна говорить о том, что это сведения, составляющие государственную тайну!

Миша и Сима почтительно поклонились.

– Так вот. В то время, как я находилась – принцесса напрядлась, выговаривая эти слова, – в плену в замке Кардамона, в канцелярию Кантилены поступило письмо, которое не имел права прочесть никто, кроме меня. Оно пролежало нераспечатанным несколько месяцев, и только вчера у меня появилось время ознакомиться с его содержанием. – Принцесса провела рукой по лежащему перед ней листу бумаги. – Его прислала мне няня моего покойного кузена князя Елисея Ковриго. В нашей среде её считают членом семьи, и очень уважают. Не буду скрывать, я была потрясена, ознакомившись с содержанием письма. Дона Кара сообщает, что князь был отравлен, а его дети пропали из дворца! Есть ещё некоторые обстоятельства, о которых мы не говорим публично. Когда детям князя не было и года, он развёлся со своей женой. Его семейная жизнь была безрадостной и не сложилась с самого начала. Княгине было назначено солидное содержание, она сохранила титул и имя – именно для того, чтобы не предавать развод огласке. После развода дети остались с отцом. Согласно сложной системе наследования, в случае

смерти князя, его владения переходят княжеству Кантилена, а я становлюсь опекуном его детей. Разведённая жена князя сразу же потеряла все права на детей и княжение. Узнав о трагедии, случившейся в замке моего кузена, я немедленно отправила посольство в родовое палаччо княгини Ковриго – узнать, не у неё ли находятся близняшки, но там сказали, что княгиня уже два года живёт на материке, и о пропавших детях в замке ничего не известно... Такова вкратце печальная история. Мне бы хотелось, дон Миша, чтобы вы взяли на себя расследование всех обстоятельств этого дела – нам непременно надо найти моих любимых племянников Елизавету и Мартина. Принцесса Алина говорила, с трудом сдерживая слёзы.

– Я даю вам, дон Миша, любые полномочия, важно найти детей и привезти их сюда, в Кантилену! Страшно подумать, что сейчас может с ними происходить! Но ещё раз напоминаю, что дело это касается членов королевской семьи, и поэтому является совершенно секретным. Я разрешаю вам пригласить для консультаций и практической помощи дону Ди Ноеля – его богатый военный опыт может оказаться весьма полезным.

– Слушаюсь, ваше высочество! – коротко ответил Миша. – Я немедленно отправлюсь выполнять ваше поручение. О предпринятых шагах буду докладывать сразу же!

– А вас, дон Симон, я прошу оказывать дону Мише необходимую помощь. Я знаю, что вы и сами стали бы помогать

ему, но поскольку это дело очень личное, я считаю необходимым дать вам своё разрешение.

– Благодарю вас, ваше высочество, – наклонил голову Симма.

Миша откинулся в кресле и заложил руки за голову. Здесь нет ничего другого – после беседы с няней Елисея Ковриго, которая трогательно звала князя Лесиком, Мише надо было отправляться в дальний замок, где жила княгиня Ковриго. Вчера он согласовал свои дальнейшие действия с княгиней Алиной. Она распорядилась выдать ему, своему министру внутренних дел, несколько ковров различных размеров и замечательных тканей, кое-какую дорогую утварь – светильники там, ручные колокольчики, каминные приборы, пять обеденных и три чайных сервиза и большой ларец с украшениями. Миша собирался отправиться в палаччо княгини под видом заморского купца, поэтому его «товары» должны были привлечь внимание капризной и избалованной женщины.

Он направился в конюшню – готовить экипаж в дорогу.

Вчера днём он позвал в свою комнату Нину и Говорящую Собаку Чау.

– Девочки, мне нужна ваша помощь, – сказал он. – Без вас у меня ничего не получится! Ушки Чау поднялись столбиком, что означало крайнюю степень внимания. Нина вопросительно взглянула на него.

– А что делать надо, Миш? Ты же знаешь, я всегда готова, только объясни твою проблему и мои задачи!

– Миша, я тоже готова. Всегда! – Чау обожала приключения, но даже если никаких приключений не ожидалось, любое общее дело приносило ей массу новых впечатлений. Потом она подолгу делилась ими с Вороной и Кошечкой Олли...

Теперь все они были готовы тронуться в путь. Нина была одета по-дорожному, в маленьком сундучке у нее лежала пара строгих платьев, чепец и несколько белоснежных передников. Миша надел парик с небольшой косичкой сзади, наклеил очень правдоподобные усы и бороду, которые перед этим Нина красиво завила ему плойкой, обрядился в зелёные бархатные панталоны с серебряными застёжками под коленями, коричневый сюртук и коричневую же сорочку с серебряной оторочкой по манжетам и воротнику, на плечи накинул тёплую серую шерстяную накидку на клетчатой подкладке.

Короткое прощание с Домочадцами, и экипаж тронулся от ворот Дома...

Дорогой он перебирал в памяти разговор с няней князя Елисея. Дона Кара оказалась маленькой, сухенькой, пожилой дамой, в чёрном суконном платье и чепце с чёрными лентами. Она провела Мишу и Чау в свои небольшие комнаты, примыкающие к личным покоям покойного князя, и тут же стала рассказывать о тех страшных событиях.

– По заведённому много лет назад порядку, я сама каждый вечер часа за два перед сном подавала его высочеству кня-

зю Елисею чай в библиотеку. Из моих комнат есть прямой путь, он пролегает по короткому коридору к узкой лестнице, ведущей к дальним дверям библиотеки. Кроме меня этой лестницей никто не пользуется. В тот вечер я, как обычно, приготовила чай, поставила на поднос чайник, чашку, тарелочку с миндальным пирожным, и направилась в библиотеку. Но на ступенях лестницы вдруг поскользнулась и рухнула вниз, разлив чай и разбив старинный чайный прибор князя. Я помню, что очень расстроилась из-за дорогих чашки и чайника. На шум от моего падения Лесик, простите, князь Елисей, тут же вышел из библиотеки, помог мне сесть, срочно вызвал врача, который нашёл, что я сломала ногу. Меня на носилках понесли в комнаты, и тут выяснилось, что ступеньки, по которым я ежедневно спускалась в библиотеку, залиты маслом, и очень скользкие. Врач наложил мне на ногу шину, а новый чай приготовил и понёс князю один из слуг. Мне дали успокоительного лекарства, я уснула глубоким сном. А наутро стало известно, что князь ночью умер. К нашему ужасу выяснилось, что он был отравлен. Слугу, подававшего чай князю, нигде не нашли.

– А что-нибудь выяснить по поводу разлитого на ступенях масла удалось?

– Нет, в ту ночь мне было не до этого, а наутро, когда выяснилось, что мой дорогой мальчик умер, тем более стало не до этого! Да и ходить я ещё довольно долго не могла!

– Скажите, вы не знаете, были ли у князя враги?

– Не более, чем у любого человека. Во дворце не было чужих людей, подданные его любили.

– Но вы говорите, что тот, кто подал ему последний чай, исчез из дворца.

– Да! Это был единственный слуга из свиты княгини, который остался при дворе после её отъезда. Замечаний к нему не было, работал он аккуратно, и никто не предполагал, что он может совершить убийство!

– Как его звали, вы помните?

– Конечно, помню, память у меня пока хорошая! – немного обиделась дона Кара, – Его звали Кабашон, и он был не из дворян.

– А чем занимался при дворе?

– В основном обслуживал помещения – уборка, натирка полов, чистка ковров и gobеленов. Ну и ещё какие-то поручения выполнял, когда было необходимо. Работал он старательно, тут я ничего сказать не могу, мажордом на него не жаловался...

– Как вы думаете, дона Кара, почему он подавал чай князю в тот трагический вечер? Почему он, а не кто-то другой?

– Знаете, вокруг меня поднялась такая суматоха, а Кабашон тут же принялся убирать осколки посуды и сказал, чтобы никто не беспокоился, он сейчас немедленно подаст чай его высочеству... Хотя он не имел никакого права подавать чай князю! Но в тот момент никто не обратил на это внимания.

Няня проводила Мишу туда, где разыгрались эти события. Он внимательно осмотрел место происшествия и убедился, что случайно пролить масло на ступени, ведущие из комнат няни к библиотеке князя невозможно – ни масляных светильников, ни продуктовых кладовых, ни кухни поблизости не было. Значит, масло было разлито на ступенях специально для того, чтобы донна Кара не смогла в тот вечер подать чай князю Елисею. С этим вопросом Миша разобрался. Вернувшись в комнаты няни, они продолжили разговор.

– Пять лет назад, после года неудачного супружества князь развёлся со своей женой. Только для дорогой Принцессы Алины скажу, его женитьба оказалась крайне несчастливой. Жена попалась сварливая и невоспитанная – она совершенно не умела себя вести ни в обществе, ни в семейном кругу. После развода княгиня оставила Лесику чудесных годовалых близнецов. Детей она не любила и вообще не интересовалась ими с момента рождения! Да, она была не только плохой женой, но и самой скверной матерью... Я думаю, князь пытался как-то образумить её. Но она была очень свое нравна. После этого раз в полгода сюда за деньгами для княгини приезжало её доверенное лицо, и казначей выплачивал причитающиеся суммы... На этом всякое общение князя с княгиней прекратилось. А в детях он не чаял души, и только для того, чтобы у них не было мачехи, не женился вторично... Князь вёл дневник, пожалуйста, передайте его дорогой Алине, не хочется, чтобы его читали чужие люди. – Дона Ка-

ра налила новую чашку чая Мише и себе и протянула печенье Чау.

– Какая милая у вас собачка, дон Миша! Так тихо сидит, и такое впечатление, что внимательно слушает нас! Да! И ещё кое-что я должна вам рассказать. У князя хранилась драгоценная коллекция старинных музыкальных инструментов. Я не очень хорошо представляю себе, в чём заключалась её уникальность, но князь говорил, что эта коллекция древнейших времён, и она наделена волшебной силой. Мне больше ничего об этом неизвестно. Но лет пять назад князь пришёл ко мне сюда поздним вечером и передал мне лютню из этой коллекции и камертон. Он сказал надёжно спрятать их где-то среди моих вещей так, чтобы об этом не знал никто. Я и спрятала – лютню в шкафу среди моих перин, одеял и подушек, а камертон в этом сундуке с моим девичьим рукоделием и старыми памятными мне альбомами и коробками с лентами. Представьте себе, коллекция тоже исчезла, правда, я не могу с уверенностью сказать, что это произошло в ту же самую ночь... Рассказывая, она сновала по комнате, и выкладывала на стол сначала толстую тетрадь в вишнёвом кожаном переплёте с металлическими застёжками, а потом прелестную лютню, украшенную перламутровыми инкрустациями, поражающую совершенством сочетания строгих прямых линий и дивных округлостей. Последним она, покопавшись в сундуке, выложила на стол камертон, и Миша сразу понял, что он настраивает инструменты на совершенно необычный лад.

Впрочем, время подробнее рассмотреть и лютню, и камертон, было ещё впереди.

Теперь ему предстояло посмотреть замок княгини и узнать – вернулась ли она с материка...

... Король Илия уловил какое-то движение рядом и открыл глаза. У дерева, под которым он сидел в своих раздумьях и воспоминаниях, стояла девочка в тёплой коричневой юбке и жёлтом жакете и кормила с руки орехами белку. Они обе были так поглощены своим занятием, что даже не заметили его присутствия. Сценка была такой трогательной, что Король боялся шевельнуться, чтобы не нарушить идиллию. Наконец, последний орех был съеден, белка внимательно обследовала пустую ладонь малышки, приветливо махнула ей хвостом и стала подниматься наверх. «Кормилица» помахала ей рукой и звонко сказала: «Пока, Дуся! Не грусти, мы скоро придём ещё!» Затем она повернулась и увидела Короля.

– Здравствуйте, – девчушка подошла к нему поближе, – вы тоже пришли кормить зверюшек?

– Нет, я просто гуляю, – ответил Король и улыбнулся.

Девочка подошла к нему, протянула ладошку и погладила его бороду. Затем она присела на траву рядом с ним. Шнурок на её красном ботинке развязался, и она старательно складывала его в кривоватый бантик.

– Ты одна ходишь в лесу? – строго спросил он. Ему стало страшно за эту непосредственную девчонку.

– Нет, здесь же моя мама Гранечка и братишка. Вон они, у того камня оленёнка кормят морковкой.

Король взглянул и действительно увидел меж ветвей кустарника молодую женщину в клетчатой серой с бирюзовым юбке и бирюзовой кофточке. Возле неё стоял и угощал морковью сосредоточенного оленёнка мальчик лет трёх, пожалуй. В суконных синих штанах, курточке с большим белым воротником и аккуратно начищенных коричневых башмачках. Рядом на траве была сложена тёплая серо-белая клетчатая шаль, и стояла накрытая чистой полотняной салфеткой корзина.

– Мы пришли угостить наших лесных друзей. А ещё у нас с собой бутерброды и пирожки. Мама сказала, что сегодня будет пикник. Хотите пирожок? – спросила она, и, не дожидаясь ответа, побежала к корзине, откинула салфетку, и, вытащив два пирожка, вернулась к нему. – Вот, один с капустой, а другой – с картошкой и грибами. Угощайтесь!

– Спасибо, – ответил он и с удовольствием надкусил пирожок, – очень вкусно!

Мать девочки обернулась и увидела, что на поляне они не одни. Она подошла к Королю и сказала

– Добрый день, извините малышку, что нарушила ваше уединение. Но мы всегда тут с детьми навещаем наших лесных знакомых, и я вас сегодня не заметила, иначе мы отошли бы подальше...

– Не беспокойтесь, – ответил Король. – Это я зашёл в ва-

ши привычные места прогулок. Я сейчас уйду отсюда, меня заждались мои... – он чуть помедлил – мои друзья! Славные у вас детки! – Женщина улыбнулась в ответ. – Как тебя зовут? – спросил он девочку?

– Стэйси, – ответила она. – а моего брата зовут Зорин.

– Скажите, пожалуйста, какие, оказывается это распространённые на острове имена! А как зовут вашу маму?

– Меня зовут Аграфена, – ответила она.

– А меня Илия – представился Король. Он немного подумал, потом неожиданно для самого себя сказал Аграфене:

– Если я пришлю за вами экипаж, вы сможете приехать со Стэйси и Зорином ко мне в гости? Я хочу познакомить их со своими детьми. Они, правда, чуть постарше, но думаю, всем им будет неплохо пообщаться друг с другом. Мои дети мало общаются со сверстниками...

– А будет ли это удобно, благородный дон Илия? – спросила она.

– Я в этом уверен, – развеял он все сомнения, не только её, но и свои. И расспросив, где находится их дом, он назначил дату встречи, попрощался и возвратился к своим спутникам.

...Повозка Миши остановилась у ворот палаччо, в котором сейчас жила княгиня Ковриго. Миша попросил стражников узнать у княгини, не нужны ли ей деликатные заморские товары. Через некоторое время ворота тяжело раскрылись, и колёса его экипажа, подрагивая, покатались по мощённому булыжником двору. Миша, Нина и Чау, сопровож-

даемые слугами княгини Ковриго, вошли в комнату, где за широким столом лицом к двери сидела красивая женщина с каштановыми волосами и глазами цвета безлунной ночи. В кресле напротив, повернутом высокой спинкой к вошедшим, кто-то сидел. Миша видел носок мужского сапога. «Княгиня не одинока, однако», – подумал он. Челядь вместе с Мишей разложила на лавках, диване и полу привезённые товары. Ларец с драгоценностями Нина держала в руках. Княгиня подошла поближе и стала дотошно рассматривать всё. Она отобрала один ковёр – самый ценный, четыре рулона тканей – шёлк и парчу винно-красных, изумрудных и золотых цветов. Потом медленно перебрала украшения, надевая их и разглядывая себя в большом трёхстворчатом зеркале. Затем внимательно оглядела Нину и спросила:

– Это рабыня?

При этом вопросе из-за спинки кресла, в котором сидел невидимый Мише мужчина, появилась рука, поставившая на стол бокал с недопитым вином, а затем оттуда выглянул... выглянула... Миша едва не потерял дар речи – на стоящую с ним рядом Нину смотрела та самая женщина, у которой несколько месяцев назад Домочадцы отбили украденных и проданных в рабство детей. Женщина внимательно рассматривала Нину. Но они никогда не видели друг друга, а вот Мишу от разоблачения спас только хороший грим. «Интересные, однако, знакомые у княгини, – подумал он про себя. – Разбойник Кабашон, эта работорговка и похитительни-

ца детей! Всё становится очень и очень непросто... Но не могла же княгиня похитить и продать в рабство своих собственных детей?»

– Нет, ваше высочество, – собравшись, ответил Миша почтительно. – Она свободная женщина. Она известная кули-нарка, я везу её на материк к одному вельможе, ему нужна хорошая повариха, он выбрал и пригласил именно её. А я взялся доставить девушку в его поместье.

– А сколько времени ты ещё пробудешь на острове?

– Месяц-другой, пожалуй – пока не распродам свой товар.

– Послушай, девушка! Может быть, ты согласишься поработать это время у меня? – спросила княгиня Нину. – Мне срочно нужна кухарка. Я как раз сегодня рассчитала свою стряпуху – нерасторопная была совсем. Чем тебе ездить с этим купцом по любой погоде и ночевать, где придётся, поживи у меня, пока он не закончит свою торговлю, а потом заберёт тебя, и вместе поедете на материк. Ты подзаработаешь, и я за это время найду себе постоянную кухарку.

– Даже не знаю, что и сказать, ваше высочество, – ответила ей Нина, стараясь выглядеть нерешительной. – Это очень неожиданное предложение. Хотя мне действительно тяжело столько времени трястись в дороге и мечтать поскорее добраться до постоянного двора. А можно мне оставить при себе мою собаку? Я и на материк решила поехать работать только при этом условии, и вельможа моё условие принял. Она воспитанная, послушная, места много не занимает.

– Хорошо! Пусть остаётся и твоя собака! Только, чтобы по ночам никакого лая во дворце!

– Ну, чтож, ваше высочество! Тогда я свой сундучок принесу, и пусть мне покажут, где у вас кухня.

Княгиня была в этот вечер в хорошем настроении, и даже разрешила Мише заночевать в сторожке охраны при въезде в замок, чтобы не ехать в ночь с деньгами и товарами. Нина же, надев один из своих белоснежных фартуков, хлопотала в кухне, настраивая замечательный ужин. Чау прошлась по коридорам, но ни детских голосов, ни игрушек – ничего, что указывало бы на присутствие в замке детей, не обнаружила...

Нина сама подавала своюстряпню – княгиня потребовала, чтобы она в присутствии хозяйки пробовала каждое из приготовленных блюд. Чау тихо вошла за ней в трапезную и незамеченной улеглась между стеной и спинкой высокого кресла. Наконец, княгиня отпустила Нину.

– Как тебе её ужин? – спросила она свою управительницу, разделившую княжескую вечерю.

– Очень недурно, очень... Думаю, при дворе короля готовят не лучше. – Они рассмеялись.

– Там тоже готовят неплохо. Но эта кухарка удачно подвернулась. Если король нанесёт визит к нам – а я думаю, нанесёт, и в самое ближайшее время – будет, чем его порадовать.

– Завтра ты должна напоить его моими каплями. Вот,

возьми. Не перепутай – это, с розовой крышкой, для детей, послабее, а этот флакон, с синей пробкой, специально для короля. Пора ускорить процесс, он слишком независим, мне уже надоело ждать, когда мы заменим короля королевой!

– А мне-то как надоело! И давно пора нарядиться во всё возможное великолепие! Завтра же вызови портных, пусть начнут шить из тех тканей, что я купила сегодня у этого купца! Да поскорее!

– Конечно, моя королева! А завтра на дороге его встретят наши ребята, и все остальные товары доставят тебе бесплатно... И за кухаркой он уже не вернётся, останется она работать у тебя до тех пор, пока будет нас устраивать. – И управительница княгини залилась протяжным смехом. Затем она достала трубку и с удовольствием закурила.

Шерсть Чау встала дыбом. Мише угрожает смертельная опасность! И такая же опасность угрожает Королю! Она еле сдерживалась, чтобы не броситься в сторожку к Мише. Но её могли заметить! Собачка затаила дыхание. Через некоторое время, показавшееся ей вечностью, княгиня и её задушевная управительница вышли из трапезной, прислуга начала убирать со стола, и Чаушка побежала к Мише. Миша выслушал её очень серьёзно. Затем велел возвращаться к Нине, спокойно ложиться спать, а завтра, когда княгиня покинет свой замок, им обоим тихо уйти, вызвать Жабля и возвращаться в Глиняный Дом. А его на дороге поджидают Ди Нель и Сима. Они предполагали подобное развитие событий,

ведь Миша один перевозит очень дорогие товары. Так что для тех, кто завтра нападёт на него, уже готов весьма неприятный сюрприз.

...Аграфена с детьми вошла под своды королевского дворца. Она была поражена, когда узнала, что приветливый мужчина, встреченный ими в лесу, который шутил с детьми и ел пирожки с капустой, оказался могущественным королём Лантаны Илией. И он действительно прислал за ними карету с королевскими гербами в тот день и час, который они назначили на поляне. Она очень волновалась, а Зорин крепко уцепился за её руку. На удивление, Стэйси шагала уверенно по коридорам и лестницам следом за мажордомом. В гостиной покоев принца и принцессы их ласково встретил Король. Он подвёл к ним своих детей и представил: принцесса Стэйси и наследный принц Зорин! Гранечка тихо ахнула, и Король Илия улыбнулся:

– Я же не случайно сказал вам, что эти имена оказались очень распространёнными на острове! Моих и ваших детей зовут одинаково! Поэтому я и решил их познакомить и подружить, надеюсь, это будет полезно для всех! Проходите в игровые комнаты, дети! – и он повёл их всех за собой.

Граня обратила внимание, что вместе с Королём и его детьми идёт красивая женщина в траурном платье. Король представил её:

– Моя свояченица княгиня Калаччо. Моя гостья достойная Аграфена. Дамы присели в приветствии. Княгиня

пошла впереди, приглашая Гранечку следовать за ней. Краем глаза Граня заметила какую-то фигуру, скрывающуюся за ширмой. Они вошли в просторную игровую. Вдруг Стэйси, которая оказалась впереди всех, указала на большие напольные часы и сказала:

– Сейчас они начнут играть музыку, и вот отсюда выйдет девочка с лейкой, и перейдёт сюда, а потом наклонит лейку, и вот здесь начнут расти цветочки!

– Ты где-то видела похожие часы, милая? – спросил Король.

– Да, здесь! Эти часы! – ответила девочка. Король улыбнулся и погладил её по волосам.

А Стэйси между тем продолжала:

– А за этой дверью балкон, и с него можно войти в мою комнату и комнату Зорина!

– Действительно, там большой балкон, и на него выходят комнаты принца и принцессы. А ты откуда это знаешь? Ты уже была здесь?

– Ваше величество, завтрак подан, – возвестил в этот момент мажордом.

– Идёмте к столу, – сказал Илия, – наши гости с дороги, и самое время подкрепиться, а для игр у нас ещё целый день впереди!

Только они все уселись за столом, церемониймейстер подошёл к королю и наклонившись, что-то тихо сообщил ему. Король кивнул головой и сказал:

– Проси немедленно! – Двери в столовую распахнулись, и церемониймейстер провозгласил:

– Её высочество принцесса Алина Кантилена!

Раздался звон опрокинутого бокала – княгиня Калаччо сделала неловкое движение рукой. В зал вошла принцесса. Король встал, приветствуя гостью, вместе с ним поднялись со своих мест все, присутствующие за завтраком.

– Простите мне мой приезд без приглашения, ваше величество! – Алина склонилась в глубоком поклоне. – Дела государственной важности заставили меня нарушить этикет! До сего дня я никогда не была при дворе вашего величества, но сейчас потребовалось безотлагательно просить вашей аудиенции!

Король сделал одобряющий знак рукой, и принцесса поднялась и взглянула на него. В этот момент из-за стола выскочили наследный принц и принцесса и бросились к ней. «Тётя! Тётушка!» – наперебой кричали они и теребили Алину, и целовали её. «Мартин! Елизавета! Я повсюду ищу вас! Как вы здесь оказались?» – Алина расплакалась, она крепко прижала к себе детей короля. «Что такое? Что происходит? Стэйси, Зорин! Ваши высочества! Дети, что с вами?» – спрашивал король. Гранечка на всякий случай встала за стульями, на которых сидели её Стэйси и Зорин и взяла их за руки – в столовой происходило нечто, чего она не могла понять. Княгиня Калаччо между тем потихоньку направилась к дверям.

– Стойте, графиня! – вдруг властным голосом воскликнула Алина. – объясните мне, как мои племянники попали во дворец короля Лантаны Илии?

– Какие племянники? Какие ваши племянники в моём дворце? – спросил её король.

– Вот эти мои племянники, Елизавета и Мартин! – Алина обхватила детей за плечи. – Их опекуном после смерти отца, князя Ковриго, являюсь я! Но они были похищены из дворца князя, и я уже несколько месяцев ищу их днём и ночью!

– Это мои дети, наследный принц Зорин и принцесса Стэйси! – Король говорил уже с нескрываемым раздражением. – Княгиня Калаччо, да скажите же вы что-нибудь, наконец!

– Ваше величество, простите мой вопрос, как вы назвали эту женщину?

– Это вдовствующая княгиня Калаччо! Моя свояченица! – сказал Король.

– Это разведённая княгиня Ковриго, графиня Калаччо, которая живёт сейчас в палаччо Калаччо, родовом замке её отца-графа, отчима супруги вашего королевского величества.

У вас при дворе она называет себя своим девичьим именем и княжеским титулом. – возразила принцесса Алина. – Она не вдова! Мой покойный брат развёлся с ней пять лет назад и... Обо всём остальном я хотела бы говорить с вами в отсутствии детей!

– Вы правы, мои дети не должны слушать эти странные разговоры! А вы, княгиня... графиня... как вас там... задержитесь пока здесь!

Король немедленно вызвал к себе первого министра и министра обороны и распорядился сопроводить наследников в свой кабинет и никого туда не впускать, пока он сам не придёт за ними. И принцесса Алина рассказала ему то, что нам уже известно о трагической смерти князя Ковриго и исчезновении его наследников – близнецов Елизаветы и Мартина. В крайнем волнении Король поднёс к губам бокал вина, который был наполнен как раз перед приходом Алины Кантилены, но принцесса бросилась к нему, и прежде, чем охрана государя успела остановить её, толкнула его руку так, что всё вино выплеснулось на королевский камзол.

– Вы в своём уме, принцесса? – повысил голос Илия?

– Ваше Величество! Я приехала к сюда только потому, что хотела предупредить – сегодня графиня Калаччо попытается вас отравить! Но, увидев Елизавету и Мартина, забыла обо всём на свете. Дело в том, что в поисках моих племянников я провела расследование, и вчера в палаччо Калаччо мои люди смогли узнать: сегодня графиня начнёт добавлять яд в вашу пищу, чтобы достаточно быстро овдоветь после того, как вы женитесь на ней и сделаете её королевой. Более того, таким же ядом она отравила и вашу супругу!

Король медленно опустился на стул. Такое обилие совершенно невероятных сведений перевернуло весь его привыч-

ный мир – дети, которым он отдал свою любовь, оказались чужими! Женщина, которую он считал самым близким другом, оказалась злейшим врагом! Вместо сладкого вина в бокале затаилась смерть...

– Где мои дети, графиня Калаччо? Отвечайте немедленно, куда вы их дели?

Острая улыбка отразилась на губах графини Матильды. «Вот этого вы никогда не узнаете, – сказала она, – даже, если ответ будет у вас перед глазами! Я ненавидела свою сводную сестру – мой отец женился на её овдовевшей матери, когда мне было четырнадцать, а ей двенадцать лет. И с того времени все восхищались ею, её кротким нравом, приветливостью, добротой. И даже мой отец постоянно приводил её мне в пример. Но то, что она стала королевой, тогда как я всего лишь княгиней, заставило меня, наконец, вычеркнуть её из своей жизни. Я больше не могла позволять ей возвышаться надо мной. И её дети никогда не будут на королевском престоле, не надейтесь на это!»

– Стража! Отведите графиню Калаччо в темницу! Мы продолжим эту беседу позже! – Стражники обступили свояченицу короля.

– Ипсель! Ипсель! На помощь! – закричала вдруг графиня, и тотчас из-за ширмы бросилась к ней её управительница. Одним прыжком она схватила Стэйси и занесла над ней нож.

– Отпустите графиню и дайте нам уехать из дворца, – низ-

ким, дрожащим от ненависти голосом, сказала она.

– Мама! – позвала Гранечку на помощь Стэйси.

Гранечка бросилась на Ипсель и повисла на её занесённой руке с ножом. Ипсель легко могла справиться с любым мужчиной, но силы Гранечки, сражающейся за дитя, были непреодолимы. Ипсель пришлось выпустить Стэйси, чтобы отбиваться от Аграфены двумя руками. Девочка бросилась к Королю, и он подхватил её на руки. Стражники с великим трудом оторвали Ипсель и Гранечку друг от друга и отняли у защитницы графини Калаччо нож.

– Уведите! – коротко бросил Илия страже. – А сейчас пойдёмте к вашим племянникам, они уже заждались и вас, и меня в кабинете с моими министрами!

Король сделал приглашающий жест рукой, и принцесса Алина последовала за ним. Стэйси увязалась за Илией. Двери в кабинет распахнулись, и Мартин и Елизавета снова повисли на своей тётушке. А Стэйси подошла к большому фамильному портрету королевской семьи, висевшему на стене, и указывая рукой, перечислила:

– Это папа, это мама, это собачка Агата, а это я. – при этом рукав её платья сполз к локтю, и все увидели у неё на запястье шоколадное пятнышко в виде трилистника. У короля перехватило дыхание, и закружилась голова.

– Что это у тебя? Откуда? – спрашивал он, держа девочку за руки.

– Это пятнышко родимое. У моего брата Зорина тоже есть

такое...

Король поспешил к Аграфене, не выпуская руки Стэйси. «Откуда у вашей дочери это пятнышко на руке?» – почти кричал он. Тут же он схватил руки Зорина и начал осматривать его запястья.

– Есть! И у него такое же есть! Скажите мне, почему ваших детей зовут, как и моих, и откуда у них эти родимые пятна?

– Ваше величество, мне не хотелось бы говорить об этом при детях, – ответила Аграфена, и король снова распорядился министрам сопроводить детей в кабинет, и оставаться там, пока он сам за ними не придёт. И тогда Граня рассказала королю о том, как Стэйси и Зорин попали в Глиняный Дом. Принцесса Алина плакала навзрыд. Король старался унять сердцебиение и дрожь в руках.

– Я защищал страну, а мои беззащитные дети в это время оказались в горниле такого сражения! Они непременно погибли бы, если бы не ваше искреннее сердце и не ваши замечательные друзья, донна Аграфена! – Король встал, встали все, кто находился в столовой. Он подошёл к Гранечке, преклонил колени и поцеловал её руку. Все замерли...

История десятая

Короткий день сегодня заглядывал в окна Дома и становился теплее...

Золотая осень потихоньку перетекла в серебряное предзимье. Наступил канун встречи Звезды Надежды. В то время, как Дом тщательно мыли, чистили и прибирали, Бабушка Лина начинала творить тесто для волшебной выпечки. Над широкой фаянсовой чашей размеренно встряхивалось большое сито с тонкой мукой, мучной дождь оседал и поднимался со дна чаши островерхим снежным пиком, яркие солнышки яичных желтков падали в тяжёлую струю густого молока, окрашивая его в янтарный цвет, кристаллы сахара таяли, как снежинки, упругие капли изюма застывали в пышном сладком сугробе, а в отдельной кастрюльке густела белая шоколадная глазурь, чтобы покрыть зимними шапками уже готовые маленькие праздники. Деревянные лопатки и венчики сновали в крепких руках Лины... Вокруг неё тесто зарождалось, всходило и отправлялось в печь. В одной чашке она его месила, другая стояла в тепле, и в ней шёл процесс созревания, в третьей тесто уже поднялось, и надо было не упустить момент, чтобы его обмять... Горячая печь готовилась отдать свой жар ароматным сдобным кусочкам. Дом обволакивал бархатный запах ванили...

В дни, когда на кухне создавались Особые Кексы, Бабуш-

ка Лина не допускала туда никого. Даже Лукерья оставалась одна-одинёшенька в комнате. Впрочем, она говорила всем, что это время очень благодатно для размышлений над будущими мемуарами – и все ей верили!

Дедушка Бертик к тому времени, как из печи выходили первые противни с волшебной выпечкой, уже стоял у двери – начинался самый ответственный момент Дня Встречи Звезды. Во дворе, закреплённый на толстых канатах, слегка покачивался огромный воздушный шар в вишнёво-синюю полосу. Бертик переносил противни в гондолу шара, потом поднимался в неё сам, мгновение – и шар медленно воспарял в прохладное небо. Он летел над Лоскутным Одеялом по воле ветра, и Бертик по одному опускал за борт гондолы ещё тёплые кексы. Некоторое время они двигались за шаром этой кексовой гирляндой. А потом по одному начинали спуск на землю. Какие-то из них опускались на крылечки или подоконники готовящихся к празднику домов, другие попадали в кормушки для птиц или ясли в стойлах домашних животных – на радость всем в день Встречи Звезды.

Но несколько кексов опускаясь, увеличивались и увеличивались в размерах, и превращались в уютные жёлтые домики под белыми крышами. Они сами решали, где им надо встать – на перепутье, или на побережье, или на свободных участках земли в стороне от дороги. Они становились пристанищем для тех, кто в пути, для тех, у кого нет дома, для тех, кому не с кем встретить Звезду Надежды. На наш взгляд,

они вырастали даже где попало, потому что как знать, в каком именно месте сейчас больше всего одиноких, бездомных, или находящихся в далёком путешествии людей? Внутри они были полны тёплого света и ароматов ванили. В этих домиках было всё необходимое для жизни и запасы продовольствия на всё время до сбора нового урожая. Но главное – инструменты для самых разнообразных ремёсел, чтобы тот, кто встречает Звезду с надеждой в сердце, мог работать в радости... Для тех же, кто не нёс в себе добра, кого в путь повело злое сердце, Кексовый домик тоже раскрывал свою дверь, но только как убежище от холода и голода – по истечении нескольких дней домик высыхал и рассыпался в мелкую крошку, и птицы вскоре растаскивали эти сладкие воспоминания о празднике...

Наконец, когда все оставшиеся в Доме кексы было испечены и разложены на многочисленных подносах и блюдах, наступал вечер встречи Звезды. В назначенное время празднично одетые домочадцы собирались в той комнате, которая в этот день была самой большой, за столом, убранном с особым тщанием. Повсюду висели колокольчики и гирлянды из еловых ветвей и листьев пуансеттии – ярко-красных, белых и бежевых. Еловые шишки, присыпанные искусственным снегом и украшенные лентами, висели даже на спинках стульев. И у каждого из домочадцев была заранее приготовлена корзина с подарками для всех, кого сегодня соберёт под своей крышей Дом, встречающий Звезду.

Бабушка Лина в этот вечер надевала совсем другой наряд, чем во все прочие дни года. На голове у неё красовался чепец, плотно и гладко охватывающий лоб и темя, и густо присборенный на затылке. Сзади чепец оканчивался тройной оборкой с серебряным кружевом понизу, а над оборками размещался большой плоский бант из широкой белой атласной ленты. Голубой лиф из переливающейся тафты надевался на кофточку с венецианским кружевом. Белоснежные кружева выглядывали из-под объёмных тафтовых рукавов. Широкая юбка бирюзового цвета хрустела при каждом движении. Да, Лина выглядела очень торжественно! Дедушка Бертик в эти вечера всегда восторгался, встретив её у праздничного стола – каждый раз, как будто видел её впервые! Да и сам он по такому случаю надевал новую сорочку из серого шёлка, расшитого узорами из серебряной тесьмы, велюровые серые штаны и жилет – с лазурной спинкой хорошей шерсти и шёлковым передом в серебряную и золотую полоску. Понизу жилета на коротких шнурах были подвешены золотые монетки. А пуговицы! Какие же чудные пуговицы были у этого жилета: из синего стекла сложной огранки, они отражали лучи света и сверкали, как бриллиантовые! Сказать по правде, Дедушка Бертик и этим жилетом очень гордился, но тщательно скрывал от окружающих, опасаясь прослыть легкомысленным.

Сегодня Дом собрал много гостей. В гостиной раскладывала свои подарки Гала, Дизайнер уютов и красот, Гоша

оживлённо ей что-то рассказывал. В креслах и на диванах сидели родители Ноли, Ляли, Лёли и Лёлика, а сами дети, и их братья и сёстры окружили принцессу Стэйси и наследного принца Зорина, и шумно обменивались сувенирами. Тут же находились Елизавета и Мартин, племянники принцессы Алины, которые приехали с доной Карой. Сима, Миша и Ди Ноель делали загадочный вид возле своих корзинок с подарками – они намеревались раздать их позже, когда соберутся все, и Звезда взойдёт. Аграфена с удовольствием осматривалась в Доме. С того момента, как Стэйси и Зорин оказались во дворце, она мало бывала здесь: Зорин уцепился за неё и горько рыдал, когда она стала собираться домой, и Стэйси расплакалась. Поэтому Король Илия настойчиво попросил её остаться хотя бы на несколько дней, пока дети привыкнут к новой обстановке. Но для Зорина всё добро и тепло жизни было сосредоточено в Гранечке – до её появления он не был нужен никому, кроме малышки Стэйси. Поэтому он не мог расстаться с мамой Граней ни на минуту, более близкого человека для него не существовало. И Король распорядился построить для Аграфены отдельный дом на территории парка, чтобы не стеснять её рамками строгого дворцового этикета и распорядка. Дети короля весь день проводили с ней.

В этом замечательном шуме только Говорящая Собака Чау расслышала тонкое позвякивание за входной дверью. Она позвала Бабушку Лину, Лина открыла, и увидела зависшего над крыльцом улыбающегося Жабля – колокольчик на

его шапочке негромко сигналил. А на ступеньках стояла испуганная Жар-Птица.

– Меня Нина прислала, – еле слышно сказала она.

– Входи, входи, милая, в добрый час гость в доме! – Бабушка Лина впустила Синюю Птицу в Дом, где её тут же окружили восторженные ребяташки. А для Жабля Лина вынесла большую кисть сладкого винограда – праздник на пороге, все должны радоваться! Жабль заложил виноград за щёку, приветственно качнулся вверх-вниз, наподобие пресс-папье, и улетел.

...Русоволосая красавица Нина наполняла пространство стремительным движением, широкой песней и таким ярким танцем, что даже Дом откликался ей хлопанием форточек, тонкими подголосками открывающихся дверей и деревянной дробью ступенек. Она была известной на Острове плясовицей, а уж пела так – все вокруг замирали. Радовать окружающих было для неё образом жизни и потребностью – она учила танцам и пению детишек в школе, а с осени до весны к ней на уроки приходили и взрослые Островитяне, освободившиеся от работ на земле. Какие праздники устраивала она для ребяташек в детских садах! Сама шила им костюмы снегурочек и медвежат, дрессировала несознательных кошек, и они выступали перед детьми, как тигры в цирке. Нина проводила танцевальные вечера в городах и посёлках Лоскутных Долин, и часто давала большие концерты, собрав лучших танцовщиц Дрейфующего Острова. Сегодня

ближе к вечеру у неё было назначено выступление в замке на побережье, который не так давно выкупил новый хозяин, капитан Марино Марини. Шестнадцать танцовщиц, четыре музыканта, костюмер и сама Нина на нескольких повозках прибыли к воротам замка в точно назначенное время. Капитан встретил их весьма радушно – вышел к обозу, помог Нине спуститься и, предложив руку, повёл во внутренние помещения. Он был хорош собой – широкоплечий, загорелый, с густыми чёрными волосами, глубоко посаженными карими глазами и пышными усами. Весь его облик свидетельствовал о том, что он в недавнем прошлом был моряком – даже в костюме были видны элементы формы морского офицера. Тёмно-синий камзол с золотыми галунами, широкие отвороты рукавов, сапоги грубой кожи – ах, Марино Марини был весьма привлекателен и наряден!

Нина осмотрела помещение, где им предстояло через час танцевать, представила себе, как будет строиться рисунок танцев, выход девушек и их уход со сцены. Улыбнувшись капитану, она пошла в помещения, отведённые для переодевания, чтобы дать плясуньям последние наставления перед концертом и самой подготовиться к выступлению. Идя по коридору, спускаясь по лестнице в помещения подвального этажа, она представляла себе, как сегодня заставит сердце капитана биться чаще, когда сначала запоёт, а потом закружится в жарком танце – и это ей понравилось. Скорее всего, она где-то не там свернула, потому что в тёмном коридоре

доре, по которому Нина шла, улыбаясь мыслям о Марино Марини, нигде не было слышно пересмешек и переклички её подруг. Наконец, обогнув нагромождение каких-то бочек и ящичков, она уткнулась в тупик. Перед ней была тяжёлая дверь с небольшим зарешеченным окошком. На тёмном каменном полу, в щели между двумя плитами что-то тускло блеснуло. Нагнулась и подняла янтарную подвеску – из тех, какими украшают серебряные браслеты или тяжёлые нагрудные цепи. Рассматривая её, Нина повернулась, чтобы отправиться на поиски комнат, где готовились к выходу на сцену её танцовщицы, но любопытство оказалось сильнее: она приподнялась на цыпочки и заглянула в окошко на двери. Ничего интересного там не было. В углу маленькой комнаты, скорее даже чулана или кладовой, сидела просто одетая девушка и смотрела прямо на неё. Нине стало очень неловко – она заглянула в чужое окно.

– Простите, пожалуйста! – сказала она, – Я нечаянно сюда попала. Я заблудилась, кажется. Девушка не ответила ей, и Нина, резко отпрянув от двери, направилась обратно. Но через мгновение поняла, что девушка грустна и несвободна – и это сегодня, когда все готовятся встретить Звезду! Она прильнула к окну.

– Вы наказаны? Хотите, я попрошу хозяина замка простить вас ради праздника?

– Я не знаю, кто здесь хозяин, – прозвучал тихий ответ. – Я давно здесь, и не знаю, выпустят ли меня когда-нибудь.

– Вы провинились? Не грустите, в такой день капитан не может не простить вас! Я сейчас же пойду к нему!

– А кто это – капитан?

– Ну, Марино Марини же, вы что, не знаете его?

– Нет, я его никогда не видела, и не знаю, кто это... Меня привезли и заперли здесь люди княгини Ковриго... Я здесь давно, уже несколько месяцев, и даже не знаю, почему...

– Не в первый уже раз слышу я имя этой княгини, и всегда в связи с чем-то страшным! Вот змеевидная собака какая (это было любимое ругательство Нины, хотя в присутствии собачки Чау она никогда так вольно не выражалась)! Но сегодня день Встречи Звезды! Послушайте, я вызволю вас, нельзя в такой день грустить! Скажите, вы знаете, что это? – Нина показала девушке найденную перед дверью подвеску.

– Похоже, это с цепочки Мохера, одного из людей княгини, кажется. Сегодня он приносил мне еду, и на нём была цепь с такими украшениями...

– У меня нет больше ни минуты. – сказала Нина. – Сейчас у нас начнётся большой концерт. Но перед его концом я вернусь за вами. Будьте готовы, ждите Звезду с надеждой в сердце! – с этими словами она побежала назад по тому пути, каким шла сюда, внимательно запоминая все повороты. Вскоре она услышала смех и обрывки шутливых фраз своих подруг и вошла в комнату, где танцовщицы готовились к выступлению. Торопливо переодеваясь, Нина сказала им,

чтобы были внимательны – она может внести изменения в танцевальную сюиту в самом конце, чтобы всё прошло без сучка и задоринки! Девушки одобрительно зашумели. Нина была спокойна – они настоящие артистки, всё оттанцуют, как надо...

Она сама открывала концерт, и от её песни у всех, сидящих за большими столами внизу перед сценой, загорелись глаза и расправились плечи. А она, между тем, прошла перед ними дробным шагом, взмахнула рукой, и из-за занавеса с двух сторон потёк ручей белых шёлковых сарафанов, взметнулась пена кисейных рукавов... Нина в это время спустилась к зрителям, и лебедью поплыла между столами. Возле некоторых гостей делала несколько вращений, отчего её юбки спиралью оборачивались вокруг ног, и задерживалась чуть дольше, окидывая долгим взглядом, заставляя одних гордиться, а других – сожалеть, что не возле них прошуршал и прозвенел её наряд с бубенчиками по подолу. В самом конце зала за дальним столом, наконец, нашла того, ради которого совершила этот спуск со сцены – на чёрном сукне камзола мужчины с колючим взглядом красовалась узорчатая серебряная цепь с янтарными вставками и резными подвесками в форме капель. Одна отсутствовала – точно такая же лежала в кармане Нины... Сделав красивый поворот, она медленно возвратилась на сцену. Дальше концерт продолжался в привычном русле – пляски дополняли её пение, ритм, движения и костюмы менялись, словно кар-

тинки в калейдоскопе... Во время переодевания после первого отделения, Нина сказала подругам спуститься в зал и поднять всех мужчин из-за столов для общего танца – они это делали почти на каждом концерте, и всегда зрители пускались в пляс с большим удовольствием. Она пела на сцене, а в зале разливалось плясовое половодье... Наконец, спустилась к танцующим. Сделав два поворота, выбирала партнёра, обхватив его за талию, делала ещё пару танцующих шагов, и переходила к другому гостю. Так, в шумной пляшущей толпе она подошла к тому, чья янтарная подвеска осталась сегодня возле двери в тупике подвала. Нина обхватила его правой рукой, взмахнула левой, затем закружила его неожиданно быстро, и правой рукой скользнула в карман камзола. Пусто! Она резко сменила направление вращения и обвила его левой рукой. Эта рука ухватила в кармане Мохера – теперь Нина знала, как его зовут! – большой ключ. Скрыв ключ шёлковым алым платком, Нина легко отпустила своего кавалера и совершила ещё два вращения теперь уже одна, а затем легко пробежала между танцующими и вернулась на сцену. Её красные юбки с широкими оливкового и золотого цветов полосами понизу полыхали, длинные рукава взлетали огненными языками, расшитая камнями золотая шапочка переливалась в свете тысяч свечей – от неё было невозможно оторвать взгляда. Где-то далеко остался капитан Марини – все мысли Нины были сосредоточены на пленнице из подвала. Плясуньи поднялись на сцену, совершили общий по-

клон и вместе с ней ушли со сцены. Быстрое переодевание, и вот-вот должна была начаться большая танцевальная сюита, по времени продолжающаяся около двадцати минут. «Девушки, внимание! – сказала Нина. – К концу сюиты я выведу ещё одну танцовщицу. Она ничего не умеет, но должна быть на сцене с нами. Танцуем все вокруг неё и вместе уходим. Понятно?» Раздались первые аккорды, и девушки выплыли на сцену. За время этого танца им надо было трижды сменить костюмы. А Нине предстояло сделать невозможное. Она бросилась по коридору, сжимая в одной руке заветный ключ и каштановый парик, а в другой – сине-зелёную юбку с длинным шлейфом в виде павлиньего хвоста, синюю с золотом кофту и шапочку в виде павлиньей головы с клювом, закрывающую всю верхнюю часть лица. Уверенной рукой распахнула дверь темницы и велела девушке переодеться. У пленницы так тряслись руки, что Нине пришлось самой переодеть её и укрепить на голове шапочку с венчиком из павлиньих перьев. Потом свёрнутое одеяло нарядила в скинутые девушкой юбку и рубашку, уложила сверху получившегося чучела парик, за руку вытащила её в коридор, закрыла дверь на ключ и бросила его через окошко внутрь опустевшей каморки.

– Чем позже они поймут, что тебя здесь нет, тем дальше мы успеем уйти отсюда, – объяснила она дрожащей от страха незнакомке.

Далее они вдвоём побежали в костюмерную. Но оставить

девушку здесь одну Нина не решилась – вдруг кто-то из слуг увидит её! Другого выхода не было: она должна вывести пленницу на сцену, там узнать её не сможет никто! А на сцене между тем расцветали весенние узоры девичьего хоровода. В руках девушек летели изумрудные платки и ленты, поднимались кверху цветущие ветви. Девушки уже переменяли третий наряд, и сюита завершалась. Нина крепко взяла девушку за руку: «Ты птица! Разведи руки, как крылья! Мы выходим на сцену!» Девушка в ужасе посмотрела на неё: «Я не могу! Я не умею! Я боюсь!»

– Вперёд! – приказала Нина. – Ничего не бойся, я с тобой! – с этими словами она вытолкнула девушку на сцену. Та неловко раскинула руки, но Нина, проплыв вокруг неё, красиво поставила ей сначала одно «крыло», потом другое. Со стороны это выглядело естественной мыслью танца – оживление Жар-Птицы Весной. Сама она была одета в костюм Весны – сверкающий переливами голубого, бело-розового и нежно-зелёного, с венком яблоневых цветков поверх фаты небесного цвета. Снова над залом расплескался переполняющий её голос, и слушатели в который раз за эти два часа почувствовали, как он вливается в их сердца... А плясуньи оплели плотным кольцом горящую синим огнём застывшую птицу, не давая ей упасть от страха. Потом они сомкнули круг и, обхватив друг друга за талию, плотной группой утанцевали за кулисы. Вышли на поклон – раз, другой, третий! Нина впереди всех. Девушка, еле живая от пережитого, вце-

пилась в занавес. Наконец последний общий поклон, и танцовщицы буквально вынесли её со сцены...

Через несколько минут Нина и её подруги, не переодев сценических костюмов, уселись в повозки, и их поезд тронулся в обратный путь. Гости капитана, да и сам он, высыпали во двор, с сожалением прощаясь с праздником. Девушки улыбались поставленными раз и навсегда улыбками, только синяя птица, сидящая в глубине, была крайне серьёзна, но шапочка с хохолком и веер, который предусмотрительно дала ей Нина, полностью скрывали её лицо... Как только замок спрятали из виду стоящие вдоль дороги деревья, Нина вызвала Жабля. Синюю птицу пересадили на него, и он моментально растаял в прозрачном небе. Оказалось, это было как нельзя более кстати! Очень скоро их нагнала кавалькада всадников. Впереди всех был Марино Марини.

– Прошу прощения! – он коснулся своей шляпы. – Мой новый управляющий уверил нас, что вы случайно захватили с собой одну из его служанок. Мне хотелось бы знать, так ли это?

Нина высокомерно вздёрнула голову:

– Мы все перед вами, капитан!

Тот, чья серебряная подвеска янтарной каплей до сих пор лежала в кармане Нины, медленно проехал вдоль повозок с танцовщицами, заглядывая в лицо каждой. Девушки с недоумением смотрели на него. Повторив это дважды, он поравнялся с капитаном и, пожав плечами, отрицательно качнул

головой.

– А теперь ты объяснишь мне, как посмел устраивать в моём замке свои делишки, – жёстко сказал ему капитан, а затем повернулся к Нине, приподнял шляпу и принёс свои извинения за беспокойство. Нина кивнула ему с таким неподражаемым высокомерием, выше которого трудно было бы что-то изобразить, и их повозки тронулись дальше. Флирт с капитаном закончился, так и не успев начаться...

...Ансель собирался в гости к друзьям из Глиняного Дома. Три дня назад он уже заезжал к ним, отвёз на своей новой лошадке гостинцы – пару мешков картофеля и по мешку лука, капусты и моркови нового урожая. Но сегодня был такой день, когда все встречали Звезду, и он хотел разделить эту встречу с друзьями. Ансель уложил в большую корзину подарки, которые приготовил для Домочадцев: красивые кожаные ремни для Бертика, Гоши, Ди Ноеля, Симы и Миши, шёлковые платки для девушек, шаль для Бабушки Лины, пёструю подушечку на пуф для Тыквы Лукерьи, красивый ошейник красного атласа для кошечки Олли и розовые кожаные башмачки для Говорящей Собаки Чау – как-никак, зима! Он знал, что в гостях будет много детей, и для них заранее накупил игрушек – кукол, солдатиков, мячей, губных гармоник. На всякий случай предусмотрительный фермер добавил ещё несколько приятных мелочей – вдруг придут неожиданные гости, нехорошо оставить их без подарков! Сам принарядился, надел рубаху белёного льна с расшитым

яркими узорами оплечьем, коричневый шерстяной камзол и штаны в тон, и коричневые же сапоги с затейливой шнуровкой – надо сказать, по праздникам Ансель был большой франт! В тот момент, когда он, взяв корзину, направился к выходу, в дверь постучали. Ансель отворил. На крыльце стоял показавшийся ему знакомым парень с большим коробом в руках.

– Здравствуй, Ансель! – сказал он. – Разреши войти?

– Входи...те, – ответил Ансель. – С наступающим навечерием вас!

– Ты меня не узнал... – мужчина помедлил. – Я Петер. Я летом украл твою корову и кукурузу, помнишь?

– То-то я смотрю, чем-то ты мне знаком, – невесело ответил Ансель. – А сейчас ко мне зачем явился, да ещё в дом посмел войти?

– Пришёл прощения просить у тебя! Сильно я виноват перед тобой. Но если бы тогда меня эта... тигра... пантера... ну, кошка ваша гепардовая, не завалила бы и не заставила молить о пощаде, может, я так ничего до сих пор бы и не понял. Потом, когда брёл один по дороге, всё вспоминал, как ты крикнул, что надо дать мне шанс вернуться к нормальной жизни, и эта гепардиха меня отпустила. Дружки мои разбежались, и это оказалось к лучшему. Я вспомнил, как легко жил, пока не захотелось рискованных приключений. Как со вкусом ел домашнюю еду, рыбу ловил в реке, с деревом работал. Я же краснодеревщиком был неплохим, столярничал.

А потом занесло меня на кривую дорожку от бесшабашности и легкомыслия. Так что, после встречи с тобой и гепардихой этой, опомнился. С большим трудом нанялся в подмастерья к известному краснодеревщику, работал от сердца, каждый грошик в узелок завязывал, всё боялся потерять. Посмотри, на эти деньги я купил тебе корову, вот у забора привязал. – Петер распахнул дверь, и Ансель увидел симпатичную рыжую коровку. – Прошу тебя, возьми её от меня в знак прощения, и не держи на меня зла! Я тебе возвращением обязан!

– Ну, скажем, не мне, а кошечке Олли... Однако, парень, ты мне задал непростую задачу. Честно сказать, мне больше хочется тебе хорошего пинка дать, чтобы летел ты с моего крыльца! Но сегодня день особый – Звезда надежды восходит, и не могу я тебе отказать, вот ведь как получается... Да и мало кто по жизни гладко идёт, ни разу не споткнувшись, не мне тебя судить! Я и сам побывал в компании мерзавцев однажды. Чудом из неё выбрался. Чтож, брат, простим друг друга и забудем злое! – Ансель протянул Петеру руку. Тот поставил короб на лавку у двери и схватил ладонь Анселя обеими руками. Потом засмутился, засуетился, открыл короб и вынул из него большой ларец с резной крышкой и табурет хорошего дерева.

– Это я для тебя сделал, посмотри, моя работа, – сказал он не без гордости.

– Работа хорошая, что и говорить, – ответил Ансель, осмотрев со всех сторон и ларь, и табурет. – Спасибо, брат.

А где ты живёшь сейчас?

– Два дня назад жил у мастера в работниках. А сегодня, направляясь к тебе, наткнулся я на пустой дом, и знаешь, странная такая история – дом явно нежилой, ничей, а тёплый, ванилью внутри пахнет, и всё в нём есть для жизни, даже весь инструмент столярный, плотницкий да краснодеревщицкий... А на столе ключ лежит, и этот дом как бы говорит мне: «Заходи, живи, будь хозяином». Так что теперь – если никто не выгонит – я живу в жёлтом доме под белой крышей, что стоит на пустоши за твоими землями. Вроде бы теперь сосед твой...

– Сосед – это всегда друг и помощник! Хорошо, что у меня такой сосед! Давай-ка и я тебе подарок сделаю ради сегодняшнего праздника. – Ансель подошёл к корзине, вынул из неё хороший ремень, который он приготовил для неожиданного гостя. – Слушай, я еду к друзьям встречать Звезду. Поехали со мной! Там ты сможешь и кошечку Олли поблагодарить, и у собачки Чау прощения попросить... А ларец твой и табурет возьмём с собой в подарок хозяевам Глиняного Дома!

– До чего же мне стыдно, – сказал Петер. – Но поеду непременно! Разбойником быть не стеснялся, а вернуться к хорошей жизни стыдно стало! Поеду и прощения у всех попрошу. Надо же когда-то решиться!

Они отвели новую коровку в стойло, где уже стояли Кора и ещё две, пока безымянных, тёлочки. Ансель улыбался –

теперь у него целых четыре коровы, вот какая радость! Погрузили в повозку подарки и выехали со двора.

...Нина попрощалась с подругами, чуть не доезжая Дома – так красив был ранний закат и розовеющий в его быстром свете иней на земле, так легко дышалось прохладой и свежестью, что ей захотелось немного пройтись. Окна Глиняного Дома издалека теплились призывным свечением, над крышей клубился весёлый дым. Чёрные деревья вдоль забора пунктиром обозначали направление к небу – туда, где совсем скоро должна была засиять долгожданная Звезда. Кружевные занавески обрамляли окна, и в каждом открывалась радостная праздничная картинка: дети, рассматривающие подарки, улыбающиеся Домочадцы, накрытый стол, ожидающий весёлого застолья. У ворот остановилась знакомая двуколка – подъехал Ансель, он был не один, вдвоём с неизвестным ей мужчиной выгружал корзины и коробки. Нина окрикнула его и приветливо взмахнула рукой. Ансель обернулся и неожиданно стремительно бросился к ней. Сзади мимо Нины на большой скорости промчался крытый экипаж, дверца которого резко захлопнулась.

– Нина, как хорошо, что ты меня позвала! – взволнованно крикнул Ансель. – ещё минута, и тебя схватили бы, и никто не узнал бы об этом! Из этой кареты к тебе были протянуты чьи-то руки, и только то, что я повернулся на твой оклик, заставило врагов проехать мимо! У тебя что-то случилось? Где ты была? Кто следил за тобой?

– Ничего себе! А я и не заметила! Похоже, я знаю, кто это. Потом расскажу, ведь сейчас всё обошлось! Идём скорее в Дом, нас уже заждались, наверное!

– Мы вернёмся к этому разговору чуть позже, ты права, не будем сейчас беспокоить людей! Идём, Звезда уже совсем рядом! Пошли, Петер, – позвал он своего спутника, и, взяв корзины и коробки, они взошли на крыльцо.

Вошедших встретили шумными возгласами, дети выпали в прихожую, зная, что сейчас им снова дадут подарки. Аграфена целовала Нину – давно не виделись. На приехавшего с Анселем мужчину все смотрели с доброжелательным вниманием. И только одна Чау напряглась: можно переменить облик, но запах останется неизменным, и запах этого гостя был ей хорошо знаком. Олли уловила беспокойство собачки и подошла к ней – на всякий случай. Между тем, в Доме воцарился весёлый беспорядок – все говорили одновременно, приветствуя Ансея, приглашая его спутника пройти в комнаты, спрашивая Нину, как прошёл концерт. Наконец, Бабушка Лина сказала: «Ниночка, твоя Синяя Птица заждалась, входи скорее!»

– Как я рада, что ты уже здесь, – улыбнулась девушке в платье Жар-Птицы Нина, – ты успокоилась немного? Как, кстати, тебя зовут? – Вокруг все засмеялись этому вопросу.

– Лидия, – снова смутившись, ответила она.

– Подожди, Лидия, у меня для тебя тоже есть подарочки! – с этими словами Нина убежала в сою комнату и через минуту

вернулась обратно. В руках у неё была тёплая вязаная кофта цвета морской волны и меховой капор.

– Возьми, Лидия, сейчас не лето, это тебе пригодится, да и к лицу подойдёт.

Лидия ахнула и, прижав обновки к груди, обняла Нину.

В это время Ансель, увидев, что дети занялись изучением новых подарков, сказал:

– Я прошу вас выслушать моего друга Петера, он пришёл, чтобы что-то сказать нам всем!

Петер вышел вперёд. Было видно, что ему очень трудно говорить, он ссутулился, густо покраснел, руки беспомощно повисли.

– Я пришёл просить у вас прощения... Это я тогда украл корову Ансея. И ударил собачку. Я очень виноват. Мне стыдно. И ещё я хотел сказать «спасибо» вам... Нет, гепарду спасибо сказать... За то, что вразумили... и дали возможность задуматься... С прошлым покончено – с помощью вашей. Не будь того случая, я не знаю, что бы сейчас со мной случилось... Простите меня, если можете! Собачка, особенно ты прости!

Все молчали. Уж слишком неожиданным было признание нового гостя. Чау переступила передними лапами, после недолгого раздумья, подошла к Петеру, заглянула ему в глаза. Потом сказала просто: «У меня ничего не болит. И ты же сам всё понял. Давай забудем об этом – как будто того случая никогда не было».

Кошечка Олли обошла Петера кругом, потом выгнула спинку и разрешила погладить себя. «Ну, чтож, – сказала она протяжно. – Если я помогла тебе найти дорогу домой – я рада. Я принимаю твою благодарность!»»

– Знаете, – сказала Бабушка Лина, – сегодня мы должны простить всех, кто в этом нуждается! Пусть между нами не будет опечаленных! Давайте простим друг друга и выйдем на встречу!

Все поспешили во двор – увидеть среди бисерной россыпи ту Звезду, что давала возможности новой жизни.

Тонкий серебряный свет пролился, связав прочной нитью Звезду Надежды и тех, кто ждал и вышел встретить её. И дарами Звезды стали кров, прощение, свобода, дружба, любовь.

Короткий день сегодня заглядывал в окна Дома и становился теплее...

История одиннадцатая

Ансель почувствовал, как его с размаху ударило о какое-то препятствие. Инстинктивно выбросил вперёд руки и ощутил некую твёрдую поверхность. Он впился в неё кончиками пальцев, коленями, ступнями, попытался весь распластаться по ней, слиться с нею. Волна приподняла его, и ему удалось уцепиться за какую-то впадину и не откатиться назад вместе с водной массой. Бессознательно он подтянулся на пальцах, замер на мгновение, а затем рванулся как можно выше. Новая волна подтолкнула его вверх, и прежде, чем потащила за собой обратно, ему удалось забросить колено на торчащий выступ. Затем он весь бросился вперёд и оказался на жёсткой и неподвижной плоскости... Вокруг была крошечная темнота, и он не понимал, где находится. Но ощущал всем своим существом: стопальные лапы волн хватают пространство ниже него, и что-то препятствует им снова стащить его вниз... В этот момент силы его иссякли. Он был совершенно обездвижен и долго не верил, что беспорядочное вращение в толще волн прекратилось... Потом все его ощущения исчезли – он потерял сознание...

Русалка Люси, немного поплескавшись в пронизанных солнцем волнах, поднялась в свой грот. Уже в нескольких десятках метров от дома она ощутила особую расслабленность и умиротворение. Дом это место, где нам хорошо, и И

Люси любила своё новое жилище. Оно было наполнено её присутствием, даже когда сама русалка была далеко. В нём жил её запах, её мысли, её движения. Так что, входя в свой грот, она находила дома саму себя, немного забытую, но знакомую до корней волос. В прихожей у каждой русалки всегда лежат несколько пар пуантов – для себя и для гостей. Дома они обычно надевают такую обувь на кончики хвоста, чтобы не стирать их о твёрдую поверхность пола. Русалка обула шёлковые пуанты, с удовольствием взглянула на своё отражение в большом зеркале прихожей, осмотрелась и замерла. Прямо у входа, на каменном полу, в нескольких сантиметрах от воды лежал светловолосый мужчина, босой и полураздетый. Люси догадалась, что двухдневный шторм, который она пережидала в гостях у Сирены Лорелеи, выбросил этого человека на ступени её прихожей. Она тронула его руку. Рука оказалась тёплой, значит, мужчина был жив и крепко спал.

Дом Русалки Люси находился в скале, которая острым клином разрежала морскую ткань, выдаваясь из гряды неприступных утёсов, венчающих труднодоступное побережье. Люди здесь не селились: море в этих местах было неприветливым, дно – сплошные подводные гребни, а берег каменистый и бесплодный. Над её гротом, к тому же, нависал длинный, в глубоких трещинах, выветренный скальный козырёк, совершенно закрывавший вход от обзора сверху. Так что русалка жила здесь в полном уединении и безвестности.

Люси осмотрелась. Дома было так хорошо! Пожалуй, нуж-

но только слегка подсушить ковры из прихожей – шторм их немного замочил, но всё остальное представилось таким же, как она оставила, уплыв в гости к сирене. Пышные шторы из водорослей, сплетённых в сложные узоры, украшенные коралловыми подвесками, отделяли помещения, на полках стояли раковины, каких на земле не встретишь – едва тронутые голубым у края завитка и вобравшие всю синь моря в глубине спирали, или всех оттенков расплавленного золота с россыпью зелёных и бордовых крапин, или нежнорозовые, облитые перламутровым свечением – Люси очень любила их прихотливые формы и оттенки. На стенах были развешаны яркие гобелены, которые она выткала сама, окрасив водоросли в цвета, полученные из растёртых камешков, створок жемчужниц и корневищ подводных растений. На гобеленах были сценки из земной жизни Люси в орнаментах из роз. Улыбнувшись своим любимым розам, Русалка смахнула пыль с сундуков и ларей, встряхнула дорогую скатерть, и начала готовить завтрак – на двоих!

Ансель проснулся внезапно. Медленно поднялся, огляделся, увидел Люси. Сделал несколько неуверенных шагов.

– Здравствуй! Меня вчера выбросило на порог твоего дома, кажется. Сам не верю, что жив остался!

– Да, шторм был сильный, тебе повезло спастись. Как ты себя чувствуешь сейчас?

– Нормально. Только ноги и руки ватные...

– Иди завтракать, сразу в себя придёшь!

Люси подала обильный завтрак, и Ансель быстро собрался с силами.

– Как ты оказался в море в такую бурю? – спросила она, когда он насытился.

– Скверная история случилась со мной, скажу я тебе. Я фермер, работаю на земле в своё удовольствие. А тут поехал в город на рынок. И в кабачке за обедом познакомился с двумя парнями. Весёлыми такими, энергичными. Назвались моряками, рыбаками. Слово за слово, и предложили мне они поработать на их корабле – сказали, что за пару недель можно заработать от улова больше, чем я за год на ферме зарабатываю, а людей у них маловато. Я и призадумался – деньги-то всегда нужны. А они собирались в море выходить через два дня, и всего-то дней на десять-двенадцать – как рыба пойдёт. Вернулся домой, корову отвёл к соседям, сказал, что недели на две в город нужно мне отлучиться, так пусть они за моей Корой присмотрят. И отправился в порт. А когда корабль был уже в море, обратил внимание, что рыбаки эти сильно оружием обвешаны, и на корабле пушек полно, а сетей рыболовных вовсе нет! И из их разговоров понял, что сам, добровольно, отправился в рейс на пиратском корабле! Деваться было некуда. И не знаю, что было бы со мной, только в ночь начался этот шторм, в какой-то момент оказался я в воде, сколько времени крутило в волнах, не могу даже предположить, а потом выбросило меня куда-то на твёрдую поверхность, оказалось – на твой порог, в твой дом... Так

что, именно здесь ждало меня спасение!

– Какое счастье, что никого ты не погубил, и сам выжил в этом шторме! Теперь будешь крепко думать, прежде, чем срываться со своей земли за большими деньгами!

– Да уж, науку получил такую – врагу не пожелаю. Судьба дала мне шанс подумать – как жить дальше. И я теперь точно знаю, что лучше нашего Лоскутного Одеяла для меня места нет, и нет лучшей работы, чем работа на земле. И ещё, что у каждого должен быть шанс, ведь оступиться по глупости так просто! Только, Люси, как же мне теперь обратно вернуться – соскучился я по дому...

– Передохни немного! Я тебе помогу найти дорогу!

– Да нет у меня желания отдыхать! Лучше скажи, может тебе по хозяйству помощь какая нужна – пока я здесь, всё сделаю, что смогу. Должник я твой теперь до конца жизни, а долг платежом красен!

Ансель по мужски оглядел дом Люси. Поправил полки, укрепил петли на крышке сундука и расшатавшиеся ножки стульев, развесил для просушки тяжёлый ковёр из прихожей... Но было видно, что мыслями своими он далеко отсюда. Люси улыбнулась и вызвала дельфинов, которые должны были домчать парня до родного берега. Прощаясь, Ансель попросил разрешения иногда приезжать к ней в гости, и Люси, подумав, нехотя разрешила. Они договорились, что чайки при необходимости будут передавать их сообщения друг другу...

Обо всём этом она вспоминала, сидя за ткацким станком. Смеркалось. Она зачерпнула длинным сачком несколько светящихся рыбок, выющихся у входа в её грот, и добавила их к тем, что уже плавали в большом аквариуме, подвешенном над рабочим местом. Стало значительно светлее. Рыбки были разного цвета, и свет, который они давали, менялся от их перемещения внутри аквариума, создавая мерцающий эффект. Утром она отправит рыбок в море, а к следующему вечеру снова осветит свой станок неземным светом. Русалка ткала портьеры в подарок своей любимой подруге сирене Лорелее.

Через несколько недель после того памятного шторма, который принёс на ступени её жилища земледельца Ансея, она получила весть – дом Лорелеи разграблен! Люси бросилась к сирене, но нашла её в хорошем расположении духа – она увлечённо восстанавливала убранство своих помещений, а добрый друг Максимилиан во всём помогал ей. Лорелея рассказала русалке о том, как Эль Треко бежал с её острова, прихватив всё, что посчитал ценным. Самым страшным для них обеих оказалось вероломство пирата. Вернувшись к себе, Люси пересмотрела полки и сундуки и отобрала для Лары немного серебряных и фарфоровых столовых приборов, несколько позолоченных блюд и кое-что ещё по мелочам. Ей очень хотелось снова увидеть комнаты Лары такими же нарядными и уютными, как прежде, чтобы даже память о коварстве, жадности и воровстве исчезла из жизни сирены.

Как могут говорить только русалки – много воды утекло с тех пор. Говоря проще – прошло сколько-то времени, и Люси снова отправилась в гости к Ларе. Собственно, это Лорелея должна была приплыть к ней, но накануне прислала письмо, в котором извещала: в назначенное время быть не сможет. Решив, что сирена заболела, Люси, прихватив баночку малинового варенья, отправилась к ней. Лорелея в самом деле выглядела уставшей и очень печальной, она похудела, дома у неё было серо и тускло, казалось, даже золотых чешуек на её теле стало меньше. Она была мокрой – совершенно очевидно, только вернулась откуда-то. Русалка решила приготовить чай для себя и хозяйки, и с удивлением обнаружила – красивая посуда, которую она подарила сирене, исчезла, а на занавесях нет ни одной жемчужинки. Впрочем, жемчуга не было ни на руках, ни в волосах, ни на хвосте Лары. Это поразило Люси – она почувствовала какую-то большую беду, которую сирена старается скрыть. Само собой разумеется, оставить это без внимания русалка не могла – слишком близкими подругами они с Лорелей были.

Лорелея довольно часто виделась с Максимилианом. Обычно, они договаривались о встрече заранее, но иногда чайка приносила ей записку от него с просьбой встретиться на побережье. Так было и на этот раз – он попросил сирену придти к Красным камням у маяка. Лара особенно тщательно убрала себя. Множество браслетов звенели на её запястьях – золотые и серебряные, тонкие и широкие, выпуклые

и плоские. Вокруг талии и хвоста повязала пояса из нескольких золотых цепочек с подвесками из грушевидных жемчужин. Она даже украсила волосы драгоценной изумрудной диадемой – Максимилиан говорил, эти камни очень идут к её глазам. А над правым виском закрепила цветок магнолии из букета, который друг привёз ей два дня назад. Всё же – не в домашнем виде должна была ему показаться, ведь она шла на свидание! Лара ещё издали увидела его: он сидел спиной к морю, глядя куда-то вглубь побережья, и у неё была возможность подплыть к нему незаметно. Лорелея тронула его за руку, и мужчина обернулся. На неё смотрел Эль Треко.

– Ну, здравствуй, вот и встретились! – сказал он. – Послушай меня молча минутку, это в твоих интересах!

Лара чуть не задохнулась от возмущения, но пират нисколько не смущаясь, продолжал монолог:

– Сразу скажу тебе: Максимилиан находится в моих руках, он схвачен и надёжно упрятан. И только от тебя зависит, как долго он будет жить. Тебе интересно, что я скажу дальше? Тогда молча кивни головой!

Лара утвердительно наклонила голову. Сердце её забилось пойманной птицей – как сказал бы какой-нибудь поэт.

– Видишь, вот свисток, который ты ему дала, чтобы он мог позвать тебя, когда будет надо. Этот свисток у меня, ты можешь поверить, что и сам Максимилиан тоже. И теперь ты будешь каждый день приносить мне сюда вот такой мешочек жемчуга, – он протянул ей замшевый мешочек, – и

до тех пор, пока ты будешь это делать – он будет жить. Как перестанешь – подпишешь ему смертный приговор. Тебе это понятно?

Сирена снова кивнула головой, говорить она не могла, возмущение и гнев сковали её речь.

– Ты можешь также приносить мне золотые и серебряные безделушки. В такой день его дневная норма хлеба и воды будет увеличена вдвое, за большое изделие ему дадут ещё и мяса. Так что, только от тебя зависит, как долго, и как комфортно будет жить твой друг. И кстати! Самая мелкая жемчужина должна быть размером с лесной орех, имей это в виду! Ты можешь сейчас убить меня, но в этом случае он тоже погибнет сегодня же. Это всё, что я хотел тебе сказать. У тебя есть ко мне вопросы?

Сирена сдержала слёзы. Она вскинула голову и уверенно ответила:

– Я сделаю всё, как ты хочешь. Ни у меня, ни у Максимилиана выбора нет. На закате каждого дня я буду приносить тебе сюда то, что ты требуешь. Вот, возьми для начала! – она сняла все свои украшения и положила у его ног. Бутоны магнолии она оставила в волосах. Затем погрузилась в воду и отправилась домой. Она плыла, не видя перед собой ничего, «сердце её разрывало отчаяние».

Оказавшись в своём гроте, стала размышлять над случившимся. Чайка, которую она отправила в дом Максимилиана, рассказала – внутри всё перевёрнуто, а самого хозяина

нигде нет. Сирена поняла: пират не обманул. Лара погладила чайку, угостила анчоусом и поблагодарила за помощь. С этого дня началась её работа в поддержку жизни друга. Сундуки, наполненные драгоценностями, из грота увёз Эль Треко, так что запасов жемчуга и золота у неё не было. И ей пришлось отправиться на свою жемчужную поляну. Мурина Мура была рада – Лара привычно почесала ей шейку и за ушком, угостила кусочком сыра, и Мура выплыла к ней, и сопровождала, пока сирена наполняла жемчугом мешочек Эль Треко. И это стало ежедневной обязанностью Лорелеи – днём она собирала жемчуг и осматривала близлежащие затонувшие корабли в поисках золотых и серебряных блестяшек, а на закате относила то, что удалось найти, к Красным камням. Там её уже ждал пират. Теперь он был одет в дорогие одежды, выбрит и красиво подстрижен, и никто не узнал бы в нём разбойника, хотя он по-прежнему добывал своё состояние разбойничьими методами...

Дни тянулись, нанизываясь жемчужинами на ожерелье муки сирены. Через некоторое время она опустошила свою привычную поляну, и всем раковинам там предстояло начать выращивание жемчужин с самого начала. Напрасно Лара пристально рассматривала каждую жемчужницу – они были пусты. Теперь, чтобы наполнить мешочек для Эль Треко, Лара каждый день уплывала всё дальше и дальше от дома.

Сегодня Лорелея спешила на встречу с Эль Треко, надеясь обеспечить Максимилиану приличный ужин. В руке у

неё был массивный золотой кубок с эмалевыми медальонами на чаше, расписанными жёлтыми и голубыми хризантемами. Несмотря на то, что сейчас кубок был лишь платой за ужин её друга, Лара не могла наглядеться на тончайшую работу неведомого ей художника, прорисовавшего изящные завитки лепестков и резные листья в сероватых маленьких овалах на стенках кубка. Давным-давно, во время неспешных прогулок в окрестностях её острова, на расстоянии почти двух часов от него, она заметила расколовшийся на несколько частей остов затонувшего корабля. Лара решила навестить туда, посмотреть повнимательнее – нет ли в этих развалинах сокровищ, которые требует у неё пират. Добравшись до цели, сирена скользнула в разлом корпуса, аккуратно вошла в щель разорванной переборки и оказалась в кают-компании – тут лежали опрокинутые стол и стулья и возле них в тяжёлой зелени воды слегка отсвечивали металлические округлости кубков, плоские диски тяжёлых блюд, протягивали длинные пальцы горделивые подсвечники. Серебряные вилки и ложки были почти занесены песком. Лара стала собирать все эти так нужные ей красивые вещички в кучу, передвигать стулья, чтобы пробраться дальше, но в это время каюту неожиданно качнуло, и щель, через которую сирена проникла внутрь, закрылась наглухо. Лорелея оказалась в западне тесного пространства, состоящего, кажется, из бесчисленного множества острых углов. Все её попытки выбраться наружу оказались тщетными.

Она старалась открыть себе выход, пустив в ход свой надёжный нож, но корабельное дерево, пропитавшись водой, стало настолько твёрдым, что ей не удавалось справиться с ним. Конечно, постепенно Лара смогла бы выпилить выход, но времени у неё было мало, а опоздать на встречу с пиратом было нельзя! Но главное, сместился корпус корабля, и никто не мог сказать ей – не будет ли он смещаться дальше! Хорошо, что сегодня не отказалась от сопровождения, и стая дельфинов ждала её возле корабля. Лорелея подозвала старшего и попросила срочно вызвать сюда аварийно-спасательную службу. Дельфин кивнул головой и отправил экстренный сигнал. Не прошло и пяти минут, как над песчаным дном повисла огромная тень – по вызову прибыла дежурная рыба-пила. Дельфины уважительно посторонились: не то, чтобы они боялись, но пересекаться с этой рыбой без особой необходимости всё же не стоило. Служба спасения осмотрела тёмный борт корабля с о скалами проломов, нашла каюту, где застряла сирена, и начала работу. Она медленно вгрызалась зубьями своей мощной пилы в тяжёлое дерево, понемногу меняя своё положение, перемещаясь то вправо, то влево. Борт корабля сотрясала тяжёлая дрожь, вода вокруг замутилась. Через некоторое время в переборке образовалось отверстие, достаточное, чтобы Лара могла выбраться наружу. Но она, подзвав дельфинов, стала передавать им мешки, заполненные драгоценной утварью, собранной, пока рыба-пила открывала ей выход.

– Выходи скорей, – торопила её спасательная рыба. – Корпус корабля может рухнуть в любой момент, слишком сильную вибрацию он перенёс при распиле!

– Сейчас, сейчас, ещё один мешок остался! – спокойно отвечала Лорелея.

Наконец, дельфин подхватил последнюю поклажу, и Лара скользнула сквозь дыру, выпиленную замечательной рыбой. И в этот момент остов корабля рухнул, сложился и покрыл всё, что осталось в его чреве, подняв вверх густое облако песка и ила... Дельфины и рыба-пила зависли без движения, и сама сирена вытянулась в струнку – зрелище было впечатляющим...

– И эти мешки так дороги тебе, что ты ради них рисковала жизнью? – с недоумением произнесла пила, и её спинной плавник выгнулся вопросительным знаком.

– Они нужны для спасения друга. А ради этого каждый может жизнью пожертвовать...

– Какие странные существа сирены и русалки! Вы гораздо больше люди, чем рыбы! – глубокомысленно подвела итог рыба-пила, и скажу я вам, это прозвучало так же фундаментально, как если было бы сказано Тыквой Лукерьей.

... Эль Треко уже стоял у Красных камней. Он довольно хмыкнул, когда взял в руки кубок изумительной работы.

– Помнишь, ты говорила, сирены не приручаются и не служат никому? Оказывается, ещё как приручаются, даже не надо крытый бассейн с выходом в море строить! Сама всё

находишь и приносишь! Просто, надо понять, как тебя убедить. Я догадался – и всё стало, как я и хотел. Теперь ты думаешь только о том, как исполнять мои желания! И это у нас с тобой надолго! – он улыбнулся и попытался потрепать её по плечу, но Лара отпрянула, и пират чуть не рухнул в воду, с трудом удержав равновесие. Он нахмурился – сирена лишь подчинилась, но тёплых чувств к нему явно не испытывала!

Лорелея плыла домой, и её обуревали два чувства – беспокойство за Максимилиана, а ещё страшное возмущение тем, что она таскает драгоценности этому пирату как... как дрессированная выдра! И оба эти чувства были невыносимы.

Голубые глаза русалки Люси стали тёмно-синими от гнева и сострадания, когда она услышала историю, рассказанную Лорелейей. Она обняла подругу и погладила её по мокрым волосам.

– Не надо плакать! Ты же не одна! Мы с тобой подумаем и найдём выход, не может быть, чтобы не нашли! Я принесу тебе весь жемчуг с моей поляны и всё золото, что хранится у меня дома! Ты больше не терзай себя тем, что исчерпала свои запасы. Этим мы выиграем какое-то время. Главное – узнать, где Эль Треко прячет Максимилиана, а потом будем думать, как его вызволить. Потому что, пока он в лапах пирата, у нас связаны руки. А если мы его освободим, пират от нас не уйдёт!

– Как же мы сможем найти Максимилиана? Я уже столько об этом думала, но так ничего и не решила...

– А теперь будем думать вместе, и я точно знаю – Максимилиан скоро будет на воле, и ты перестанешь носить пирату жемчуг, уж ты мне поверь!

История двенадцатая

Люси еле уговорила Лару отправиться с ночёвкой к ней домой. Сирена была подавлена и ссылалась на то, что сейчас с трудом поддерживает беседу, вряд ли такая гостья доставит русалке радость. Но Люси не отступала, и на закате они, обув фланелевые пуанты с меховой опушкой, укутавшись в тёплые пледы, пили чай в её гостиной. Подруги долго обсуждали различные планы поисков Максимилиана, но всякий раз заходили в тупик и убеждались, что это им не под силу. Неожиданно Люси сказала:

– Без помощи на суше мы не обойдёмся, ведь Максимилиана держат где-то на острове! У меня есть друг, он лоскутянин, попрошу-ка я его подумать, как это можно сделать. Вдруг, он что-то нам посоветует!

Назавтра чайка отнесла записочку Анселю, и вскоре Люси, добравшаяся до условленного места, увидела, как он, скользя, торопливо спускается по глинистому откосу, слегка цепляясь руками за высокую прибрежную поросль. Он был рад встрече, но понимал, что у русалки к нему какое-то дело. Они уселись на больших валунах, и Люси рассказала ему, какая беда случилась с двумя дорогими ей существами. Мужчина задумался.

– Ты знаешь, – сказал он после недолгого молчания, – одному мне выследить пирата будет нелегко. Без всякого со-

мнения, где-то поблизости его ждёт упряжка, потому что один с драгоценностями он далеко не пойдёт. Значит, нужно как-то незаметно следовать за ним, потом за упряжкой, чтобы понять, где он обосновался. Скорее всего, Максимилиана держат где-то недалеко от дома этого вымогателя, а может быть, прямо в нём. Так что нам понадобятся ещё помощники! Я к вечеру съезжу к своим друзьям – сейчас их нет дома – и мы обсудим это дело. Я уверен, они нам помогут, более честных, смелых и надёжных людей, я не знаю. И сразу после того, как мы примем решение, я дам тебе знать, что будем делать дальше!

Они простились, и Ансель начал карабкаться вверх. Вскоре он скрылся из виду. Люси немного ещё посидела на камне, раздумывая над странной участью Максимилиана и неожиданной ролью Апселя во всей этой ситуации, потом медленно опустилась в море.

Это побережье было ей незнакомо – прежде она никогда не бывала в здешних местах. Русалке хотелось немного осмотреться: всегда интересно открывать новые для себя пространства! Неожиданно в нескольких метрах впереди что-то шлёпнулось в воду, бултыхнулось, забилось. Побежали дрожащие круги, раздались короткие всплески. Люси поняла, кто-то терпит бедствие, одним толчком хвоста преодолела расстояние, и увидела тонущего ежонка. Подставила ладонь под его брюшко, и ёжик тут же вцепился лапками в её пальцы. Посмотрела наверх – очевидно, он, беспечный и до-

верчивый, выбрался посмотреть на мир, но не зная, что густая трава нависла над пустотой, сорвался в воду. Люси снова подплыла к берегу и посадила малыша как можно выше в траву и подальше от обрыва. Ежонок тут же принялся отряхиваться, отфыркиваться, похрюкивать, и, даже не сказав ей спасибо, быстро юркнул под какие-то раскидистые листья. Люси улыбнулась. Она улеглась на спину и немного покачалась на медленной волне, радуясь её тяжёлой невесомости, вглядываясь в небо и замирая сердцем от бесконечности лазурной глубины над ней. Потом она резко перевернулась и вошла в прибрежную воду с головой. И внезапно остановилась. В основании нависшего над морем утёса находилась совершенно неизвестная ей пещера. Пройти мимо не смогла бы ни одна русалка. Люси замерла, рассматривая открывшееся ей таинственное жерло. Вокруг вились маленькие перламутровые рыбки, подводные травы лениво покачивались, отвечая на движение воды, но никаких следов присутствия русалок или других крупных морских обитателей вокруг не было, как не было и свидетельства присутствия человека... Она уверенно вошла в открывшийся ей подводный грот.

Буквально через два метра дно и потолок начали подниматься, а уровень воды резко упал, и Люси смогла встать в полный рост, не доставая при этом потолка рукой. Она рассматривала высеченные в скале стены и свод, покрытые водорослями и мхом и продвигалась вглубь этого явно рукотворного тоннеля. В нескольких местах виднелись крепле-

ния для факелов и светильников, однако здесь давно никто не пробирался ни к морю, ни обратно... Люси было очень интересно узнать, куда же ведёт этот подземный и подводный коридор, и она продолжала двигаться вперёд. Неожиданно прядь её волос зацепилась за что-то. Обернувшись, увидела сзади над головой частокол прутьев решётки, вокруг одного из которых обвилились её волосы. Люси стала распутывать непослушный завиток, слегка потянула его, освобождаясь от задерживающей её преграды, и в этот момент, лязгая и скрипя, решётка внезапно опустилась. Дорога к морю была закрыта.

...Ранним утром домочадцы и домочадицы почти в полном составе выехали из Дома. Они были приглашены королём Илией на расширенное заседание Малого Совета Королевских Советников. Тыква Лукерья была страшно обижена тем, что её не позвали, но виду не подавала, говорила: совершенно невозможно Дом оставить без присмотра, и они с Чаушкой прекрасно проведут вечерок в тишине и покое – ей как раз надо заняться мемуарами, и, кроме того, очень много поучительного рассказать собачке, а в повседневной суете это никак нельзя сделать. Что думала по этому поводу Говорящая Собака Чау так никто и никогда не узнал.

...Люси вцепилась в решётку обеими руками, думая поднять её, но решётка не шелохнулась. Поначалу она даже не испугалась. Русалка присела рядом, переждала несколько се-

кунд, вздохнула и повторила попытку. Никаких результатов, только мелкая вода у её хвоста замутилась. Люси постаралась раздвинуть прутья – русалки значительно сильнее обычного человека – но из этого ничего не вышло, решётка была сделана на совесть. Она трясла решётку, дёргала её, старалась выломать, напрягая до предела силы, повисая на ней всей своей тяжестью... Прошло достаточно времени, прежде, чем Люси поняла – освободиться из западни невозможно! У неё не было выбора – надо было посмотреть, куда ведёт этот подземный тоннель. Она двинулась вперёд, всей спиной ощущая преграду на обратном пути к морю. Плавники на её бёдрах повисли в отчаянии.

Метров через пятнадцать дошла до конца тоннеля – перед ней была глухая каменная стена... Дороги вперёд также не было! Люси снова вернулась к злосчастной решётке и долго силилась открыть себе выход к морю. Трудно сказать, сколько времени прошло, пока Люси билась в намерении преодолеть это нелепое препятствие к прежней жизни. После бесконечного множества безуспешных попыток выбраться на свободу, Люси горько расплакалась. Все её старания оказались безуспешными – она находилась внутри глубокого каменного мешка, и никто не смог бы придти ей на помощь, потому что ни одна душа не знала о том, какая беда с ней приключилась.

...Люси потеряла счёт времени. Она плакала над собственной беспечностью и доверчивостью, из-за которых без-

думно нырнула в незнакомый грот. Наплакавшись вдосталь, затихла, и сердце её замерло от отчаяния. В какой-то момент снова вернулась к каменной стене и принялась внимательно рассматривать, ощупывать пальцами каждый её сантиметр. Соединения плит были обозначены пунктиром бледного, белёсого мха. Очевидно, стена давно замуровала существовавший изначально выход в подводный тоннель. Что находилось за ней? Русалка очень хотела это узнать. Она тщательно ощупала каждый сантиметр каменной кладки. Неожиданно пальцы её погрузились в глубокую расселину, скрытую мхом. Торопливо выщипала клочок влажной растительности, и заметила свет, пробивающийся из отверстия в неплотно пригнанных в одном месте камнях. Попыталась вложить ладонь в эту трещину. Щель оказалась глубокой, кладка была сложена из очень толстых плит. Люси немного приподнялась и заглянула вглубь. За стеной явно находилось помещение, на противоположной его стене двигалась какая-то тень. Потом перед её взором промелькнула чья-то фигура. Прошло ещё сколько-то минут, а может быть, часов – никакого движения больше она не заметила. А потом вдруг у противоположной стены, которую русалка смогла разглядеть сквозь неожиданное «окно», лицом к Люси присел Максимилиан! Сердце её чуть не выпрыгнуло от счастья. Она нашла Максимилиана! Совсем рядом с ней есть друг! Ей захотелось громко позвать его, чтобы не чувствовать себя одинокой и отрезанной от всего мира, но она вспомнила – ря-

дом могут быть стражники! Люси замерла, стараясь ничем не выдать себя, долго выжидала, вглядываясь в доступное ей пространство видимости, наконец, удостоверившись, что он один, негромко позвала:

– Максимилиан!

Он вздрогнул от неожиданности, поднял голову и огляделся. Потом пристально взглянул, как показалось русалке, прямо ей в глаза.

– Кто здесь?

– Это я, Люси! Я здесь, за стеной! Я вижу тебя сквозь щель, посмотри внимательнее!

Максимилиан встал, подошёл к стене, из которой доносился голос русалки, наклонился, присел на корточки, пристально всмотрелся, потом лёг на пол. Взгляды их встретились.

– Как ты попала сюда, Люси? – спросил он.

Люси не могла сказать ему, что оказалась жертвой собственного любопытства. Она не могла сказать, что они оба пленники, находящиеся с двух сторон одной стены. Русалка решила поддержать его надеждой близкого освобождения.

– Мои друзья ищут тебя, и скоро ты будешь на свободе. А я охраняю выход с этой стороны. Как только тебя освободят, я тоже вернусь домой!

...Ансель решил отправиться в Глиняный Дом ближе к вечеру и непременно пешком. Времени у него было достаточно, а всё же он решил сократить дорогу и пошёл напрям-

мик, через поле и лес. Так что, на крыльце Дома он оказался, открыв калитку, выходящую на задворки. Двери были не заперты, и, постучав для порядка и выждав немного, Ансель вошёл в дом. Смеркалось, но светильники ещё не были зажжены. Сладко пахло восковой мастикой. На столике в углу тепло поблескивала медная ваза с букетом сухих роз. Размеренно тикали ходики на стене, сообщая сонный уют тишины гостиной с вечностью. Собачка тотчас подбежала к нему и запрыгала на задних лапах, показывая в улыбке все свои сорок два белоснежных зуба. Тыква тоже приветствовала радушно, сидя на своём пуфе; шёлковая подушечка, которую Ансель подарил ей, была аккуратно покрыта сверху изящной кружевной салфеткой.

Домочадцы ещё не вернулись, и он решил дождаться Симона в его комнате. Но прежде надо было немного поболтать с Чау и Тыквой, чтобы не огорчить их недостатком внимания. Гостеприимные Чау и Тыква предложили ему чаю, но Ансель, поблагодарив, отказался – пил недавно! Лукерья долго рассказывала, как её утомляют эти поездки на приёмы во дворцы правителей, и как она поэтому терпеть не может на них бывать. Чау и Ансель вежливо слушали. Наконец, настал момент, когда он смог уйти в комнату Симы.

Самым ценным предметом мебелировки здесь было глубокое и широкое кресло, застеленное серо-зелёным клетчатым ворсистым пледом. Ансель удобно расположился в нём и протянул руку за лежащей на столе книгой. В этот момент

он услышал громкий, внезапно оборвавшийся лай, потом тяжёлый топот бегущих ног, гулкий удар, звук тяжёлого падения и крик Тыквы: «Ансель! Ансель! Ансель!». Он, стремясь бросился в гостиную, где увидел раскрытую входную дверь, опрокинутый стул, поднимающегося с пола незнакомого мужчину с безжизненной Собачкой на руках. Ансель растерянно остановился, не понимая, что происходит, но в это время Лукерья крикнула: «Держи его! Он уносит Чау! Отними её!», и это расставило всё на свои места. Ансель бросился на незнакомца и вырвал собачку из его рук. Тот попытался сопротивляться, но недолго и не очень уверенно. Через мгновение он бросился вон из Дома. Ансель отчётливо услышал, как за воротами отъехала повозка, но ему было не до погони. Он растерянно смотрел на обездвиженную собачку, потом бережно положил её на диван и бросился в кухню – за водой. Вернувшись, услышал тихий плач откуда-то из-под стола. Плакала Тыква.

– Лукерьюшка, что с тобой, милая? – закричал он.

– Бочок я ушибла. И ещё он меня ногой сильно ударил, – сквозь рыдания произнесла она.

– Сейчас, сейчас, милая, потерпи немножко, – сочувственно забормотал Ансель, – сейчас я тебя на пуфик твой посажу, водичкой побрызгаю, хочешь – одеялком накрою, только не плачь! – Он вытащил тяжёлую тыкву, уложил её на любимый пуф и начал брызгать водой то на неё, то на собачку. Ансель метался между бесчувственной Чау и плачущей

Лукерьей, и не мог понять, что же всё-таки произошло. Чаушка лежала в глубоком сне – он ощупал её лапы, потрогал нос, послушал дыхание, было очевидно, что она спит! Уложив её на диван, повернулся к Лукерье.

– Что случилось тут у вас? Что с Чау, и почему ты оказалась под столом, и кто это был здесь? Объясни мне, пожалуйста!

– Я прыгнула к нему под ноги...

– Да зачем же? Зачем ты прыгала?

– А как я ещё могла помешать ему? Он уносил Чау! Набросил ей на лицо какую-то тряпку, она потеряла сознание, схватил её и бросился с ней убежать. И... И я прыгнула ему под ноги, он споткнулся и упал, и меня ногой ударил сильно, – Лукерья снова громко всхлипнула, – а тут ты прибежал, и он не смог унести нашу собачку!

Ансель взглянул на Тыкву с большим уважением – от её пуфа до места падения странного вора было метра полтора! Отважная Лукерья не испугалась того, что может разбиться при падении, или быть раздавленной злодеем – она думала только о спасении Чау! Она никак не могла помешать похитителю собачки, но, не раздумывая, бросилась ему под ноги! Он погладил Тыкву по лакированному бочку

– Умница ты наша храбрая! Вот Чау обрадуется, когда тебя придёт! Скажи, а ты раньше этого человека видела? Может, он заходил сюда когда-нибудь?

– Нет, мне он незнаком. Он тихо отворил дверь и вошёл.

Чаушка залаяла, но он сразу бросился к ней и усыпил её. А потом подхватил подмышку и побежал к выходу. Он ничего не искал, не прятался особенно, как будто ему была нужна именно собачка, и он точно знал, что дома нет никого, кроме нас с ней. А то, что ты пришёл, он, кажется, не видел...

– Так я пришёл не через ворота, а через заднюю калитку. Если кто следил за домом на улице, он меня видеть никак не мог. Но для чего кому-то понадобилась наша Чаушка? Она никому из соседей неудобств не доставляет, её все любят... Очень, очень странная история! Жаль, не схватил я его, да не до того было, за Собачку я очень волновался!

Во двор въехал экипаж с Домочадцами, и прихожая наполнилась движением и голосами.

– Ноги, ноги вытирайте! – командовала Бабушка Лина.

– Пойду скорее самовар поставлю, – торопилась Нина.

– Сейчас повнимательнее рассмотрим твои шпоры наградные, Ноель, уж больно колокольчики на них затейливые, – степенно басил Дедушка Бертик.

Дверь в гостиную раскрылась, и Домочадцы вошли в гостиную. Они сразу поняли: дома что-то произошло, слишком взволнован был Ансель, и слишком неподвижна Чау. Ди Ноель поднял и аккуратно поставил на место опрокинутый стул. «Ансель, что случилось?» – спросил он. Когда Ансель рассказал, мужчины переглянулись, а женщины заохали, запричитали. Бабушка Лина звучно чмокнула Лукерью в макушку:

– Милая, храбрая! Какое счастье, что ты была дома, иначе Собачку унёс бы неизвестный злодей, и никто из нас не узнал бы, что с ней случилось!

– Странные дела творятся! – сказал Симон, когда они с Апселем остались вдвоём. – Кто и почему хотел украсть Чау? Кто и почему следил за Домом и точно знал: нет никого, кто может помешать?

– Ты ещё не знаешь: в День Встречи Звезды Нину выслеживали и пытались похитить совсем рядом с Домом! Мы с Петером их спугнули.

– Слушай, это всё надо хорошенько обдумать. И с нашими посоветоваться. Но сейчас расскажи, что за дело у тебя?

Сима задумался над рассказанным Анселем. Потом сказал:

– В любом случае, посмотреть, что это за пират такой, и попытаться узнать, где он живёт, мы сможем только завтра к вечеру, ведь он на закате приходит к Красным камням. А сейчас, извини, мне надо заняться другими делами. Сегодня ночью у меня есть работа. А ты можешь пока подремать на моей кровати. Мне надо сосредоточиться, и здесь должно быть тихо.

Ансель кивнул головой и забрался на кровать – вздремнуть немного никогда не лишне! Симон сел в кресло и закрыл глаза. Через пару минут он стал слышать пролетающие мимо обрывки чужих мыслей. Вокруг него звучала симфония ночи. Вот зашелестели две хорошо знакомые темы – в

них не было слов, но они были рядом с ним всегда. Ещё несколько времени прошло. Он отбрасывал ничего не значащие звуки, вертящиеся вокруг, как мотыльки над светляком. Вот начала пробиваться какая-то тревожная нота – Симон понял, что именно её он должен сейчас выделить из объёмного беззвучия ночи, принять, понять и идти на встречу с тем, кто попал в беду. Он заглушил все неслышимые шорохи, оставив только одну трагическую мелодию и стал сливаться с нею. Всё! Он её принял! Теперь вперёд!

Ансель проснулся, когда Спасатель уже набросил рюкзак на плечи и готовился открыть дверь.

– Я с тобой, хорошо? – утвердительно спросил он.

– Давай! – кивнул Симон.

Парой минут позже упряжка с Милушкой почти неслышно выехала со двора.

...Люси, пригорюнившись, сидела у стены. Они уже всё обсудили с Максимилианом. Он до сих пор не знал, почему его бросили в подвал. Просто, какие-то люди ночью ворвались в его дом, спящего связали, бросили в повозку и притащили сюда – но для чего он понадобился похитителям, ему было неизвестно. Теперь он понял, что за это время пришлось вынести Лорелее. Дело было за малым – дожждаться, пока его найдут и освободят, тогда он сможет рассказать Анселю, что Русалка тоже попала в ловушку. И тогда, возможно, помощь придёт и к ней. Но пока она решила не говорить ему об этом. Вдруг в гулкую тишину тоннеля ворвались

шлёпающие звуки, какое-то фырканье, шум от потревоженной воды. Потом мужские голоса зазвучали одновременно и неразборчиво. Люси вжалась в стену – кто знает, что ей сулит это вторжение в подземный тупик? Потом вдалеке вспыхнул свет – у неё даже глаза заболели. Потом она услышала скрежет металла. И шаги, шаги, шаги. Наконец перед ней появилась совершенно мокрый Ансель с незнакомым мужчиной.

– Люси? – изумлённо завопил Ансель, – как ты здесь оказалась?

– Заглянула из любопытства после того, как мы с тобой расстались, и оказалась запертой. А ты как сюда попал?

– Друг пришёл тебе помочь, вот, это Симон, – представил он русалке своего спутника.

– Так вы правда пришли меня вызволять? Вот спасибо! Я ведь совсем духом упала, думала, пропаду здесь. А я зато нашла Максимилиана!

– Где? – в один голос спросили мужчины.

Люси показала им отверстие, через которое общалась с пленником пирата. Через мгновение спасатели принялись за работу.

– Брат, ты скажи, охранники близко от тебя? Часто к тебе заглядывают? – спросил Максимилиана Симон.

– Они приходят ко мне раз в сутки, вечером. Сейчас ночь, значит, только к следующей ночи и придёт охранник – он еду приносит. А сидят они, кажется, далеко отсюда. Когда меня сюда тащили, я видел, что пост у них возле лестницы,

а потом ещё спуск вниз и длинный коридор, в самом конце которого находится дверь в эту конуру.

– Отлично! – обрадовался Симон, – всё сделаем спокойно, не особенно таясь. Тебе сейчас отсюда тоже инструмент просуну, будем работать втроём! Пару камней из кладки вынем, и тебя сюда вытащим!

В тоннеле зазвучали молотки, заскрипела по плитам пила – в ход пошёл весь арсенал походного снаряжения Сими. Около часа ушло у них, чтобы выломать два камня. Но прежде, чем покинуть темницу, Максимилиан привязал одну из верёвок, что была у Сими, к оконной раме и выбросил её конец наружу, чтобы стражники подумали, что он выбрался из окна. Затем аккуратно убрал всю каменную крошку с пола и поставил свой топчан так, чтобы закрыть место пролома. А потом Максимилиан лёг на пол, протянул руки Симону и Анселю, и они бережно втащили его по эту сторону стены.

– Ну, здравствуй, брат! – обнял его Симон. – С возвращением тебя!

– Здорово, Макс, – хлопал его по плечу Ансель.

– Здравствуй, Максимилиан! – улыбалась Русалка Люси, – как же здорово, что ты нашёлся, и что я нашлась, и что теперь мы на свободе! Вот Лара обрадуется, когда узнает!

Мужчины аккуратно заложили выломанные камни на прежние места так, что со стороны невозможно было понять: здесь есть пролом. Затем все вместе поспешили к выходу.

Решётку они снова опустили и надёжно закрепили. Теперь они знали тайный вход в замок пирата!

Оказавшись на воле Люси вызвала сопровождение – ведь была глухая ночь, а ночью передвижение без сопровождения русалкам запрещено. Как только в чёрной воде вокруг Люси засверкали чёрные дельфины спины, мужчины простились с ней, сели в повозку и тронулись в Глиняный Дом. Максимилиан должен был пару-тройку ближайших дней погостить у Симы – до того, как завершится история с Эль Треко.

История тринадцатая

Наутро Лукерья почувствовала себя в центре внимания. Сам Ди Ноель ещё до завтрака зашёл справиться о её самочувствии, Нина за ночь связала для неё замечательный кружевной чепец, а Чау вылизала ей щёки до блеска! Бабушка Лина, называя Тыкву «моя ж ты рыбушка», пообещала подробно рассказать ей всё, что происходило накануне во дворце короля Илии. Пожалуй, вернёмся туда и мы – тем более, что нам известно больше, чем Бабушке Лине.

В Большом зале королевских собраний дамы занимали кресла по правую, а мужчины – по левую сторону от прохода: таков был раз и навсегда установленный порядок. После того, как все приглашённые собрались, герольд возвестил появление короля Илии. Правитель Лантаны энергичной походкой прошёл к креслу под балдахином, расшитом гербами королевства, окинул взглядом зал, приветствовал своих гостей и знаком предложил всем сесть. Фанфары призвали ко вниманию.

– Сейчас, по прошествии некоторого времени после того, как я самым невероятным образом нашёл своих детей, принцессу Стэйси и наследного принца Зорина, мне хочется выразить признательность всем, кто пришёл на помощь похищенным малышам и оказал великое благодеяние королевству! Глашатай возвестит собранию указы Короля Лантаны о

награждениях. Все они оформлены должным образом и внесены в архивы королевства. Но прежде хочу сказать: в моей власти сделать вас сэрами и пэрами, а также сэруньями и пэруньями, но не существует ни званий, ни наград, достойных мужеству, чести, доброте и благородству, которыми вы наделены от рождения! Я наградил вас за спасение принца и принцессы. Это долг короля. Но отныне моё сердце принадлежит вам. Это долг отца.

Затем глашатай огласил несколько королевских указов. Каждый из них предваряли тоекратные фанфары. Никто из домочадцев не был забыт признательностью короля Илии, ведь детей не только вырвали у работорговцев, но и окружили всеобщей заботой и любовью. Бабушка Лина, например, получила в подарок шубу из красной лисы, Нина – дорогое ожерелье. Принцессе Алине был дарован Орден Сильного и Решительного Сердца, все мужчины, принявшие участие в спасении детей, тоже получили важные награды. Ди Ноель, в знак подтверждения его гениальных полководческих заслуг был награждён восьмым наконечником в косы с большим бриллиантом и двумя изумрудами, парадными шпорами с колокольчиками на сапоги и сандалии – смотря по сезону, и глобусом Королевства Лантана, с поверхностью, инкрустированной полудрагоценными камнями и минералами. А Гранечка была возведена в звание герцогини Глинянодомской, что приравнивало её к особам королевской крови. После торжественной части король Илия лично побесе-

довал с каждым из гостей, потом предложил дамам отправиться на обед в дом герцогини Аграфены, а мужчин попросил остаться и пройти в библиотеку для особых мужских разговоров. Впрочем, Инну король попросил быть готовой присоединиться к совещанию.

– Я пригласил вас сюда, – сказал король Илия мужчинам Глиняного Дома, – чтобы поделиться некоторыми своими мыслями о тех событиях последнего времени, которым мы все стали свидетелями. Прежде всего хочу сообщить, что арестованные мною за измену, убийство королевы Лантаны и князя Ковриго, похищение моих детей, графиня Калаччо и её доверенное лицо, некая Ипсель, бежали из-под стражи. Эта Ипсель выхватила ещё один нож, спрятанный в одеждах, и нанесла сильнейшие ранения обоим стражникам, которые сопровождали их в темницу. Потом они спокойно вышли из дворца, и, поскольку никто из дворцовой челяди не знал о происшедшем в детской столовой, вызвали карету графини и на ней покинули территорию замка. Когда о раненых стражниках стало известно, за экипажем беглянок выслали погоню, но им удалось скрыться – в палаччо Калаччо графиня не вернулась. Это совершенно точно, потому что с того времени в палаччо постоянно находится моя охрана, и из прислуги графини там никого не осталось.

Домочадцы переглянулись. Графиня и её странная подруга оказались не просто тайными отравительницами и похитительницами – они были чрезвычайно дерзки и могли пре-

одолеть любые препятствия на своём пути!

– Естественно, я объявил их обоих в розыск, и приложу все свои силы, чтобы эти жестокие преступницы были найдены, пойманы и наказаны. До того времени моя душа не будет знать покоя! Я счёл необходимым рассказать вам об этом, чтобы просить присоединиться ко мне в борьбе со злом. Скажите, могу я рассчитывать на вашу помощь?

Мужчины одобрительно закивали, каждый из них был готов сражаться за правое дело. Король продолжил:

– Принцесса Алина передала мне дневник убитого по распоряжению графини Калаччо князя Ковриго. Как мне кажется, там есть то, что мы должны обсудить. Поэтому я попросил досточтимую Инну помочь нам ознакомиться с записями князя Елисея, а после этого мы сможем поделиться своими впечатлениями о содержании дневника.

Инну пригласили в библиотеку. Но прежде надо сказать, почему король Илия счёл нужным ввести её в это мужское собрание, хотя действия особ королевской крови обсуждению не подлежат: Инна была переводчиком и учителем иностранных языков. Она сама с трудом могла сосчитать языки, которыми владела в совершенстве. Инна знала даже тарабарский язык, сложный и многозвучный, а кроме того, древнелоскутный – его на Острове давно позабыли. И свой дневник князь Елисей Ковриго писал как раз на древнелоскутном – очевидно, он был правителем высокой культуры! Таким образом, только Инна и могла ознакомить короля и домочадцев

с записями князя Елисея. Она села за отдельный стол, обтянутый тёмно – синим сукном, раскрыла дневник, помедлила немного и начала бегло переводить. В дневниковых записях князя было много интересного о государственных делах, но некоторые из них отразили жестокое разочарование князя в семейной жизни. Он был поражён дурным характером своей жены, её необузданным нравом, которые проявились без прикрас сразу же после свадьбы. Некоторые заметки покойного князя Ковриго заставили домочадцев не раз переглянуться друг с другом – такая безрадостная семейная жизнь развернулась перед ними.

Буквально через несколько дней после свадьбы князь уже делал такие записи:

– Сегодня княгиня надавала пощёчин служанке за то, что неплотно прикрыла дверь...

– Княгиня уволила повариху, которая тридцать лет служила при дворе, за то, что та, украшая десерт, поставила в торт три павлиньих пера, а не четыре, и положила у чайного прибора красную, а не жёлтую розу, тогда как княгиня вышла к чаю в жёлтых перчатках...

– Княгиня Матильда самым неприличным образом накричала на министра обороны за то, что не преклонил перед нею колено, хотя после ранения, полученного в жестоком бою, колено у него не сгибается уже семь лет...

– Княгиня отказалась поехать со мной на конную прогулку из-за того, что не готова новая упряжь с её вензелями,

расшитыми бриллиантами. Я предложил ей из уважения ко мне прокатиться сегодня на лошади в упряжи, расшитой золотыми и серебряными рыбками, но она сказала: пусть в такой упряжи выезжают лошади вашей кухарки!

– На детей она не взглянула ни разу после их рождения, они ей откровенно неприятны. Сегодня наследники заболели, я спросил, почему она не у колыбели, ведь дети тяжело больны? Она ответила – на это есть слуги, есть врачи, пусть занимаются!

Ещё одна запись привлекла особое внимание слушателей.

– Сегодня я застал у себя в кабинете эту странную подругу княгини Матильды, Ипсель. Она держала в руках лютню и внимательно рассматривала её... Прежде всего, как посмела она войти в мой кабинет? Инструменты всегда хранятся тут в футлярах – и никто не имеет права доставать их без моего позволения! Я спросил её, почему она здесь, и Ипсель ответила, что это позволила княгиня! Я велел ей немедленно удалиться, тем более, что самой княгини рядом не было... Но что-то меня глубоко задело – то ли абсолютно свободное поведение этой женщины в стенах моего дворца, в моих личных покоях, то ли её молниеносный чёрный взгляд исподлобья, то ли беззащитная лютня в чужих руках... Мне стоит подумать о том, как в своём замке защитить наследство отца от чужих глаз и рук! Наверное, надо разделить коллекцию, держать инструменты в разных местах, сделать их недоступными для любопытствующих. А сегодня ночью я для нача-

ла тайно передам лютню и камертон на хранение няне Каре. Старинные же манускрипты, в которых содержатся сведения об этих инструментах, спрячу в одной из книг библиотеки... Почему-то мне очень не нравится явный интерес Ипсель к волшебной лютне!

И через несколько страниц князь Елисей записал следующее:

– Брак с графиней Калаччо оказался тяжёлой ошибкой. Я не могу допустить, чтобы мои дети, подрастая, получали дурные примеры поведения от женщины, которая к ним совершенно равнодушна, и не оказывает должного уважения мне, их отцу и правителю княжества Ковриго. После долгих раздумий, я решил сообщить графине Матильде, что она не может больше оставаться под кровом и на троне княжества Ковриго. На предложение развода ответила совершенно спокойно – буду счастлива! Дайте мне достойное содержание, и мы больше никогда не увидимся. Моя сводная сестра, дочь моей мачехи, вышла замуж за короля – почему я не могу? Не надейтесь, что я возьму с собой ваших детей. Но за то, что я отказываюсь от них, вы мне дорого заплатите. Золотом!

Инна перелистала весь дневник. Но больше никаких записей, относящихся к пропавшей коллекции музыкальных инструментов, ей не встретилось.

– А теперь я хочу, чтобы вы, досточтимые доны, выслушали ещё одну гостью, которую направила к нам принцесса Алина, – сказал король. Он сделал знак рукой, и в библио-

теку вошла та самая Синяя Птица, которую Нина вывела из заточения в День Встречи Звезды. Поклонившись, она рассказала свою историю. Лидия была дочерью садовника, ухаживавшего за прославившимся даже на материке – далеко за пределами Острова – дворцовым садом князя Ковриго.

Каждый цветовод знает, что растения для букетов надо срезать на восходе, лучше даже до восхода солнца. Тогда они дольше остаются свежими. Поэтому садовник князя Ковриго изо дня в день, из года в год выходил в сад за цветами для дворца самой глухой ночью, чтобы ранним утром они наполнили помещения своим великолепием и благоуханием. Лидия частенько помогала отцу. Днём они выбирали цветы для срезки, а ночью выходили с фонарями и собирали наполненные ночной влагой и прохладным воздухом букеты. Когда садовник уехал на материк, его дочь продолжала каждую ночь срезать цветы для князя. Однажды, когда, поставив фонарь на маленькую трёхколёсную тележку, срезала ирисы редкой красоты, она увидела, как по мощёной дорожке от замка к дальним воротам движется неожиданная процессия. Трое мужчин тащили странной формы ящики, а следом за ними шла одетая по-дорожному княгиня Ковриго и её служанка – их девушка иногда видела в парковых аллеях и поэтому сразу узнала. Когда они поравнялись с Лидией, она поняла, что это были не просто ящики, а футляры для музыкальных инструментов. Двое несли клавесин, третий тащил арфу. Ещё два футляра – с флейтой и скрипкой – несла

служанка княгини Ковриго. Дочка садовника склонилась в поклоне. В эту минуту княгиня подозвала её к себе. «Возьми эти инструменты и помоги донести их!» – приказала она. Лидия взяла скрипку и флейту и последовала за мужчинами.

Служанка княгини отворила ворота, за ними у ограды дворцового парка стояли два закрытых экипажа, один небольшой и изящный, другой просторный и строгий, в таких обычно перевозили грузы и людей простого сословия. Клавесин и арфу мужчины погрузили во вторую повозку. Лидия протянула скрипку и флейту в глубину тяжёлой колымаги, в эту минуту её рывком втащили внутрь, и дверца захлопнулась. Девушка даже не успела испугаться – ведь всё это происходило на глазах княгини, значит, всё в порядке, просто, нужно помочь куда-то отвезти инструменты. Мельком она успела заметить, что княгиня со служанкой сели в карету, и обе повозки тронулись. Они ехали довольно долго, дочка садовника даже начала волноваться, что не успеет вернуться ранним утром, чтобы доставить приготовленные букеты к служебному входу дворца, откуда их забирают горничные. Но выхода у неё не было. Когда, наконец, ей позволили выйти, она оказалась в совершенно незнакомом месте. Охранники, не говоря ни слова, заперли Лидию в маленькой камерке. А затем потянулись долгие однообразные и бессмысленные дни, пока однажды в зарешеченное отверстие на двери не заглянуло удивлённое лицо Нины...

– Ну вот, теперь мы точно знаем, что коллекция музы-

кальных инструментов, которой так дорожил князь Ковриго, находится в руках графини Калаччо и её сообщников. Кроме лютни и камертона, которые донна Кара смогла сохранить и передать принцессе Алине. Теперь, из записей князя, мы знаем, что эти инструменты волшебные. Понятно, что именно поэтому они так интересуют похитителей, – подвёл итоги король Илия. – Значит, нам надо приложить все усилия, чтобы найти украденные клавесин, арфу, флейту и скрипку, узнать их тайное предназначение, а главное – сохранить в неприкосновенности лютню и камертон. Нужно помочь принцессе! Ведь нам уже известно, что злодеи очень хитры и опасны!

...Принцесса Алина вошла в классную комнату, где в это время Мартин и Елизавета обычно занимались со своим учителем хороших манер и танцев – науками остро необходимыми для тех, кто будет в дальнейшем управлять государством. Дети радостно переглядывались и пересмеивались, и только что не подпрыгивали от восторга. Учитель по имени Кан де Лябр, сладко улыбаясь, держал в руках волшебную лютню, хранившуюся в малом кабинете принцессы, куда никто не мог входить без её позволения! При появлении Принцессы, он резко изменился в лице – сквозь сразу ставшую кислой улыбку отчётливо проглянул страх.

– Что здесь происходит? – строго спросила Алина. – Кто позволил взять инструмент из моего кабинета?

– Мы играли в разыскалки! – наперебой заговорили её

племянники. – Мы уже несколько дней играем с доном Кан де Лябром! Он прячет свою лютню, а мы её ищем! Мы её искали по всему дворцу! И никак не могли найти! И вот сегодня увидели её в твоём кабинете, тётя!

– Нет, князь! Нет, княжна! Это не моя лютня, вы принесли мне совсем другой инструмент!

– Как не ваша лютня? Вы же сказали, что это она, что мы её всё-таки нашли! – воскликнул Мартин.

– Нет же, ваша светлость! Вы ошибаетесь! Моя лютня здесь, вот она, – с этими словами Кан де Лябр приподнял чехол кресла и достал из-под него лютню, абсолютно отличающуюся от той, что он держал в руках минутой раньше.

Дети разочарованно посмотрели друг на друга, а учитель хороших манер с поклоном протянул волшебную лютню принцессе Алине. «Детки увлеклись, а я и не знал, откуда они принесли этот инструмент! Прошу меня извинить! Мы иногда играем с ними в разные игры, чтобы оживить наши занятия! – жеманно произнёс он. – Впрочем, урок уже окончен!

С разрешения вашего высочества, если нет никаких приказаний, я хотел бы возвратиться домой».

Поразмыслив над этой странной игрой, Алина вечером написала два письма – Королю Или и дону Симе.

...Зал был убран с безвкусной роскошью, а на тяжёлой скатерти красовалась дорогая разномастная посуда. Во главе стола сидел Эль Треко с массивным золотым, расписанным

эмалевыми хризантемами кубком в руке. Компанию ему составляли дон Кардамон и дон Квадрильон, а также графиня Матильда и её то ли дуэнья, то ли управительница, то ли телохранительница, Ипсель. Пират смотрел на своих сотрапезников с нескрываемым пренебрежением и снисходительностью. Доны сидели на краешке стульев и ели торопливо и смущённо. Графиня Калаччо старалась держаться надменно и легко управлялась с ножом и вилкой, отправляя в рот маленькие кусочки ароматного мяса, Ипсель была непроницаема и невозмутима, однако Кардамон и Квадрильон, ненароком встречаясь с ней взглядами, моментально опускали глаза в свои тарелки.

– И что теперь? – спрашивал Эль Треко своих гостей. – Вы проиграли во всём и везде, и поэтому ищите укрытия в моём замке! Я, в общем-то, не против, но ведь, если вас начнут настойчиво искать и найдут здесь, моё благополучие окажется под угрозой. А я этого не только не хочу, но и не могу допустить! Хотелось бы выслушать ваши соображения по этому поводу!

Не получив ответа, после небольшой паузы, он продолжил:

– Вы все хотели получить всё и сразу. А я живу по пословице – курочка по зёрнышку клюёт, и сыта бывает. Мой доход, возможно, не слишком большой, но ежедневный! И если я буду расчётлив, мой достаток будет прирастать изо дня в день, со временем я куплю земли, а потом и титул, женюсь

на родовитой барышне, и буду жить весьма почтенной жизнью. А вы что наделали? Ни одного удачного предприятия! Вы, дон Кардамон, решили сразу, из захудалых дворянчиков, стать правителем Кантилены, никак не меньше! И каков итог? Потеряли даже то, что имели, и теперь не можете носа высунуть за пределы моего замка! А вы, графиня? Уморили своего мужа, отравили сводную сестру, в итоге проиграли всё – за вами по пятам идут сыщики короля Илии, и если кто-то пронюхает, как вы скрываетесь под моим кровом, ни я, никто другой не сможет вас от них защитить. А там заслуженная казнь! Даже с этой дочкой садовника не смогли дело до конца довести! Не знаю, не знаю! Единственное, что я мог бы вам предложить в ближайшее время, это помочь выбраться на материк, когда к Острову подойдёт корабль с Ханом Гуссеем. Помогу одеться позатейливее, и ночью отправлю вас в закрытом экипаже в гавань.

– Не торопитесь, Эль Треко! Всё не так примитивно, как вы говорите! И принцесса Алина, и князь Елисей всего лишь ступени к достижению цели. А досточтимые доны Кардамон и Квадрильон работали по нашему плану, так что, они с нами с самого начала, и будут с нами до конца. И цель осталась прежняя, просто теперь придётся менять тактику, искать другие пути к её достижению. Пока не прибыл корабль хана Гуссея, продолжим начатое, и я уверена, нам повезёт! – холодно ответила графиня Матильда, не глядя на пирата. – К сожалению, королю Илии стало известно – инструменты у

нас. Но теперь надо сосредоточить усилия на поисках лютни и камертона. Если мы соберём весь квинтет и сможем завладеть камертоном, то будем непобедимы.

– А что такого необыкновенного в этих инструментах? – заинтересовался пират.

– Об этом поговорим в другой раз! Сейчас надо ещё кое-что сделать, чтобы мы стали неуязвимы, – вмешалась в их разговор Ипсель. – Мы проникли во дворцы короля Илии и принцессы Алины, мы поставили своих людей в непосредственной близости от правителей, мы знаем всё, что там происходит, но нам так и не удалось подобраться к Глиняному Дому. А именно оттуда исходят все наши неудачи! Эти домочадцы отняли у нас детей, которых мы уже передали Гуссею и вот-вот должны были получить за них деньги. Они же освободили принцессу Алину, соединили Илию с наследниками трона, даже дочку садовника, которая была так долго и надёжно спрятана, вырвала у нас одна из них! Такая неудача, что нам не удалось схватить эту плясунью Нину – тогда никто не узнал бы, что инструменты в наших руках. Вот наши главные враги на сегодняшний день! Из-за них дорогая Матильда потеряла трон Лантаны, который уже почти был у её ног! Нам надо сосредоточиться, и нанести удар по этому Дому!

– Это вам надо, – уточнил Эль Треко. – А мне надо приложить все силы, чтобы отправить вас подальше от моего замка! Имейте в виду, у меня с вами нет общих целей! – он осу-

шил кубок и не заметил страшный взгляд исподлобья, который в это мгновение бросила на него Ипсель. Хотя пират был неробкого десятка, он пережил бы весьма неприятные ощущения, если бы встретился с ней глазами...

Ипсель немного помолчала, успокаиваясь, потом её лицо приняло бесстрастное выражение, и она продолжила:

– Сегодня я отправила в Глиняный Дом Канабиса. Все домочадцы приглашены к королю Илии, он вручает им награды за великую услугу королевскому роду. А мне нужна собака, которая осталась в Доме одна, если не считать безрукой и безногой Тыквы. Канабис вот-вот должен притащить эту шавку сюда. Представляю, какие лица будут у награждённых, когда Тыква расскажет им, что никакой собаки больше нет! Жаль, что не могу увидеть сцену общего изумления своими глазами! – она рассмеялась.

– А собака-то вам для чего? – удивился Эль Треко.

– Узнаете в своё время, – отрезала Ипсель. – Мне не только она нужна. В Глиняном Доме ещё кое-кто очень для нас интересен, но начну я всё-таки с собаки, её заполучить проще простого. А там и до других очередь дойдёт! Кстати, Квадрильон, вы позаботились о том, чтобы мы сегодня узнали все подробности совещания у короля Илии?

– Я сделал всё, как вы хотели, досточтимая Ипсель. Надеюсь, в самом скором времени мы получим нужные нам сведения из первых рук!

В зал вошёл Канабис. Весь его вид выражал крайнюю ро-

бость – голова вдавлена в плечи, походка неуверенная, семьящая, руки, комкающие шапку, умоляюще прижаты к груди.

– Где собака? – прошипела Ипсель.

– Я не смог забрать её, ваша милость, – залепетал бандит. – Я схватил её, усыпил, но что-то круглое дико закричало и сбило меня с ног, а потом выскочил мужчина, которого там не могло быть, и мы с ним сцепились, а потом мне пришлось бежать – ведь вы строго наказали, чтобы всё было тихо, и чтобы ни в коем случае не попасться... А собаку он у меня отнял...

– Какой мужчина? Там же никого не оставалось, кроме тыквы и собаки! Откуда он взялся?

– Не знаю! Я несколько часов следил за домом – туда никто не входил! Но он набросился на меня, и отнял собаку!

– Опять неудача! И опять Глиняный Дом! Даже тыква в нём оказывает нам сопротивление! Ах, если бы не тот злополучный шкаф – я ни за что не потеряла бы её из виду! Ну, что поделать, придётся искать другие возможности, чтобы схватить собаку – забормотала Ипсель. И потом обратилась к Квадрильону:

– Узнайте уже, есть ли новости из дворца короля?

Квадрильон вышел из-за стола и торопливо скрылся за дверью. На лице Эль Треко отразилось раздражение.

– Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит? – громко спросил он. Но прежде, чем пират получил ответ,

Квадрильон вернулся, подобострастно склонился перед Ипсель и доложил:

– Переводчица здесь, наш шаркун заманил её в карету, и сейчас она ждёт в приёмной!

– В подвал её! – коротко распорядилась Ипсель. – Ночь посидит в неизвестности, понервничает, утром будет шёлковая!

– Кто смеет распоряжаться в моём замке? – зарычал Эль Треко, – Вы не забыли, Ипсель, это не дворец графини? Здесь только я могу определять, кого в подвал, кого за стол, кого за дверь! Что за новую жертву ещё вы сюда притащили?

– Успокойтесь, Эль Треко, – равнодушно сказала графиня Матильда. – Это привезли переводчицу из дворца Илии. Мы же хотели узнать, что там происходило сегодня! Кто расскажет нам лучше? К тому же она видела нашего человека в королевском дворце, теперь её никак нельзя отпустить! Распорядитесь, чтобы эту женщину надёжно упрятали сегодняшней ночью, и уже завтра пленница всё нам расскажет! Да ещё, возможно, станет нашим соглядатаем в Глиняном Доме!

– В башню её! – коротко распорядился пират.

История четырнадцатая

Кошечка Олли открыла один глаз. Дрозд уже спел ей добычную утреннюю песенку, и спать дальше было скучно – день без неё трепетал за окном всеми своими событиями, а во сне было темно и однообразно. Второй глаз пытался найти хоть какой-то обрывочек ночного видения, но тщетно – в прошедшей ночи ей ничего не приснилось. Вчера она задремала в печали по Арлекину. Кошечка мягко ступила на пол и взглянула на себя в зеркало. Все её горести сочувственно смотрели оттуда на неё, и ей стало так жалко себя, что Олли всхлипнула.

Арлекин Мигель всегда приносил с собой новые запахи, обрывки истёртых историй и чьи-то еле заметные тени... Когда он снова надолго уезжал, неясные оттиски его пребывания в Доме поселялись в комнатах, и Олли жила ими до следующей встречи. Она перебирала свои ощущения от фантомов Арлекина, складывала из них одной ей понятные мозаичные картинки, наполняла их смыслом, и это заполняло её внутреннюю жизнь. А внешняя принадлежала домочадцам. Но так надолго он ещё никогда не уезжал, и она отчаянно по нему соскучилась. Олли никогда подолгу не плакала от сочувствия к самой себе, а уж лить слёзы, проснувшись – такого с ней никогда не случалось. Поэтому она решительно страхнула скорбные обрывки ночи, сосредоточилась, ощу-

тила себя золотисто-розовой и открыла окно для знакомой бабочки Авроры. Собственно, Авророй её называли домо-чадцы, но Олли предполагала, что у неё есть какое-то другое имя – только как можно было узнать его, если бабочка не говорила? Лёгкая гостья приветственно коснулась мокрой щеки Кошечки и опустилась на подоконник. Олли разрешила яблоко, очистила апельсин, и, положив несколько долек на маленькое блюдо, поставила угощение перед Авророй. Бабочка была давней и доброй знакомой домочадцев: она прилетала в гости с первыми тёплыми деньками и пряталась где-то с наступлением холодов. Чаще всего она навещала Говорящую Собаку Чау и Симу. Сегодня Олли предпочла бы побыть одной, ей очень хотелось подумать об Арлекине, но у неё была гостья, а молчать, если рядом друг, крайне невежливо – этого Кошечка позволить себе не могла. Она присела к столу, на котором завтракала Аврора, налила себе чая, и, надкусив песочное печенье, стала рассказывать бабочке о своих переживаниях.

В свой прошлый приезд Мигель показался Олли очень странным, можно даже сказать – чужим. Неуловимо изменилась его походка и выражение лица. Она решила – это усталость от долгих разъездов. Но он позабыл милые домашние привычки – не бросил со смехом в угол прихожей дорожные запylённые сапоги с криком «Шайба в воротах!», не плюхнулся в своё излюбленное кресло, не спросил чая в большой чашке с нарисованным белым барашком на зелёном пригор-

ке! Он немного посидел на её стуле, невнимательно слушая сумбурный рассказ Кошечки о жизни Дома без него. Потом сказал, что должен непременно навестить Симу: он привёз для спасателя сок цветов дерева тамариск, очень дорогой и чрезвычайно полезный. Мигель вынул из потёртого рюкзака затейливо запечатанную необычной формы чёрную бутылку и выглянул в коридор. Олли собралась пойти с ним, ей не хотелось расставаться с Арлекином даже на минуту, но он неожиданно остановился – лежащая в коридоре на широкой лавке Чау подняла голову и напряглась. Она не узнала Мигеля! Это больно поразило Олли – значит, её любимый так давно не был дома, что Собачка успела его забыть! Арлекин резко закрыл дверь, снова присел к столу, рассеянно посмотрел по сторонам, потом объявил: ему надо срочно уехать, а сок цветов тамариска пусть Олли непременно передаст Симе как можно скорее... Олли почувствовала, как он отдалился от неё – рядом был совершенно посторонний ей человек. Она поняла – его что-то интересует в Доме, но совсем не так, как раньше. В нём не было любви к Дому и к ней – только какой-то необычный, странный интерес: Кошечка заметила, как он украдкой рассматривал её острым оценивающим взглядом... В довершение всего, после его отъезда эта диковинная бутылка разбилась, выскользнув из мокрых рук Олли, когда она захотела протереть её до блеска!

При этих словах, Аврора всплеснула крылышками, и Олли горестно вздохнула.

– Знаешь, Аврора, я решила – мне надо поехать за Мигелем. Его слишком долго нет! Вдруг, с ним что-то случилось, может быть, он заболел, и ему нужна помощь, а я тут сижу и прохлаждаюсь!

Бабочка пожалала крыльями.

– А почему это ты не уверена? Если с ним всё в порядке, я спокойно возвращусь домой. А если он в беде – кто ему поможет? Нет, я твёрдо решила, и уже даже вещи собрала. И домашних предупредила. Сегодня же и поеду!

Молчаливая собеседница помахала Олли одним крылышком, и она приняла это как знак прощания. Олли протянула ладонь, бабочка легко опустилась на кончик указательного пальца, и Кошечка тихонько коснулась губами бархатного крыла.

Через некоторое время Олли на Жабле взяла курс на Кисельные Берега – Мигель говорил ей, что хоккейный турнир проводился там, и, значит, именно оттуда ей надо было начать свои поиски. К удивлению, Аврора уселась на её кружевной воротничок и крепко вцепилась в него лапками – она решила отправиться вместе с Олли. Чтож, вместе всегда интереснее!

Олли внимательно смотрела на проплывавший внизу ландшафт – привычная картина в неожиданном ракурсе. Вдруг она поняла: в открывшейся панораме что-то вызывает у неё тревогу. Вглядевшись внимательнее, она поняла – что именно: травы, обычно пышно покрывавшие открытые про-

странства, странным образом поредели и поблёлкли, кустарники стали чахлыми и малочисленными, а лесные массивы острова, всегда густые и труднопроходимые, обозначили сухостой и прозрачность – деревья почти лишились листвы! И голубые пруды и озёра помутнели и затянулись какой-то бурой растительностью! Это удивило и не на шутку встревожило Кошечку, она поняла – ей есть о чём рассказать домочадцам по возвращении. Жабль, между тем, завис у дома родителей Лёлика в Кисельных Берегах. Олли поблагодарила безотказного Жабля и постучалась в серую дверь.

За обедом ей рассказали, что в городе происходят странные и необъяснимые события – исчезло несколько человек, в том числе, известная всем учительница, нянечка из одного доброго семейства, и даже хорошая соседка, дом которой стоит через дорогу! И никто даже не может предположить, что с ними случилось! Олли поёжилась: столько беды вокруг, а она себе придумывает несчастья! Но, раз уж она здесь, надо всё же расспросить, куда уехали хоккеисты после турнира! Всезнайка Лёлик рассказал ей, что спортсмены жили в единственной кисельнобережной гостинице. Олли решила заночевать там же и поспрашивать хозяев, куда собирались хоккеисты ехать дальше. Лёлик проводил её в гостиницу «Кружка и перинка».

Хозяйка гостиницы Миранда встретила её радушно. Открыла уютную комнатку с чистой, аккуратно убранной постелью и фарфоровым белым кувшином на столешнице умы-

вальника, и пригласила спуститься к ужину, как только она будет готова. Кошечка умылась, удивилась, что Аврора куда-то скрылась, и спустилась в столовую по широкой дубовой лестнице. За ужином Олли спросила хозяйку, не помнит ли она хоккеиста по имени Арлекин Мигель, который оставался в этой гостинице?

– Помню, помню, как не помнить, видный такой парень, весельчак и балагур! Очень мы с ним подружились. Но он давно уехал, говорил, что на материк собрался, там какой-то чемпионат будет...

Олли вздохнула. Как же она найдёт Арлекина на материке, ведь он, по сравнению с их Островом, бескрайний! Она посмотрела на витрину буфета, и вдруг увидела несколько точно таких бутылок, как та, что ей оставил Мигель, и которую она разбила!

– Это у вас сок цветов дерева тамариск? – спросила она.

– Да! Помню, твой Мигель брал такую у меня для кого-то из своих друзей в Глиняном Доме.

– Он оставил её мне, чтобы я передала, – вздохнула Олли.

– Ну? И ты передала её Симе?

– Нет... Я разбила её нечаянно... Олли вдруг увидела, как лицо хозяйки гостиницы побагровело.

– Так Сима её не получил! А Мигель так старался угостить друга! – возмутилась она.

– Я куплю у вас такую же бутылку и отвезу её Симе, мне повезло найти вас, – примирительно сказала Кошечка.

– Отвезёшь, конечно, отвезёшь... Но прежде я тебя угощу этим соком, ты такого никогда не пробовала, я это точно знаю! – улыбнулась ей Миранда. Она взяла из буфета непочатую чёрную бутылку и принялась её откупоривать.

В этот момент Олли почувствовала щекотание в ухе и неслышный голос прошептал: «Не пей! Не пей! Не пей! Ничего не рассказывай!». Кошечка повернулась и увидела взлетевшую Аврору. Хозяйка гостиницы тоже увидела её. Поставив перед Олли небольшой стакан с густым искрящимся розовым напитком, она неожиданно вынула из-под стойки сачок на длинной бамбуковой палке. «Я бабочек коллекционирую, – сказала, – сейчас и эту словлю для коллекции!» С этими словами, женщина бросилась за Авророй, но бабочка уже взлетела под потолок и неожиданно скрылась в еле видимой щели. В этот момент Олли вылила содержимое стакана в стоящий перед ней фаянсовый соусник, а пустой стакан поднесла к губам...

– Улетела, мерзавка! Ну, ничего, я тебя всё равно поймаю, дай срок! – погрозила сачком вслед Авроре Миранда, и обернулась к Олли. – Как ты себя чувствуешь, спать не хочешь?

– Хочу! – Олли сделала вид, что просто засыпает на ходу.

– Вот и хорошо! Пойдём со мной, я тебя уложу, – она крепко обхватила Кошечку за талию и властно повела её. Девушка делала вид, что полностью подчиняется и еле стоит на ногах.

– Я тебе дала всего лишь небольшую рюмочку моего на-

питка! От большей порции ты бы умерла на месте. Собственно, именно этого я и ждала от Симы. Сейчас ты у меня глубоко заснёшь, а завтра мы с тобой продолжим, и скоро твоё милое личико станет моим! А потом я в твоём облике сама угощу в Глиняном Доме всех, кого захочу... Ты своими ногами ко мне пришла, это мне здорово повезло, и уж дороги назад для тебя больше нет, – всё это хозяйка гостиницы говорила, направляя Олли совсем в другую сторону от комнатки, где та разложила свои вещи. Миранда подняла её на верхний этаж, открыла дверь в почти пустую комнату и толкнула Олли на деревянную лавку.

– Теперь ты будешь несколько дней спать, а я пока потроплюсь к Матильде, она осталась без моей поддержки. А за тобой вернусь в своё время! – и она улыбнулась вселяющей ужас улыбкой. Потом открыла дверь у противоположной стены, скрылась за нею. Через некоторое время оттуда появилась женщина, одетая и подстриженная, как мужчина, прошла мимо Олли и вышла, закрыв Кошечку на ключ.

Олли полежала без движения столько, сколько у неё хватило выдержки. В душе пленницы бушевали гнев и смятение, она была возмущена тем, что эта Миранда осмелилась угостить её отравленным зельем, и, кроме того, мысли вертелись вокруг исчезновения Мигеля и ядовитого напитка, который он привёз в подарок Симе... Вдруг она почувствовала невесомое прикосновение к щеке и чуть приоткрыла глаза. Над ней порхала Аврора. Кошечка резко села и шёпотом

спросила:

– Так ты умеешь говорить?

Бабочка присела на её руку и кивнула головой.

– А почему ты обычно молчишь?

Аврора развела крылышками.

– Тебя не слышно, или ты мало слов знаешь?

Бабочка неопределённо махнула крылом.

– Ну, это мы с тобой ещё обсудим, сказала Олли, – а сейчас надо понять, что происходит. Схожу-ка я туда, куда ушла Миранда. Хотя, если она увидит, что я не сплю, это будет для неё неожиданностью... Но всё равно, дверь наружу заперта на ключ, и у меня выбора нет – пойду за хозяйкой гостиницы!

Она поднялась по ступенькам и медленно отворила дверь. Перед ней была большая светлая холодная комната, в которой не было никого! Миранда исчезла! Но ведь Олли своими глазами видела, как хозяйка вошла в эту дверь! Кошечка неслышно ступила в открывшееся ей помещение. В нём рядами стояли грубые деревянные топчаны, на которых лежало нечто странное: огромные, в человеческий рост, коконы, очертаниями напоминающие человеческие же фигуры... Олли насчитала без малого пятьдесят таких неподвижно лежащих предметов. Она перевела взгляд на стену и обомлела. В застеклённой витрине на специальных подставках стояли... человеческие лица! В большинстве своём мужские, но были и женские, под ними находились таблички с надпися-

ми «добрая нянюшка», «лучшая подруга», «целительница», «хорошая соседка», «прекрасная учительница», «надёжная помощница», «хозяйка гостиницы» – Олли вздрогнула, увидев это лицо. Это была Миранда, с которой она разговаривала несколько минут назад! У противоположной стены на длинной вешалке висели костюмы, а на полке стояли болванки с париками, и лежало множество самых разных шляп. Потрясённая Кошечка повнимательнее взглянула на бесстрастные лица на подставках, и вдруг чуть не закричала от ужаса – перед ней стояло лицо Мигеля! Олли горько заплакала – значит, Арлекин не уехал на материк, и с ним действительно случилась страшная беда! Она пока не понимала, что с ним, но знала – Мигель потерял лицо, он погиб!

Аврора привлекла её внимание. Она стала взлетать с руки Олли и опускаться на «грудь» кокона, и так несколько раз. Наконец, Олли поняла, что бабочка предлагает ей положить ладонь на кокон... Она касалась рукой одного кокона, другого – её пальцы ощущали только мертвенный холод. Несколько рядов коконов – и наконец, она почувствовала, как под её рукой коротким толчком отозвалось сердце! Это Мигель из своего далёкого сна услышал и узнал тепло её руки! Олли бросилась к витрине с лицами, сняла с подставки безжизненное лицо Мигеля и приложила к кокону, в котором еле билась жизнь Арлекина. И вдруг кокон рассыпался, и на лежанке оказался её любимый.

Он медленно открыл глаза и взглянул на неё... Олли взяла

его за руку и ощутила, как пальцы Арлекина стали теплеть. В это время Аврора вдруг стала биться об оконное стекло. Олли подумала, что бабочка хочет вылететь из этой страшной комнаты и, пожалев её, распахнула окно. Поднялся сильный сквозняк, створки витрины распахнулись, лица слетели с подставок, закружились в вихре... В центре этой воздушной воронки неподвижно зависла Аврора. Она стояла вертикально без всякой опоры, крылышки её были простёрты вверх и светились голубоватым свечением. Бесстрастные лица некоторое время хаотично вращались вокруг неё, а затем попадали на коконы... Через мгновение оболочки коконов превратились в пыль, а на топчанах оказались истощённые до крайности люди. Некоторые из них смогли сесть, но у большинства и на это не было сил. Мигель приподнялся на лежанке с величайшим усилием. Бабочка, между тем, скрылась за окном. Олли видела, что людям срочно нужна пища – но где её взять? Внизу, в гостинице, есть кухня. Но дверь на лестницу была заперта снаружи, и там, за ней, были враги! В это мгновение в распахнутое окно влетело целое облако бабочек, их привела за собой Аврора. Комната наполнилась шелестом сотен крылышек. Каждая бабочка несла капельку нектара. В мгновение они наполнили нектаром белую фарфоровую чашу, стоящую на полке, и Кошечка напоила Мигеля. Затем эту чашу бабочки наполняли ещё и ещё, и Олли поила по очереди несчастных, погибавших в этом склепе. Прошло около часа. Наконец все пришли в себя и смог-

ли подняться на ноги. Олли бросилась к Миранде. «Почему ты пыталась усыпить меня? Что за странную усыпальницу ты устроила на чердаке своей гостиницы?» Однако, хозяйка расплакалась.

– Это не я! Это не я усыпляла людей и забирала их лица! Посмотри на меня – и меня точно так же усыпила эта мерзкая женщина! Ты же видишь, что я едва держусь на ногах! Она пришла ко мне в гости в образе лучшей подруги, мы с ней ужинали, пили чай, потом она угостила меня каким-то красивым розовым напитком. И всё, я перестала существовать, стало невероятно холодно, и я только ощущала, как жизнь потихоньку уходит из меня...

Олли поняла, что разговаривала в гостинице совсем не с Мирандой, а с той женщиной, что позже вышла в мужском платье из потаённой комнаты на чердаке! Это она отнимала лица у тех, кого могла заманить в свои сети – и лица, и жизни! Кошечка взглянула на Мигеля. Вдруг боль сдавила её сердце, Кошечка осознала, что в последний раз вовсе не Мигель приходил к ней! В Доме была преступная женщина, выдающая себя за мужчину. И она приходила для того, чтобы напоить Симу отравой! Почему? Чем помешал ей поэт и спасатель Сима? Но времени на разговоры у неё не было – надо выбираться отсюда, как можно скорее. Олли осмотрелась и нашла в углу комнаты свёрнутую верёвочную лестницу. Это оказалась замечательная находка! Она тут же надёжно укрепила лестницу под подоконником и выброси-

ла её за окно. Лестницы с избытком хватало для спуска на землю. Нисхождение начали незамедлительно. Последними вниз спустились Олли и Мигель. Вереница качающихся от слабости людей начала свой путь к свободе. Конечно, лучше всего было всем расположиться в помещении «Кружки и перинки» и вызвать подмогу, но что, если мучительница уже вернулась? Олли почувствовала, как в ней начинает подрагивать напряжённая мускулатура пантеры... Ну что ж, сильная кошка в ней была готова к сражению! Она попросила всех присесть и, крадучись, обогнула здание. У входа в «Кружку и перинку» не было никого! На двери висел огромный чёрный замок с коваными украшениями. Кошечка бросилась к крыльцу, под которым, как всем известно, всегда хранится запасной ключ от входной двери. Ещё мгновение, и дверь распахнулась! В помещениях было пусто!

– Скорее, идите, все идите сюда! – крикнула она. И возвращённые к жизни пленники потянулись на её зов. Первым делом, Олли растопила очаг и поставила на огонь огромный чайник – людей надо было согреть! Над крышей гостиницы поднялся медленный дым.

Миранда сказала ей, где хранятся варенья и мёд, в буфете нашлись свежие хлебы, в кладовой – густо пахнущий розовый окорок и призывно поблескивающие крутые спирали колбас. Олли смотрела, как жадно едят неожиданные постояльцы «Кружки и перинки», и слёзы сострадания душили её. На провалившихся щеках вернувшихся к жизни людей, на-

конец, появился румянец!

– Посмотри, – вдруг позвала её Миранда, – эта живодёрка у меня на стене скольких бабочек наколола на булавки! Я никогда бы не смогла такую «коллекцию» собрать – как можно эти летающие цветы лишать жизни! А она даже сачок здесь, под столешницей положила, чтобы всегда под руками был! И почему вдруг у неё такой странный к мотылькам интерес? А сегодня эти малютки нас нектаром поили, помогали придти в себя! Я сейчас же сниму со стены это кладбище!

Олли вышла во двор и кликнула Жабля. Она передала с ним записку для родителей Лёлика, где просила срочно прислать в гостиницу вооружённых защитников. И очень скоро в ограде постоянного двора расположился замечательный до зубов вооружённый наряд. Маленький городок загудел, обсуждая новости о «Кружке и перинке». Жителей Кисельных Берегов, которых освободила Олли, тут же увезли по домам обрадованные родственники, хоккеисты из команды Мигеля улетели на Жаблях. В общей радостно-разъездной суете никто не заметил, как от ограды гостиницы, прижимаясь к забору и прячась за любыми выступами, кралась съёжившаяся женщина в чёрном мужском одеянии. Она юркнула в ближайший переулок, и вскоре от углового дома на большой скорости отъехала двуколка и помчалась всё дальше и дальше, пока не покинула пределы города. И никто не услышал проклятий, которыми возница осыпала Олли, Арлекина и всех кисельнобережцев...

Олли и Мигель возвращались в Глиняный Дом. Им попался очень весёлый Жабль, который не летел кратчайшим путём, а совершал круги из удовольствия полетать и раскачивал своих пассажиров, желая их порадовать. Они держались за руки и разглядывали друг друга, потому что не виделись целую вечность, и говорили одновременно, и смеялись, падая и сталкиваясь на жаблевых виражах...

– Ты представляешь, Чау, оказывается, ангел-хранитель нашего Дома! Ведь если бы не она, эта пакостница отнесла бы свою чёрную бутылку Симе! Страшно подумать, что могло бы случиться! И что общего между Симой и мерзкой преступницей? – сказала Олли.

– Ты представляешь, я никогда не вернулся бы, если бы ты не пошла меня искать! – сказал Мигель, глядя на подругу и на Глиняный Дом, внезапно открывшийся им при очередном развороте Жабля...

Арлекин, пошатываясь, поднялся на крыльцо, вошёл в комнаты, с усилием разулся, аккуратно поставил запылённые сапоги в угол прихожей и облегчённо выдохнул:

– Шайба в воротах!

Потом разбросал руки и ноги в своём глубоком кресле и с блаженной улыбкой спросил у Олли чаю. Она повязала батистовый передник с оборками и поспешила к буфету – за его любимой голубой чашкой с белым барашком на зелёной лужайке.

История пятнадцатая

Инна проснулась на рассвете. Злодеи, втолкнувшие её в тесную клетку в башне, не знали, с кем имели дело. Инна вообще не была кисейной барышней, не умеющей шагу ступить безбоязненно. Девушка решительная, она с детства прекрасно лазала по деревьям, легко поднималась на крутые пики и спускалась в обрывы, любила длительные пешие прогулки, прекрасно ездил верхом и лучше боролась, чем вышивала. Инна хорошо владела собой, и поэтому не металась всю ночь в этой каморке, терзаясь неизвестностью, а приказала себе лечь и уснуть. Спать на незастеленной деревянной лавке не слишком удобно, но разве у неё был выбор? Стражник, несколько раз заглядывавший в глазок на двери, был очень удивлён: пленница безмятежно спала!

Открыв глаза, она вспомнила предшествующие события. После совещания у короля Илии к ней подошёл один из придворных. Церемонно раскланявшись, он весьма учтиво попросил её отправиться в некое родовое поместье, где должно было состояться оглашение завещания дона Артемона. Дело в том, что дон Артемон при жизни и говорил-то с трудом, речь его больше походила на собачий лай, а уж на каком языке он составил своё завещание никто и предположить не мог. Поговаривали даже, что до того, как стать Доном, он был пуделем... Поэтому наследники, собравшиеся в палаччо Кону-

раччо, почтительнейше призывали Инну приехать к ним и помочь с переводом этого важного документа. Они прислали за ней крытый экипаж, и возница ждал у ворот королевского дворца. Такое приглашение не было для неё необычным, поэтому, предупредив Бабушку Лину, что вернётся завтра, она спокойно поехала в незнакомое ей палаччо Конураччо. И оказалась в этой ловушке.

Инна выглянула в окно. Замок стоял на утёсе, круто обрывающемся в море... Вставало солнце, и морская вода ослепительно сверкала, жила и пела свою бесконечную песню в его лучах. Очень хотелось спуститься к морю, но что дальше – лодки-то у неё не было! Под стеной замка располагался пышный сад, а за его оградой – отвесный обрыв. Она посмотрела по сторонам. Слева виднелось подворье – флигеля, конюшни, оранжереи. Справа вдали громоздились выбеленные ветром скалы с заплатками скудной растительности. У вершины одной что-то остро блеснуло и погасло. Невольница попыталась понять, что же это было, но скала не послала ей повторной искры... Свесившись за окно, Инна увидела узкий каменный карниз, который тянулся вдоль всей стены замка. Девушка присела на подоконнике и задумалась. Её обманом заманили сюда. Значит, от неё нужно то, что открыто злоумышленники получить не могут! «Ну, чтож, посмотрим, как у них это получится», – решила она, сделала глубокий вдох, успокоила сердцебиение и уверенно перешагнула через подоконник. Карниз оказался достаточно широким,

чтобы можно было идти по нему, тесно прижавшись к фасаду, и она медленно направилась вдоль стены, стараясь не смотреть вниз. Пальцы её цеплялись за каждую трещинку, за каждую высеченную в сером камне завитушку. Идти приходилось с остановками. Очень мешала длинная пышная юбка, путавшаяся в ногах и цеплявшаяся за шероховатые плиты. Растрепавшиеся от ветра выющиеся волосы застилали глаза, и убрать их было невозможно. Она прикусила губу и легонько двинулась дальше... Дворец ещё спал, но существовала серьёзная опасность быть замеченной снизу стражниками у ворот...

Через некоторое время, показавшееся ей вечностью, справа от неё в стене появилось другое окно. Осторожно заглянув в него, она увидела маленькое круглое помещение. Судя по всему, это была сторожевая башня, но сейчас она была пуста! Инна скользнула внутрь, перевела дух, на цыпочках подошла к узкой двери и приоткрыла её. Перед ней была тесная и крутая лестница вниз с высокими каменными ступенями. Шурша платьем, она начала спускаться, наступая на длинные шёлковые и батистовые юбки. Мысленно она ругала свой туалет, который с таким тщанием вчера выбрала для визита в королевский замок: пышные юбки и рукава, большой кружевной воротник оказались сегодня мучительными и опасными помехами. Высокие ступени из неотёсанного камня и старинные выщербленные временем стены хватили её за шёлковые одеяния и старались удержать! Ей

повезло – это оказалась чёрная лестница, которой нечасто пользовались. Поэтому она довольно быстро достигла нижних этажей. Остановилась, выбирая свою дальнейшую дорогу, но в это время навстречу ей раздались тяжёлые шаги, и она юркнула в ответвление коридора. Потянула на себя первую дверь. Закрыто! Вторую – и тоже закрыто! Шаги послышались совсем рядом. Инна бросилась к третьей двери – она легко отворилась. Девушка едва успела скользнуть внутрь, как в коридор вошёл кто-то из охранников. Переведя дыхание, осмотрелась. Она вбежала в кухню, и прямо у входа на широком диване спал глубоким сном повар! Наверное, хозяева замка привыкли беспокоить его в любое время, поэтому он даже спал рядом со своими кастрюлями, поварёшками и плитой. На вешалке висели несколько фартуков и колпаков. Девушка неслышно подошла к окну и выглянула наружу. Какая удача! К кухонному окну тянулась мощная ветка старого тополя! Беглянка сняла с вешалки фартук и колпак, взяла с полки большую пустую корзину и решительно бросилась в оконный проём. Она всё рассчитала точно – руки её вцепились в толстую узловатую ветвь, ноги крепко обхватили шершавую «перекладину», и она моментально уселась в кроне тополя. Ещё мгновение – и отважная Инна оказалась на земле. Оправила платье, повязала огромный белый фартук, убрала волосы под колпак, и, взяв в руки корзину, решительно зашагала через двор к парку. Дворник, старательно метущий мощённую площадку, окликнул её – при-

ятно перекинуться парой слов с тем, кто так рано не спит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.